

https://vk.com/best_hot_romance

Автор: Нева Олтедж

Книга: «Нарисованные шрамы»

Жанр: СЛР, мафия, брак по договору.

Серия: «Идеальное несовершенство»

Возрастное ограничение: 18+

Перевод: Аббадон

Аннотация

Нина

*Очаровательный, пленительный и соблазнительный,
И хладнокровный убийца.
Но я все равно вышла замуж за пахана русской братвы.
Я должна была. Это было частью сделки.
Теперь я притворяюсь счастливой супругой,
но при этом дрожу от страха,
и не могу дождаться, когда вырвусь из лап безжалостного мужчины.*

Роман

*Я получаю все, что пожелаю.
И я хочу эту идеально несовершенную маленькую манипуляторшу.
То, как она может обмануть любого и заставить поверить, что безумно влюблена в меня, заставляет меня желать ее еще больше.
Она еще не знает,
но я не позволю ей уйти.
Сделка отменяется.*

Тексты всех произведений выложены исключительно для ознакомления.

Не для коммерческого использования!

При размещении на других ресурсах обязательно указывайте группу, для которых был осуществлен перевод. Запрещается выдавать перевод за сделанный вами или иным образом использовать опубликованные в данной группе тексты с целью получения материальной выгоды.

Пролог

Бип. Бип.

Сильный больничный запах. Похоже, я выжил.

Я пытаюсь открыть глаза. Не получается. Вероятно, обезболивающее только начинает действовать. По крайней мере, боли больше нет. Слева от меня раздаются тихие голоса, но они приглушены, и хотя звучат знакомо, я их не узнаю.

Бип. Бип.

— Он нас слышит?

— Нет. Он под сильным сидативом.

Бип.

— Он будет жить?

— К сожалению, да. Раны на его груди оказались не такими уж серьезными. Они его подлатали.

— Мы всегда можем попробовать еще раз. Снова свалить все на итальянцев.

— Слишком рискованно. Люди преданы *пахану*. Кто-нибудь заподозрит меня, и я окажусь в канаве.

Бип.

— Ну, возможно, тут есть и плюсы. Шрапнель раздробила ему колено.

— И что?

— Доктор сказал, что он больше не сможет ходить. Если появится кто-то гораздо лучше...люди, какими бы преданными они ни были, вряд ли будут стоять за *пахана* в инвалидном кресле, когда им предложат лучший вариант.

— Что ж, думаю, мы все-таки справились.

Раздаются шаги, и дверь закрывается.

Глава 1

Три месяца спустя

Наркотиков никогда не бывает мало.

Я кладу листок, исписанный заметками, на стопку бумаг на столе и сосредотачиваюсь на цифрах на экране ноутбука.

— Позвони Сергею. — Я откидываюсь в своем кресле и смотрю на Максима, который сидит по другую сторону стола. — Нужно, чтобы он организовал две дополнительные поставки в этом месяце.

— Он уже договорился с Мендосой о количестве на квартал. Не думаю, что мексиканцы смогут удвоить их в такой короткий срок.

— Смогут. Теперь скажи мне, что, черт возьми, происходит, потому что я хорошо знаю твой взгляд, и знаю, что ответ мне не понравится.

— Сэмюэль Грей потерял три миллиона долларов. Наших денег.

Я вздыхаю и качаю головой.

— Кто такой Сэмюэль Грей, откуда у него доступ к нашим деньгам, и как ему это удалось?

— Наш посредник по сделкам с недвижимостью. Деньги предназначались для покупки еще двух участков рядом с северным складом. Грей думал, что сможет занять наши деньги на неделю для каких-то инвестиций, которые в итоге оказались схемой Понци. Насколько надо быть идиотом, чтобы украсть у *братвы*? Иногда я поражаюсь тупости людей.

— Он может вернуть деньги? — спрашиваю я.

— Нет.

— Убей его. И сделай из него пример.

— У меня на уме кое-что другое. Роман люди... люди начинают шептаться. Нам нужно отвлечь их, и причем побыстрее. Думаю, Грей как раз подойдет.

— Да неужели? И о чем они шепчутся? — Я знаю Максима уже лет двадцать с тех пор, как он начал работать на моего отца, будучи солдатом. Старый *пахан* никогда не мог оценить потенциал человека. Зря растрачивать такой потенциал такого способного человека, как Максим, поручив ему базовую полевую работу, было одной из многих ошибок, которые я исправил в тот момент, когда стал *паханом* двенадцать лет назад. Сразу после того, как я убил этого ублюдка.

— Ты. Все еще не женат.

Не удивил этой новостью.

— Но ведь это еще не все? Что еще? — Я сужаю глаза на Максима.

Он не смотрит на меня, его взгляд сосредоточен на чем-то на стене позади меня.

— Ходят слухи, что ты не сможешь долго управлять *братвой*, и кто-то другой займет твое место. Кто-то более... физически здоровый.

— И ты согласен с ними?

— Роман, не говори глупостей. Ты знаешь, что я всегда поддерживал тебя, и буду поддерживать. Даже если буду не считать тебя самым способным *паханом*, который когда-либо был у *братвы*. Но ты сидишь здесь уже три месяца. Ты не был ни в одном из наших клубов, чтобы проверить, как идут дела, хотя бы раз в месяц, как делал это раньше, до взрыва. И тебя не видели с женщиной.

— Значит, моя сексуальная жизнь — лучший показатель моей способности управлять «Братвой», чем увеличение прибыли в два раза за последние два месяца?

— Роман, людям нужна стабильность. Они еще помнят, как твой отец занял место предыдущего *пахана* и хаос, который за этим последовал. *Братва* в междоусобной войне потеряла более пятидесяти человек, и бизнес потерпел крах. Они должны знать, что это не повторится. Жена означает — наследника, который займет твое место, когда придет время, без войн и гибели людей.

— Я не буду связывать себя пожизненными узами с какой-то случайной женщиной только, чтобы задобрить наши ряды.

— Давай я тебе кое-что покажу. — Максим достает свой телефон и начинает листать.

— Моя дочь ходила в школу с дочерью Сэмюэла. Они не были близкими подругами, но часто проводили время вместе, и я помню, как она показывала мне видео, которые снимала. Вчера вечером я попросил ее прислать мне одну из них, когда узнал, что сделал Сэмюэль Грей.

— Какое отношение видео с подростками может иметь к моей способности руководить *братвой*?

— Она уже не подросток. Нина Грей закончила художественный институт в Чикаго за два года вместо четырех, и сейчас она самый востребованный молодой художник в стране. Ее картины продаются по четырехзначной цене.

— И что, мы наймем ее, чтобы она написала нам семейный портрет? — Я уцепился за переносицу. — Максим, тебе едва за пятьдесят. Ты что, преждевременно впадаешь в старческий маразм?

— Мы нанимаем ее не для того, чтобы она написала нам портрет. Мы будем ее шантажировать. Жизнь ее отца за ее услуги.

— Какие именно?

— Выйти замуж за тебя, Роман. Ну, по крайней мере, временно.

Я несколько секунд смотрю на своего второго командира, а затем разражаюсь смехом.

— Ты совсем спятил.

— Что правда? — Он скрещивает руки и откидывается назад. — И что говорит терапевт? О твоей ноге.

— По его прогнозам, я смогу восстановить до восьмидесяти процентов.

— Что это значит?

— В худшем случае — это костыли. В лучшем — трость.

— Это хорошо. О каком времени идет речь? Месяц?

Я смотрю ему прямо в глаза и стискиваю зубы.

— По крайней мере, еще шесть месяцев физиотерапии.

— Черт, Роман. — Он потирает виски. — Мы не можем ждать так долго. Нам нужно что-то сейчас, иначе у нас будут беспорядки.

Я смотрю в окно и вздыхаю. Максим обычно всегда прав.

— Ты хочешь сказать, что либо у меня будут две работающие ноги, либо жена? Я не скоро буду ходить, Максим.

— Что ж, в таком случае, мы найдем тебе жену, пока ты этого не начнешь ходить.

— Полный бред. Я не могу шантажировать незнакомую мне женщину, чтобы она притворилась моей женой на шесть месяцев, особенно ту, которая никак не связана с нашим миром. Она, вероятно, будет до смерти напугана. Никто на такое не согласится.

— Ну-ка, взгляни, — говорит Максим и сует мне в руку свой телефон.

Видео зернистое, возможно, потому что снято много лет назад, но освещение хорошее, и я вижу интерьер комнаты с четырьмя подростками, сидящими полукругом, спиной к камере. Единственный человек, чье видно лицо, — темноволосая девушка, сидящая со скрещенными ногами перед зрителями. Камера увеличивает изображение, чтобы сфокусировать ее необычные черты. Видимо, в ее семье кто-то азиатского происхождения, потому что ее глаза слегка раскосые, отчего кажутся кошачьими. Интересно, как она выглядит сейчас?

— Ты можешь изобразить миссис Нолан? — спрашивает кто-то из полукруга. — Когда она говорит о своих кошках?

— Опять? — Молодая Нина Грей застонала. — Может кого-то нового? Например, политика?

Раздается коллективный звук недовольства, и несколько подростков кричат:

— Миссис Нолан! — Молодая Нина качает головой, затем улыбается и закрывает глаза. Когда спустя пару секунд открывает их и начинает говорить, я подношу телефон ближе, совершенно потрясенный.

Девушка говорит, но я не обращаю внимания на слова. Я полностью поглощен ее мимикой на лице, за тем, как дергается ее правый глаз, когда говорит, как подчеркивает слова. Внезапно она как будто становится совершенно другим человеком.

— Сколько ей лет на видео? — спрашиваю я, не отрывая глаз от экрана.

— Четырнадцать. Удивительно, не находишь?

На видео кто-то выкрикивает другое имя и указывает на девушку, сидящую в конце полукруга. Нина Грей смеется, сосредоточенно закрывает глаза, а затем начинает новый номер. И снова она принимает совершенно новый облик, ее поза, то, как двигаются ее руки, когда она говорит. Девушка сбоку наблюдает за ней, затем смеется и закрывает лицо рукой. Нина повторяет ее движение до мельчайших деталей, даже то, как слегка приподнимаются плечи девушки, когда она смеется. Мне кажется, я никогда не был свидетелем чего-то подобного.

Я поднимаю глаза и вижу, что Максим удовлетворенно улыбается.

— Как видишь, не думаю, что возникнут какие-либо проблемы с тем, что она будет притворяться кем угодно, что тебе нужно.

— Ты это серьезно? — Я все еще считаю эту его идею совершенно идиотской.

— Отчаянные времена требуют отчаянных мер, Роман. Мы должны пресечь слухи, и сделать это нужно сейчас.

— В таком случае, пусть будет жена. — Я захлопнул ноутбук. — Черт!

Я кладу сумку на кресло и оглядываю гостиную. Прошло несколько месяцев с тех пор, как я была здесь, но кажется, что ничего не изменилось. Те же белые шторы и ковер, белая и бежевая мебель, пустые белые стены. Так много белого - и выглядит стерильно. Я всегда это презирала. Неудивительно, что первые заработанные деньги я потратила на аренду квартиры, чтобы уехать подальше от этого уныния.

— Я дома! — кричу я.

Спустя несколько секунд раздается звук щелкающих каблучков. Мама выходит из кухни и устремляется ко мне, положив руки на бедра. Зара Грей — полная мне противоположность — высокая, светловолосая, с макияжем и в идеально сглаженном платье. Белое шелковое.

— Ты опоздала на три часа, я же говорила тебе... — она остановилась на середине предложения. — Боже милостивый, что ты с собой сделала?

— Ты можешь быть более конкретной?

— Металлическая штука в твоём носу.

— Это называется пирсинг, мама.

— Нина, от этого люди могут подцепить различные болезни. Когда отец увидит тебя, у него случится сердечный приступ.

— Мне двадцать четыре. Я могу делать со своим телом все, что захочу. И пирсинг у меня уже много лет, я просто снимаю его, когда прихожу сюда, чтобы ты не приставала ко мне. Сегодня я забыла.

— И почему ты одета во все черное? Кто-то умер?

Несколько моих мозговых клеток, несомненно.

— В этом месяце у меня темная полоса. — Я пожимаю плечами.

Моя мама любит клише. Я думаю, они помогают ей чувствовать себя более комфортно, особенно рядом со мной. Ей все еще трудно смириться с моим выбором профессии. Возможно, ей было бы легче, если бы я рисовала цветочные композиции или маленьких оленят. Интересно, что бы она сказала о моей последней работе? Работа еще не закончена, но ни цветов, ни оленей не планируется.

— Почему ты все время такая странная?

— Зато отлично срабатывает с парнями. — Я ухмыляюсь. — Мужчины любят странных женщин.

— Я не уверена в этом, дорогая.

Боже, она даже не может понять мой сарказм.

— Когда папа позвонил, он сказал, что это срочно. Где он?

— В кабинете. Последние несколько дней он не в своей тарелке. Я думаю, это как-то связано с работой, но он мне ничего не говорит. Словно... он чего-то боится.

Мой отец занимается недвижимостью. Не так много вещей, которых он боится. Я захожу в коридор слева и стучу в дверь кабинета отца, не имея ни малейшего представления о том, как круто изменится моя жизнь, как только войду внутрь.

* * *

Полчаса спустя я сижу в кресле в углу кабинета, и смотрю на отца с открытым ртом.

— Это что шутка?

— Это не шутка. — Он ссутулиться и проводит рукой по своим седеющим волосам.

— Так, поправьте меня, если я неправильно тебя поняла. Ты украл деньги у русских и потерял их, и теперь ты просишь меня выйти замуж за босса русской мафии.

— Нина, я ничего не крал. — Он всплеснул руками, встает и начинает вышагивать за своим столом. — Я просто одолжил их на несколько дней, они нужны были мне для сделки. Я даже не предполагал, что парень окажется мошенником или что он возьмет деньги и скроется.

— Ты взял деньги и не можешь их вернуть. Какого хрена ты связался с русской мафией? Папа, о чем, черт возьми, ты думал?

— Не говори со мной так! — Он обвиняюще указывает на меня пальцем. — Я твой отец!

— Ой, да ладно, ты просишь меня выйти замуж за мафиози, чтобы спасти свою задницу. Учитывая обстоятельства, я могу разговаривать с тобой, как угодно.

— Нина...

— Они ждут, что я выйду замуж за их босса? По-настоящему?

— Ненадолго, — отмахивается он рукой, как будто это не имеет большого значения.

— Но почему? Разве у них нет очереди из дочерей мафии, желающих выйти замуж за этого парня? Это было бы воплощением мечты для любой из них, верно? Почему я?

— Мне не сказали. Эти люди не объясняют. Они говорят, что делать, и если ты этого не сделаешь, то умрешь.

— Ты правда думаешь, что они убьют тебя?

— Да. Я удивлен, что они еще этого не сделали. — Он перестал вышагивать и повернулся ко мне. — Если ты не сделаешь то, что они просят, я умру.

Я глубоко вдыхаю и запускаю пятерню в волосы, сжимая их, как будто это поможет найти решение. Потому что я ни за кого не собираюсь замуж, фиктивный брак или нет.

— Ладно, давай подумаем. Должен быть какой-то способ все исправить. У меня есть кое-какие сбережения, может быть, пятьдесят тысяч. Через месяц у меня следующая выставка, и я смогу получить еще двадцать, если успею закончить все пятнадцать работ и все они будут проданы. Сколько денег ты сможешь получить за дом?

— От силы тысяч восемьдесят. Или девяносто, если мы продадим и мебель. Я могу получить еще десять за машину.

— Хорошо. Значит, у нас есть где-то сто семьдесят тысяч. Этого будет достаточно? Сколько ты им должен?

— Три миллиона.

У меня, видимо, случился небольшой инсульт, потому что он никак не мог произнести те слова, которые я только что услышала.

— Что?

— Я должен им три миллиона долларов.

Я уставилась на него с открытым ртом.

— Боже мой, папа.

Я наклоняюсь и пытаюсь контролировать дыхание. Я не гожусь для брака, никто в здравом уме не предложит три миллиона долларов в обмен на кратковременный брак. Должен быть какой-то подвох.

— Ему что девяносто лет? — бормочу я, уткнувшись в колени.

— Я не знаю, сколько лет пахану, но не думаю, что ему девяносто.

— Тогда восемьдесят. Мне так легче. — Меня сейчас стошнит.

— Они сказали, что брак будет только формальным. Тебе не придется... ты знаешь.

— Спать с ним? Ну, если ему восемьдесят, то он, вероятно, не может заниматься сексом. Это хорошо. Восемьдесят — уже хорошо.

— Нина, мне так жаль. Если ты не согласна, то, ничего страшного. Я что-нибудь придумаю.

Я выпрямляюсь и смотрю на папу, который сейчас сидит, сгорбившись в кресле, его волосы в беспорядке, а глаза налиты кровью. Он выглядит таким старым и хрупким.

— Если ты не планируешь обратиться в полицию, больше ничего нельзя сделать, так ведь? — спрашиваю я.

— Ты же знаешь, я не могу пойти в полицию и настучать на русскую мафию. Они нас всех убьют.

Конечно, они нас убьют. Я закрываю глаза и вздыхаю.

— Хорошо. Я согласна.

Отец смотрит на меня несколько секунд, затем закрывает лицо руками и начинает плакать. Мне тоже хочется плакать, но слезами горю не поможешь.

— Я полагаю, они назначат встречу, где обсудим детали.

— Да. Мы встречаемся с паханом через час.

Я смотрю на отца и зарываю руки в волосы.

— Отлично. Я только схожу в туалет, чтобы извергнуть свой обед, и буду ждать тебя у входа.

Глава 2

Девушка приносит напиток, ставит на стол передо мной и, не поднимая глаз, поворачивается и идет обратно на кухню. Я оглядываюсь вокруг, замечая ничем не накрытые грязные столы и ободранные, разномастные стулья. Это место - просто помойка. Оно закрылось в прошлом месяце, и именно поэтому я выбрал его для этой встречи. Тишину пронзает звук телефонного звонка.

— Они здесь, — говорит Максим со своего места позади меня. — Она приехала с отцом.

— Впусти только девушку. Отец пусть ждёт снаружи.

Я делаю глоток виски и фокусирую взгляд на стеклянной двери на другой стороне комнаты. Раздается стук, и мой человек, стоящий у двери, открывает ее, пропуская девушку.

По какой-то причине я ожидал, что она будет выше. Она миниатюрная, ненамного выше пяти футов. Ее длинные полуночно-черные волосы спадают двумя толстыми косами по обе стороны лица, и, если не обращать внимания на ее грудь, она может сойти за подростка. Она даже одета как эмо-подросток: рваные черные джинсы, черная толстовка и черные ботинки.

Я на секунду закрываю глаза и качаю головой. Ничего не выйдет. Я хочу сказать Максиму, чтобы он отослал ее, когда девушка поворачивается ко мне, и я проглатываю язык. Она такая же, как на том видео, но ее лицо потеряло детский вид с круглыми щеками. Вместо милой девочки-подростка передо мной стоит невероятно красивая женщина и гневно смотрит на меня. Она встречается с моим взглядом, и вопросительно приподнимает идеальную черную бровь.

— Мисс Грей, — говорю я и указываю на пустой стул по другую сторону стола, — Прошу присоединяйтесь к нам.

Я жду, что она задрожит, может быть, вздрогнет, но по ней не скажешь, что ей страшно. Она подходит, не отрывая взгляда от моего, но на стул не садится, как было велено, а встает прямо передо мной и оглядывает меня. Я всматриваюсь в ее лицо, желая увидеть ее реакцию, когда девушка заметит инвалидное кресло. Ее нет.

— Вы не такой, как я себе представляла, мистер Петров, — говорит она, и я должен отдать ей должное — у девушки есть смелость.

— А что вы представляли, мисс Грей?

— Я думала, что вам будет под восемьдесят. — Она поджимает губы.

Интересно, она правда так спокойна и невозмутима, или это очередной ее спектакль? Если это притворство, то она и правда хороша.

— Мне тридцать пять. — Я делаю глоток из своего бокала. — Теперь, когда мы это прояснили, давайте поговорим о деле. Ваш отец рассказал, чего от вас ждут?

— Да. И у меня есть парочка вопросов. — Она берет конец косички и начинает наматывать ее на палец. В конце концов, она не так расслаблена, как пытается показать. — И раз уж мы будем называть это деловой сделкой, у меня есть одно условие.

— Условие? Вы не в том положении, чтобы диктовать условия, мисс Грей, но давайте послушаем.

— Вы отпустите моего отца. Эта... сделка останется, между нами, двумя. Он выбывает из игры.

— Я подумаю об этом. А теперь давайте послушаем вопросы.

— Зачем вам нужна липовая жена?

— Вас это не касается. Следующий вопрос.

Она сузила на меня глаза.

— Что будет по окончанию сделки?

— Вы получите документы о разводе и заживете своей жизнью.

— А как мы поступим со свадьбой? Просто, пойдем и распишемся?

Я откинулся на стуле и посмотрел на нее.

— Нам нужно кое-что прояснить, мисс Грей. Мне не нужна жена только на бумаге. Если кто-нибудь заподозрит, что мы не безумно влюблены и что этот брак — фикция, ваш отец умрет. И вы, присоединитесь к нему.

Она моргает и смотрит на меня с явным замешательством на лице.

— Мы будем жить вместе?

— Конечно. Как иначе люди поверят в брак?

Похоже, что-то, наконец, сумело вывести ее из себя, потому что она просто стоит и смотрит на меня округлившимися глазами, ничего не говоря. У меня возникло чувство, что Нина Грей не так уж часто теряет дар речи.

— В субботу будет вечеринка, — продолжаю я. — Вы приглашены вместе со своим отцом. Мы встретимся и влюбимся в друг в друга. Вечером я заберу вас к себе домой, и мы два дня не будем выходить из моей комнаты.

— Я должна буду заниматься с вами сексом?

Она говорит это ровным голосом, как будто спрашивает о погоде, но я вижу это в ее глазах — едва прикрытый ужас. Я уверен, что никто другой не заметил бы этого, потому что внешне она выглядит такой безупречно спокойной. Но я регулярно навожу страх на людей, и вижу это ясно, как день. Девушка в ужасе.

— Нет, — говорю я, а потом решаюсь немного её встряхнуть. — Если, конечно, вы сами не захотите этого.

— Спасибо за предложение, мистер Петров, но я откажусь. — Она отпускает свою косу и засовывает руки в задние карманы джинсов.

Я ожидал, что она откажется, по какой-то причине ее ответ задел меня за живое.

— И что мы будем делать два дня в вашей комнате?

— Для других будет казаться, что мы будем заниматься много-много сексом. Но самом деле, вы можете делать все, что захотите. — Я взмахнул рукой. — Смотреть Netflix. Разгадывать кроссворды. Мне все равно. Я все равно всё время буду работать.

— Прекрасно. А что будет после этих двух дней «марафонского секса»?

— Я буду от вас без ума. Мы поженимся через несколько недель. После этого вы будете играть роль безумно влюбленной жены. — Я пожимаю плечами. — Что вы будете делать со своим свободным временем, зависит от вас, пока вы будете выполнять свою роль.

— И? И это все?

— Всё.

— Вы правда верите, что кто-то поверит в этот...спектакль?

— Ну, мисс Грей, всё будет зависеть от вас. На кону жизнь вашего отца.

— А вы? Сможете ли вы сыграть свою роль?

— Какую роль?

— Роль мужчины, безумно влюбленного в свою жену. Вы не похожи на него.

— Думаю, вам придется подождать и убедиться в этом, — говорю я и улыбаюсь. — Так мы договорились, мисс Грей?

Я почти вижу, как в ее голове крутятся колесики — она взвешивает варианты, плюсы и минусы, ищет выход. Но его нет, и мы оба это знаем. Я ловлю тот самый момент, когда она принимает ситуацию — лёгкое сжатие губ, когда она стискивает зубы.

— Договорились, мистер Петров.

Сегодня необычайно теплый вечер, но я все еще чувствую холод во всем теле, когда выхожу из ресторана. Отец хватает меня за руку и торопливо ведет к машине, по пути задавая вопросы, но я не могу сосредоточиться на его словах. Я открываю пассажирскую дверь и сажусь. Ноги дрожат. Похоже, адреналин закончился, и я ощущаю последствия.

Мне никогда не было так страшно, как в тот момент, когда вошла в ресторан, гадая, не передумали ли они и не решили ли нас убить. Сохранять спокойствие и хладнокровие перед человеком акулой требовало от меня огромного самоконтроля. Несколько раз я чуть не сорвалась. Но если бы он хоть на мгновение подумал, что я не смогу играть в его игру, мы с отцом были бы мертвы. Инвалидное кресло нисколько не обмануло меня, я знала, с кем столкнулась в тот момент, когда наши взгляды встретились — с хладнокровным убийцей.

Роман Петров. Я думала, что он пожилой человек с пивным животиком и редующими волосами. Иначе зачем бы ему шантажировать женщину браком? И как я могла так ошибиться?

Во время нашего разговора я изо всех сил старалась не отводить взгляд от его глаз, но мне все же удалось украдкой бросить парочку на него взглядов. Мужчина был невероятно красив. Его красоту можно было заметить даже при тусклом освещении. Я не могла точно определить его рост, но когда он сидел, а я стояла, наши головы находились на одном уровне. Он точно был выше меня более чем на фут. Я почувствовала облегчение, хотя нехорошо так говорить, от того, что он был в инвалидном кресле. Находиться рядом с высокими мужчинами — для меня серьезная проблема, а при мысли, что я застряну с одним из них на несколько месяцев, повергла меня в панику.

— Нина! — кричит отец. — Ты меня слышишь? Что, черт возьми, произошло внутри? Я пытался войти, но головорезы меня не пустили.

Я делаю глубокий вдох и, глядя на проезжающие мимо нас машины, начинаю рассказывать ему краткую версию сделки, которую я заключила с главой русского преступного мира. Я делюсь только основами брачного договора. Чем меньше он знает, тем лучше.

— Ни слова ни говори об этом маме, — предупреждаю я, когда мы подъезжаем к дому, — и постарайся вести себя так, будто ты никогда не встречался с Петровым в субботу. Он сказал, что, если что-то пойдет не так, сделка отменяется.

— Что ты имеешь в виду?

— Если кто-нибудь, включая маму, заподозрит, что я не безумно влюблена в этого сукина сына, нам конец.

Глава 3

Я смотрю на грудку платьев, которые только что закончила примерять, и мне хочется заплакать в примерочной. Все они предназначены для высоких женщин и с огромной грудью. В них я выглядела смешно, больше похожей на девочку, которая играла в шкафу своей матери.

Всю неделю я думала о вечеринке, прокручивая различные сценарии, которые могут произойти после моего приезда. Настолько погрузилась в свои мысли, что совершенно забыла купить платье. Я вспомнила о нём лишь сегодня утром, когда ела кашу, и чуть не упала в обморок. У меня всегда возникали проблемы с поиском подходящих платьев, поэтому найти такое за несколько часов было бы просто невозможно.

Я уже пять часов хожу по магазинам и все еще не нашла ничего подходящего для модного мероприятия. Мне нравится носить элегантную одежду, но каждый раз найти подходящее платье сплошное мучение, и я перестала искать и сосредоточилась на своем повседневном гардеробе. Я никогда никому не расскажу, но чаще всего делаю покупки в подростковых отделах. Судя по биркам, мне четырнадцать лет. И сегодня я бы предпочла пойти в джинсах, а не в платье для подростков.

Телефон звонит в кармане джинсов на стуле, я достаю его и вижу на экране неизвестный абонент. Наверное, ошиблись номером. Я кладу звонящий телефон обратно на сложенные джинсы, и достаю последнее платье для примерки. Красивое, шелковистое, зеленое платье, и оно будет выглядеть потрясающе... на ком-то другом. Бросив на него лишь один взгляд, я понимаю, что линия талии будет ниже сидеть чем моей, почти на бедрах. Телефон звонит снова, тот же номер. Я отклоняю звонок, и через минуту звонят снова. Ну, кто-там так настойчиво звонит? Скорее всего, они так и будут звонить, так что лучше сразу положить этому конец.

— Да? — рявкаю я, держа телефон между ухом и плечом, и расстегиваю пуговицы на зеленом платье. Может быть, платье будет не такое уж плохое.

— Мисс Грей, — отвечает глубокий голос, и платье выскальзывает из моих пальцев.

— Я хотел проверить, все ли идет по плану с вашей стороны.

— Абсолютно, мистер Петров. Почему вы спрашиваете?

— Потому что позвонил Максим и сказал, что вы уже почти час сидите в примерочной в каком-то магазине.

Что?! Я хватаю тяжелую штору, намереваясь выйти из раздевалки, когда вспоминаю, что в нижнем белье. Черт.

— Вы следите за мной? — чуть громче шепота говорю я в трубку.

— Технически, Максим. Я не хочу рисковать, что вы сбежите, не выполнив наш договор.

Я поднимаю с пола зеленое платье и начинаю его надевать.

— Я никуда не собираюсь сбежать. Я пытаюсь найти платье для вашей чертовой вечеринки. Отзовите своего сталкера, мистер Петров.

Повернувшись к зеркалу, я смотрю на свое отражение и стону. Зеленое платье не подходит.

— У вас все еще нет платья? Вечеринка через четыре часа.

— Я знаю! Но здесь мне ничего не подходит.

С его стороны возникает пауза, а затем

— Оставайтесь на месте. — Линия обрывается.

Что, черт возьми, только что произошло?

— Плевать, — бормочу я, глядя на телефон, затем собираю платья и оставляю их у продавца. В торговом центре есть еще один бутик, в который я могу заглянуть, но если и там ничего не найду, то понятия не имею, что мне делать. Думаю, могу отправиться на верхний уровень. Там расположены несколько элитных бутиков.

Возможно, я смогу найти что-нибудь у них, к тому же швея может на месте укоротить платье. Но эти магазины очень дорогие. Я ни за что не потрачу две тысячи на платье.

Я направляюсь к выходу, когда вижу парня из ресторана. Я помню, что он все время стоял в нескольких шагах за спиной Петрова. Ему около сорока лет, он слегка полноват, но держится молодцом. Темный костюм и галстук на нем безупречны, определенно дорогие. Он похож на человека из высшего руководства банка, а не на преступника. Когда я выхожу из магазина, он оценивает меня поверх очков и качает головой. Вероятно, считает меня недотепой. Как будто мне есть до этого дело.

— Пойдемте. — Он показывает головой в сторону лифта. — Они ждут вас на примерке.

— Кто это «они»?

— Сотрудники бутика.

— Какого бутика? — спрашиваю я, входя в лифт.

— Роман сказал, что самого дорогого. Я не обратил внимания на название.

— Я экономлю.

— Роман платит.

Я открываю рот, чтобы сказать «нет», но потом задумываюсь. Парень шантажом заставил меня выбрать между жизнью отца и браком. Пусть заплатит за платье.

Полтора часа спустя я выхожу из бутика с огромным пакетом, в котором лежит мое новое, профессионально укороченное платье, и еще двумя коробками, в которых лежат туфли на шпильках и сумочка-клатч. Интересно, что подумает мой будущий муж о моем платье? Одно можно сказать наверняка: ему оно не понравится, когда он увидит чек.

Она опаздывает.

Я возвращаюсь к разговору за столом, изо всех сил стараясь притвориться заинтересованным. Я никогда не был поклонником больших вечеринок. Фальшивые люди с липовыми улыбками, притворяющиеся, что они очень рады тебя видеть, в то время как втайне желают твоей смерти. Я оглядываю стол и думаю, кто из них установил бомбу, которая разрушила мою жизнь. Это были не итальянцы. В этом я уверен. Устройство подложили под мою машину, и если бы это были итальянцы, они бы заминировали весь склад. Мне повезло, что ублюдок на радостях нажал на кнопку пульта за несколько секунд до того, как я оказался внутри. Только несколько человек знали мое расписание на тот день, и некоторые из них сидят за этим столом.

Я потянулся к бутылке виски, чтобы наполнить свой стакан, когда мой дядя издал свист, как нецивилизованная свинья, которой он и является, и показал сигарой в сторону входа.

— Отличная задница, — комментирует он.

Я прослеживаю за его взглядом, и замечаю женщину в длинном изумрудно-зеленом платье. Черные вышитые украшения подчеркивают декольте и ее маленькую талию, а затем струятся по краям высокого разреза, обнажая стройную ногу. Я поднимаю взгляд вдоль разреза вверх, пока не останавливаюсь на ее лице, и почти не узнаю ее. Она сняла пирсинг в носу. Волосы тоже уложила по-другому, собрала их на макушке в сложный узел. Я с трудом верю, что это та самая женщина, которую встретил несколькими днями ранее. Мужчины за столом бормочут между собой, и мне хочется, чтобы они замолчали, чтобы я мог спокойно наслаждаться видом.

— Это жена Сэмуэля? — спрашивает кто-то.

— Да.

— А кто такой этот Сэмюэль?

— Он занимается покупкой недвижимости для Михаила. Наверное, это его дочь.

— Ну, я бы не отказался потрудиться над одну ночь.

Они продолжают смеяться над своими глупыми шутками, и это так меня злит, что хочется свернуть им шеи.

— Заткнитесь, — рявкаю я и пригвождаю их, одного за другим, своим взглядом.

Они секунду все смотрят на меня, а в следующее мгновение разговор переходит на другую тему. Я возвращаюсь к наблюдению за Ниной. Она стоит со своим отцом и несколькими другими мужчинами, улыбаясь чему-то, что сказал один из них, и я чувствую странное желание выстрелить в мужчину, который в данный момент принимает ее улыбку.

— Роман увидел кого-то, кто тебе понравился? — подталкивает дядя меня плечом.

— Может быть.

— Она милашка. Не совсем в твоём вкусе.

— Уходи. — Я потянулся за своим напитком. — И захвати парней с собой.

— Что?

— Леонид, иди и найди другой столик. Немедленно.

Он что-то бормочет, но встает, и через несколько мгновений три других стула скрипят. Я откидываюсь на спинку в кресле, и возвращаю взгляд к маленькому чертенку на другом конце комнаты.

Тревожное чувство поселилось во мне. Оно появилось, как только мы вошли, и я не могу избавиться от него. Возможно, оно вызвано беспокойством, что я нахожусь в логове волка, в окружении мужчин и женщин в дорогих нарядах. Они улыбаются и болтают, а мне интересно, у скольких из них крови на руках

Я поворачиваюсь, чтобы взять у официанта бокал вина, когда мой взгляд останавливается на мужчине, одиноко сидящем за столиком в углу, и мое сердцебиение учащается.

Небрежно откинувшись в своем кресле, Петров наблюдает за мной прищуренными глазами, и тщеславие во мне наслаждается его вниманием. Да, мистер Петров, я принарядилась. В вечер нашей встречи, мрачный интерьер ресторана не позволил мне хорошо его разглядеть, но здесь в свете громадных люстр, я наконец-то могу увидеть его во всей красе.

На нем черные брюки и угольная рубашка, две верхние пуговицы которой расстегнуты и открывают чёрный узор на груди. Рукава рубашки закатаны до локтей, демонстрируя аналогичную татуировку на правом предплечье. Не знаю почему, но он не произвел на меня впечатления человека, который наносит чернила на свою кожу.

Я встречала много красивых мужчин. У нас даже было несколько моделей, которые позировали нам на занятиях по живописи. Их идеальные черты лица всегда было сложно воспроизвести на бумаге. Роман Петров совсем не похож на этих мужчин, и сравнивать их было бы все равно, что сравнивать газель с диким тигром. Это совершенно разные виды. Если бы мне пришлось подобрать одно слово, чтобы описать русского пахана, то оно было бы смертоносный. Черные волосы, немного длиннее на макушке, острые скулы и нос чуть больше идеального. Ничего такого, что выделялось бы само по себе, но все вместе — это лицо, которое я никогда не смогу забыть. Может быть, это его темные и пронзительные глаза, по-прежнему устремленные на меня, испускают дьявольские флюиды, или его взгляд вызывает у меня желание развернуться и убежать. Наверное, это первобытная реакция, бессознательное, что жертва оказалась в центре внимания хищника.

Не разрывая зрительного контакта, он тянется к пустому стулу у себя под боком, придвигает его ближе к себе и кивает в его сторону. Я, наверное, должна подойти, но ноги словно приросли к месту.

— Мисс Грей, Роман Петров приглашает вас присоединиться к нему, — говорит мужчина слева от меня. — Неразумно заставлять пахана ждать.

Итак, похоже, шоу начинается. Глубоко вздохнув, я изображаю соблазнительную улыбку и начинаю идти к, вероятно, самому опасному человеку в помещении. Интересно, иду ли я к своей гибели?

Я останавливаюсь прямо перед ним и протягиваю ему руку.

— Мистер Петров, полагаю.

Вместо того чтобы пожать ее, он осторожно берет мои пальцы и подносит мою руку к своим губам, а затем мягко целует костяшки пальцев. Ощущение такое, будто огонь только что пронзил мою плоть. Он не сразу отпускает её, и я не могу оторвать взгляд, замечая, какой крошечной выглядит моя рука по сравнению с его.

— Пожалуйста, просто Роман, — говорит он глубоким баритоном, и словно бабочек лёгкая стая с замираньем трепещет в животе.

Я сажусь рядом с ним и быстро поправляю ткань платья, чтобы прикрыть ноги. Когда я бросаю взгляд в сторону отца, он все еще стоит с той же группой людей, и каждый из них смотрит в нашу сторону.

— У вас всегда так? — спрашиваю я, изображая на лице фальшивую улыбку. — Вы выбираете женщину, киваете, и она прибегает?

— Большую часть времени, да.

— Должно быть, это весело.

— Не совсем. — Он делает глоток своего напитка, наблюдая за толпой вокруг. Большинство из них бросают на нас взгляды, но когда они замечают, что Роман смотрит на них, то быстро отворачиваются.

— Скажите мне, Нина, если бы между нами не было этой сделки, вы бы прибежали? — спрашивает он.

— Не-а.

Я не ожидаю, что он попросит меня уточнить, но он делает это, и его вопрос удивляет меня.

— Почему? Это из-за инвалидного кресла?

Он говорит это в разговорной форме, но в его вопросе есть какой-то скрытый подтекст, который я не могу понять. Я перестаю наблюдать за толпой и смотрю ему в глаза.

— Всё потому, что я не пудель, мистер Петров.

Он смеется и делает еще один глоток своего напитка, качая головой.

— Что с вами случилось? — Я киваю в сторону его ног.

— А вы не ходите вокруг да около, да Нина?

— А вы хотите?

— В машину подложили бомбу. Осколок попал в правое колено и пробил его.

— Болит?

— Дико, — отрывисто говорит он и допивает остатки алкоголя.

— У вас есть деньги, и уверена, что, если какая-нибудь операция, может помочь.

— Как видите, есть вещи, которые не купишь ни за какие деньги.

— Да. Это отстой. По крайней мере, вы можете купить жену. — Я пожимаю плечами.

— За три миллиона вы могли бы получить целый гарем, а не одну.

Роман качает головой, и с интересом наблюдает за мной, а затем наклоняется, чтобы прошептать мне на ухо.

— Вы, Нина Грей, странная женщина.

Даже голос у него сексуальный, черт бы его побрал.

— Мама тоже так думает. Она говорит, что я никогда не найду мужчину, который захочет иметь дело с моей странностью, по крайней мере, в долгосрочной перспективе.

— Какая у вас оптимистичная, добрая мама. — Он проводит линию, по-моему, предплечья от локтя до основания ладони. — Есть парень?

Почти невозможно сосредоточиться, пока его палец продолжает проводить линии вверх и вниз по моему предплечью. Его прикосновения легкие, но все равно кажется, что он ставит на мне клеймо.

— Почему вы спрашиваете? Может вы раздумываете освободить меня от нашего контракта?

— Нет.

— Тогда полагаю, это не важно.

Не сводя глаз с моих, он берет мою руку в свою и подносит ее к губам, едва заметно улыбаясь.

— Я вчера вас погуглил, — говорит он, все еще держа мои пальцы в своей руке, всего в дюйме от своих губ. — Кто бы мог подумать, что такая нежная маленькая рука может создать такое... тревожное искусство.

Я улыбаюсь, пытаюсь скрыть, как сильно его прикосновение и близость влияют на меня. Романа Петрова, как я поняла, невозможно игнорировать, особенно когда он включает свое обаяние.

— Вам не нравятся?

— Напротив, мисс Грей. Мне понравилось.

Его губы касаются кончиков моих пальцев и остаются там на несколько секунд, прежде чем он опускает мою руку, но продолжает держать ее в своей. Он так хорошо играет свою роль — коварный, опасный мужчина.

— Не нарисуете ли ты что-нибудь для меня?

Я поднимаю на него глаза, удивленная его вопросом.

— Я не работаю на заказ.

— По какой-либо конкретной причине?

— Я не люблю, когда меня заставляют делать то, чего я не хочу.

Роман ещё шире улыбнулся. Ага, он понял двойной смысл.

— Тогда как насчет обмена? Вы рисуете что-нибудь для меня, а я даю вам то, что вы хотите.

— Что угодно?

— Деньги, драгоценности, все, что захотите.

Заманчиво. Но это не то, чего я хочу от него.

— Я хочу получить ответ на вопрос, — говорю я. — Ну как, идет?

Мой выбор удивил его. Я вижу это по тому, как слегка расширились его глаза. И он недоволен.

— Зависит от вопроса.

— В таком случае, я вынуждена отказаться, мистер Петров.

Он смотрит на меня, а затем разражается смехом, из-за чего в нашу сторону оборачиваются люди.

— Вы жестко ведете сделку, мисс Грей. — Он наклоняет голову и шепчет мне на ухо: — Спрашивайте.

Мне трудно поверить, что он согласился. Петров не похож на человека, который согласился бы на чьи-либо условия. Должно быть, он очень хочет заполучить картину. Я поднимаю голову и смотрю в его расчетливые темные глаза, в то время как в моей голове проносятся несколько вариантов.

— Роман, зачем вам временная жена? Вы красивы, богаты, влиятельны. Я уверена, что десятки женщин были бы счастливы выйти за вас замуж. Зачем тратить три миллиона долларов, если можно получить жену бесплатно?

— Потому что мне не нужна постоянная, а текущая ситуация в бизнесе требует, чтобы у меня была жена на ближайшие шесть месяцев.

— Почему на шесть месяцев?

— Это уже второй вопрос. — Он улыбается. — мы договаривались только на один. Туше.

Он ответил, ничего не раскрыв. Я должна была ожидать этого и сформулировать свой вопрос по-другому, но теперь пути назад нет.

— Итак, что вы хотите, чтобы я нарисовал для вас? Пейзаж? Собаку? Натюрморт? — Это обычные просьбы, когда речь идет о заказных работах, и главная причина, почему я ненавижу их выполнять.

— Нет. У меня на уме кое-что другое.

Опять эта коварная расчетливая полуулыбка.

— Мне нужен ваш автопортрет.

— Автопортрет? — Я недоуменно приподнимаю брови. Что, черт возьми, он собирается делать с моим автопортретом? Почему не пейзаж?

— Да. Это проблема?

— Нет. Какие-то особые пожелания? Поза? Фон?

Он поддается вперед до тех пор, пока его лицо не оказывается напротив моего, берет меня за подбородок двумя пальцами и слегка наклоняет мою голову.

— Только одно, — говорит он и фокусирует свой взгляд на моих губах. — Я хочу, чтобы ты была голой.

Мои глаза округляются, когда понимаю, что он только что сказал, и я настолько ошеломлена, что не могу найти осмысленный ответ.

— Похоже, мы стали главной достопримечательностью в зале, — пробормотал он, все еще сосредоточившись на моих губах. — Нина, ты готова?

Его близость творит забавные вещи с моим и без того беспокойным разумом, и, боже мой, он потрясающе пахнет. Пытаясь вернуться на землю, я начинаю напевать в голове новую мантру: Он преступник. Он мафиози.

— Готова? К... чему? — бормочу я.

— Чтобы показать, какая ты хорошая актриса. — Он улыбается и прижимается своими губами к моим.

Забывлась. Каждая связная мысль испарилась. В одну секунду я была разумным человеком. В следующую, все логические мысли испарились, а на смену им пришла одна безумная потребность — еще. Больше его губ, больше его запаха, больше всего. Раздается звук бьющегося стекла. Что-то мокрое забрызгивает мои ноги. Я открываю глаза и начинаю регистрировать реальность по частям. Лицо Романа маячит в сантиметре от моего, его рука на моей шее. Мои пальцы запутались в его волосах, сжимая шелковистые черные пряди.

— Это было выдающееся представление, — говорит он низким голосом.

Я убираю руки с волос Романа и смотрю вниз, на разбитый на осколки винный бокал. Красная жидкость залила белый мраморный пол, и часть ее попала на мою правую ногу и туфлю.

Роман схватился за колесики своего кресла и двумя быстрыми движениями оказаться напротив меня.

— Закиньте ногу на ногу, мисс Грей. Правую наверх.

Я с подозрением смотрю на него, но делаю, как он сказал, закинув правую ногу на левую.

Он наклоняется, берёт меня за правую лодыжку, расстегивает застёжку и снимает ремешок с пятки. Снимает туфлю, я смотрю на его руки, пока он вытирает вино с моей ноги белой салфеткой, которую взял со стола. Закончив, он снова надевает на ногу туфлю и закрывает застёжку. Держа мою лодыжку, Роман медленно опускает ногу вниз.

Я едва замечаю людей в комнате, которые стали необычно тихими — наблюдая за нами. Я пытаюсь и безуспешно, осмыслить то, что только что произошло. Это была самая эротичная несексуальная вещь, которую я когда-либо испытывала.

— Думаю, нам пора уходить, — говорит Роман и машет рукой в сторону Максима, который прислонился к стене недалеко от нас. — Иди к своему отцу, скажи ему, что ты едешь со мной, и убедись, что несколько человек слышат, как ты это говоришь. Мы будем ждать в машине у входа.

Он берется за колесики кресла и направляется к выходу, а Максим следует по пятам за ним. Люди смотрят, как они уходят, а потом их взгляды фокусируются на мне. Я чувствую себя как на выставке, когда подхожу к отцу и целую его в щеку.

— Роман предложил мне выпить с ним наедине.

Вокруг нас раздаются шепотки. Отец улыбается, но улыбка вынужденная, поэтому похлопав его по руке, я иду к выходу. Взгляды толпы прожигают мне в спину. Они, наверное, считают меня шлюхой, но мне плевать. С высоко поднятой головой и фальшивой улыбкой на губах я выхожу из зала.

У входа, как и было обещано, стоит большая белая машина. Максим стоит у задней двери и открывает ее, когда я подхожу. Сев в нее, я не могу не задаться вопросом, какого черта я делаю.

* * *

Я знала, что Роман богат. Он должен быть таким, ведь он глава *братвы*, поэтому я предполагала, что он будет жить в каком-нибудь большом доме. То, на что я сейчас смотрела, не было домом. Чертова крепость, да еще и со своей небольшой армией.

Высокие бетонные стены окружают огромное поместье со всех сторон, а на вершине через каждые десять футов установлены камеры. Машина проезжает через большие автоматические ворота с будкой охраны сбоку и следует по широкой гравийной дороге к чудовищному особняку. Вокруг раскинулась идеально ухоженная лужайка, и только несколько раскидистых деревьев расположены тут и там, чтобы не загораживать обзор. Вероятно, для меры безопасности.

Двое мужчин в черном с оружием на поясе стоят вдоль фасада дома, и еще несколько патрулируют территорию. Я уверена, что есть еще несколько человек, которых не вижу.

— У вас и в доме стоят камеры? — спрашиваю я.

— Если вы хотите, чтобы люди доверяли вам и оставались верными, вы должны отвечать взаимностью, — говорит Роман, сидя рядом со мной. — Размещение камер внутри означает, что я не доверяю своим людям.

Машина останавливается перед домом, и Максим открывает для меня дверь, пока водитель идет к багажнику, чтобы достать инвалидное кресло Романа. Я выхожу из машины и оглядываю здание. Всего два этажа в высоту, простирается по меньшей мере на пятьдесят метров. Оно гигантское.

Роман катится рядом со мной.

— Тебе нравится?

— Нет.

— Почему?

— Я не любительница громоздких вещей, — бормочу я.

Три каменные ступени ведут к главной двери, и я думаю, как Роман будет подниматься по ним, но потом замечаю узкий пандус у дальней двери. Он с легкостью заезжает на него. Наблюдая за ним, я чувствую укол грусти. Наверное, такому человеку, как он, тяжело, когда его жизнь так круто переворачивается с ног на голову. Я поднимаюсь по ступенькам, чтобы встретить его у входа, и охранник, ожидавший прибытия Романа, открывает перед нами большую дубовую дверь.

Роман ведет меня через большое фойе к лифту под переходом огромной двойной лестницы. Из коридора слева входит человек в таком же черном снаряжении, как и снаружи. Увидев нас, он останавливается и кивает головой Роману.

— *Пахан*, — говорит он.

— Варя еще не спит?

— Нет. Думаю, она на кухне.

— Скажи ей, что я вернулся. Пусть она поручит одной из девушек приготовить быстрый ужин, а потом может идти спать, — говорит Роман и смотрит на меня. — И скажи персоналу, чтобы они не совались в восточное крыло. Я не хочу, чтобы там кто-то был, пока я не прикажу.

— Только на сегодня?

Я вижу, как на губах Романа появляется загадочная улыбка.

— Нет., Вова. Скажи им, что это до дальнейших распоряжений. Я позвоню, когда мы будем готовы к ужину.

— Понял. — Мужчина кивает и поворачивается, чтобы уйти, но не раньше, чем он с интересом бросил взгляд в мою сторону.

Судя по выражению его лица и тому, как расширились его глаза после замечания Романа, сплетни вот-вот начнутся.

Когда мы выходим из лифта, Роман ведет меня по коридору налево и через богато украшенную деревянную дверь открывает дверь в огромное помещение с гостиной в центре. Слева — библиотека, справа — огромная современная кухня со столовой. Обстановка скудная, видимо, чтобы ему было легче передвигаться. Пространство оформлено в земляных тонах, в основном коричневых и бежевых, с большим количеством натуральных материалов — в основном дерева. Современно, но не холодно. Мне это нравится.

— Нам нужно пройтись по некоторым основным вопросам, — говорит он и кивает в сторону гостиной, где длинный диван, на котором могли бы разместиться пять человек, занимает центральное место перед большим телевизором, закрепленным на стене.

— Вы будете спать вон в той комнате. — Он указывает направо. — Моя спальня на другой стороне.

Пространство настолько огромное, что мне требуется несколько секунд, чтобы найти двери, о которых он говорит. Мне не особенно важно, как выглядит комната, лишь бы в ней была мягкая кровать и дверь, закрывающаяся на ключ. У меня болят ноги, поэтому я иду к дивану, снимая по пути каблуки, и опускаюсь на мягкие подушки.

Странное ощущение — быть здесь, в его доме. Я собираюсь жить здесь следующие полгода. С ним. Почему-то до этого момента все казалось нереальным, как будто все происходило с кем-то другим. Но теперь, когда сижу на его диване, в его доме, меня наконец-то осенило. Это действительно происходит.

Я должна быть напугана до смерти. Видимо, со мной что-то не так, потому что, да, я чувствую тревогу и нервничаю, но страха нет. Я поднимаю глаза, и встречаюсь взглядом с главой русского преступного мира — человеком, который обещал убить меня, если я не сыграю свою роль в его странной схеме, — и стая бабочек снова порхает в моем животе. Боже, мне нужно проверить голову, потому что вместо того, чтобы бояться, как нормальный человек, меня тянет к нему.

— Уже поздно, поэтому я проведу экскурсию по дому завтра. — Я подъезжаю к дивану. — Будет лучше, если ты не будешь бродить одна, пока я не познакомлю тебя со всеми.

— Хорошо. — Нина кивает. — И что теперь?

— Я позвоню на кухню, чтобы нам принесли еду, так как мы ничего не ели. Ты хочешь что-то конкретное?

— Я не голодна, но не помешает, чтобы персонал зашел к нам. Это заставит сплетни набирать обороты.

Устраивать шоу для персонала не входило в мои планы на сегодняшний вечер. Я предполагал, что она захочет лечь в постель, чтобы скрыться от меня, как только мы приедем, но теперь мне интересно, что у нее на уме. Немного беспокоит — то, как она ведет себя, так непринужденно, как будто вся эта ситуация совершенно нормальна. Нет ничего нормального в том, что на нее оказывают давление, заставляя переехать к незнакомому человеку и выдавать себя за его жену. Она видимо очень любит своего отца, что согласилась на это притворство и быть настолько заинтересованной.

Пока я набираю, Нина начинает вынимать шпильки из волос, и я смотрю, как длинные черные пряди одна за другой падают вниз по ее спине, словно водопад из чернильного шелка. Интересно, такие ли мягкие у нее волосы, как кажется?

— Когда, по-твоему, должна прийти горничная? — спрашивает Нина, вынимая последнюю заколку.

— В любую секунду.

— Хорошо, тогда начнем. — Она встает с дивана и подходит ко мне.

Наклонившись, она начинает расстегивать пуговицы на моей рубашке, ее лицо — воплощение спокойствия, но я замечаю, что ее руки слегка дрожат. Наконец-то нормальная реакция. Когда она заканчивает с моей рубашкой, то склоняет голову, как будто о чем-то задумалась, а затем смотрит мне в глаза.

— Можно мне забраться?

Я сужаю глаза.

— Куда?

— К тебе на колени? Тебе не будет больно?

Она хочет забраться ко мне на колени? Я не могу перестать смотреть на нее.

— Это не повредит моей ноге.

Нина кивает, одной рукой задирает платье, а другую кладет мне на плечо. Затем прикусывает нижнюю губу, явно не понимая, что делать дальше. Я обхватываю ее за талию и поднимаю вверх, чтобы усадить ее на свои бедра. Она вскрикивает, обвивая руками вокруг моей шеи, а глаза расширяются.

— И что теперь? — спрашиваю я, пытаюсь подавить смех.

— Теперь мы будем ждать, когда горничная застанет нас за объятиями.

— Но мы же этого не делаем, правда? Ты просто сидишь у меня на коленях. —

Протянув руку, я убираю длинную черную прядь волос, упавшую ей на лицо, затем,

держа ее, целую ее стройную шею. Другой рукой нащупываю разрез ее платья и слышу ее резкий вздох, когда начинаю водить пальцами по ее обнаженному бедру.

В дверь стучат.

— Войдите! — рывкаю я через плечо Нины, а затем возобновляю поцелуи вдоль ее шеи.

— *Пахан*, Варя сказала принести..., — голос Валентины обрывается на середине фразы.

— Оставь поднос на кухне и уходи. — Мои слова резкие, как будто Валентина прерывает что-то реальное. Мое тело, похоже, так и думает.

Девушка торопливо оставляет еду, а затем буквально убегает, стукнув за собой дверь.

Как только Валентина уходит, Нина отпускает мою шею и поспешно спрыгивает с моих колен. Хорошо. Если бы она оставалась там дольше, то, вероятно, заметила бы мой твердый член под брюками.

— Итак, думаю, все прошло хорошо, — говорит она и проводит руками по своим волосам, делая их еще более спутанными.

— И правда, прекрасное выступление.

— Я лучше пойду спать. — Она направляется к двери своей комнаты, но останавливается на полпути. — Могу я одолжить рубашку или что-нибудь еще? — Она бросает вопрос через плечо. — Я не хочу спать в Оскаре де ла Рента.

Мысль о том, что она в моей одежде, что-то делает со мной, и я представляю, как хватаю ее и несу в свою кровать. Мне это совсем не нравится. Это деловая сделка и ничего больше.

— Я принесу тебе кое-что. Мы можем послать кого-нибудь за твоими вещами завтра, оставь ключи на столе.

После быстрого душа я надела серую футболку, которую Роман оставил для меня на ручке двери, забралась в большую кровать и уютно устроилась под одеялом. Перед тем как лечь в постель, я проверила время на телефоне. Уже далеко за полночь, но я не могу уснуть. То, что нахожусь в незнакомом доме — лишь часть причины. Гораздо большая часть — спящий мужчина в паре десятков метров от меня. Одна мысль о нем мучает мой и без того поджаренный мозг.

Грудь Романа полностью покрыта татуировками. Я увидела это, когда расстегивала его рубашку, но у меня не было достаточно времени, чтобы обратить внимание на рисунки. Жаль, что не обратила, потому что потребность раскрыть хотя бы часть его секретов гложет меня изнутри. Русский пахан...загадка, полная противоположность

простым веселым парням - тем, кто может меня рассмешить... которые меня обычно привлекают. Мне нравится веселый парень, с которым легко говорить и еще легче расстаться... мужчина, который не будет требовать от меня открыться. Не стоит связываться с паханом больше, чем это необходимо для того, чтобы план сработал. Впутываться в дела *пахана* больше, чем это необходимо, чтобы план сработал, неразумно.

Я закрываю глаза, и образ Романа, ласкающего мое бедро, пока грешными губами проводит линию поцелуев по моей шее, заполняет мое сознание. Словно по собственной воле, моя рука скользит вниз по животу и останавливается между ног. Я кладу палец на свой клитор, слегка надавливаю и стону. Нет. Я не должна доставлять себе удовольствие, думая о человеке, который угрожал убить меня. Это так неправильно. Я быстро убираю руку, заправляю обе под подушку и стараюсь не обращать внимания на боль между ног. У меня ничего не получается.

Несколько часов я лежу без сна в постели, сжимая подушку пальцами, ожидая, когда мое предательское тело успокоится. Но оно не успокаивается. На самом деле, становится только хуже, пока я не могу больше терпеть, и тогда я, наконец, поддаюсь своему желанию и опускаю руку обратно между ног. Я кончаю в считанные секунды, уткнувшись лицом в подушку, с именем убийцы на губах.

Глава 4

Телефон звонит, пока застегиваю рубашку, и на экране высвечивается имя моего дяди. Старый хрен обычно любит спать до полудня по воскресеньям. Я знаю только одну причину, почему он звонит так рано.

— Леонид, в чем дело? — рявкаю я в трубку.

— Я слышал, ты привел женщину. Она все еще в доме?

— Это мой дом, так что тебя это не касается.

— Значит, касается. Ты никогда не приводишь своих шлюх домой, — говорит он, и мое тело напрягается.

— Если я еще раз услышу, что ты ее так называл, при мне или при ком-то еще, я перережу тебе горло. Понял?

— Да что на тебя нашло, Роман?

— Леонид, я ясно выразился?

На другом конце линии наступает тишина, прежде чем он отвечает: — Да.

— Хорошо. — Я отключил связь.

Я ненавижу этого человека, но не могу рисковать и выгнать его, как бы мне этого ни хотелось. Леонид знает слишком много, и он нужен мне здесь, где я смогу все время за ним присматривать.

Я дотягиваюсь до костылей, стоящих на тумбочке, кладу их по обе стороны от себя и поднимаюсь. Засунув костыли под мышки, глубоко вдыхаю и делаю первые несколько мучительно медленных шагов. По утрам мое колено обычно затекает, но сейчас оно гораздо лучше, чем месяц назад. Все эти часы физиотерапии наконец-то приносят свои плоды, но я все еще далек от того, чтобы избавиться от этой чертовой инвалидной коляски. Я ненавижу эту чертову штуку, но бывают дни, когда боль слишком сильна, и я не могу даже пошевелить правой ногой.

Когда я найду ублюдков, которые установили эту бомбу, я буду наслаждаться их убийством. Возможно, я был под седативными, но помню, как в больничной палате разговаривали два человека. Я не мог узнать голоса или понять весь смысл сказанного, но понял достаточно, что они были замешаны.

Один из них, вероятно, мой родственник, живущий под моей крышей. У меня нет доказательств, но я почти уверен, что Леонид сыграл свою роль. Кто второй? Мне еще предстоит это выяснить.

Когда выхожу из своей комнаты, я слышу, как из кухни доносится пение, и, повернувшись, вижу Нину, роющуюся в холодильнике. Я знал, что она невысокого роста, но, сидя вчера вечером, я не мог точно определить ее рост. Она еще ниже, чем я думал, едва ли пять футов. Подол моей футболки доходит ей до колен, и она выглядит в ней смешно. Босиком ее макушка даже не доходит до моих плеч.

Она стоит ко мне спиной, поэтому не видит меня, когда я подхожу и встаю у обеденного стола в нескольких шагах позади нее.

— Есть что-нибудь интересное в холодильнике? — спрашиваю я.

Нина вскакивает с изумленным вскриком и с грохотом закрывает холодильник.

— Черт, у меня чуть сердце не остановилось...

Она останавливается на полуслове и просто стоит и смотрит на меня, ее глаза огромны. Я ожидал, что она удивится, увидев меня вне инвалидного кресла, но эмоции, отразившиеся на ее лице, — это не удивление. Это страх.

— Нина? — Я делаю шаг к ней.

Она вздрагивает и делает шаг назад, натыкаясь на холодильник. Ее дыхание учащается, становится поверхностным, словно она не может вдохнуть достаточно воздуха, а руки слегка дрожат. У нее приступ паники. Я понятия не имею, что ее спровоцировало, но она чего-то боится, и я уверен, что...меня. Это бессмысленно.

Всего за пару часов до этого я держал ее на коленях, и она совсем не выглядела испуганной.

— Роман, — говорит она наконец, ее голос едва превышает шепот, — мне нужно, чтобы ты сел. Пожалуйста.

Я не вижу смысла в ее просьбе, но делаю два шага к обеденному столу, отодвигаю стул и сажусь. Нина остается стоять на месте перед холодильником, но, по крайней мере, ее дыхание, кажется, становится более контролируемым.

Шальная мысль приходит мне в голову, что-то, что она сказала, когда мы приехали. Теперь я ясно помню это, и мне не нравится то, что это подразумевает.

— Ты кое-что сказал прошлой ночью. Объясни, что ты имела в виду.

Она моргает и качает головой.

— Что именно?

Ее голос окреп, стал почти нормальным, но все равно она не двигается. Прижата спиной к холодильнику, словно хочет раствориться в нем.

Я фокусирую взгляд на ее лице, чтобы убедиться, что уловил ее реакцию.

— Что ты имела в виду, говоря «я не любительница громоздких вещей»?

Она моргает и, вместо ответа, поворачивается и убегает в свою комнату. Дверь закрывается с грохотом в тот же момент, когда понимаю это, и во мне закипает гнев. Кто-то причинил ей боль, и если она так отреагировала, значит все было очень плохо.

Часы на тумбочке показывают два часа дня. Я не могу оставаться запертой в комнате весь день, и знаю это. Но все же не могу заставить себя пойти туда и встретиться с Романом после утреннего эпизода. Он, наверное, думает, что я сумасшедшая. Боже, даже спустя два года, я все еще не в себе.

Временами становилось лучше. Я дошла до того, что могла находиться в компании здоровенных мужчин, не выходя из себя. Я даже могла вести нормальный разговор, если они меня не трогали. Да, с большинством людей, особенно с мужчинами, выше меня. Но многие из них не вызывают приступов паники. Я реагирую только на тех мужчин, которые так же высоки, как Брайан, и имеют значительную мышечную массу.

Роман совсем не похож на Брайана, который был блондином и имел внешность серфера, но у них похожий рост и телосложение. Возможно, если бы меня как-то предупредили, или если бы знала, чего ожидать, я бы не реагировала так бурно. Но я все еще была сонной, и когда Роман внезапно возвысился передо мной, была потрясена.

Я должна выбраться из этой комнаты. Меня ждет работа, люди, которых нужно обмануть. Я могу это сделать.

Воодушевившись, я встаю с кровати и с гордо поднятой головой выхожу из комнаты.

Роман сидит за столом, в одной руке вилка, а другой он прижимает к уху телефон. Судя по мрачному выражению его лица, это не очень хорошие новости. Я изо всех сил стараюсь придать своему лицу непринужденное выражение и присоединяюсь к нему, специально выбирая стул рядом с ним. Мои действия говорят: «Я тебя не боюсь. Эпизод на кухне был просто недоразумением. Давай сделаем вид, что этого не было.»

Когда я сажусь, он все еще разговаривает по телефону, но следит глазами за каждым моим шагом. Убедившись, что мои движения совершенно спокойны, я наполняю стакан водой и сосредотачиваюсь на еде в центре стола. Там стоит миска с картофельным пюре, ассорти из рыбы и несколько салатов, поэтому я беру тарелку и накладываю себе. Я также беру кусок хлеба и начинаю есть.

— Я буду внизу через двадцать минут, — говорит Роман по телефону, кладет его на стол и продолжает есть.

Мы едим в тишине, единственный звук исходит от столовых приборов, и он странно... домашний. Я ожидала, что он начнет расспрашивать о сегодняшнем утре, но Роман даже не упоминает об этом, и я чувствую облегчение.

— Я послал Валентину за твоей одеждой, — говорит он наконец. — Они в сумке в гостиной.

— Отлично. — Я беру помидор черри со своей тарелки и бросаю его в рот.

Роман откидывается на спинку стула и, скрестив руки перед собой, наблюдает за мной несколько секунд. Я пытаюсь сосредоточиться на еде, а не на его мускулистых руках, которые растягивают материал его рубашки. Мне это не удается.

Он наклоняет голову в сторону и сужает глаза.

— Знаешь, мне кажется очень интересным, что ты справляешься с этой ситуацией гораздо лучше, чем я надеялся.

— С какой ситуацией? — Я тянусь к салатнице и наполняю тарелку салатом и помидорами черри.

— Этой. Тебя шантажом заставили вступить в брак с таким, как я. Тебе придется отложить свою жизнь на шесть месяцев. Я ожидал, что ты будешь настороженной. Сдержанной. Испуганной. Ты выглядишь... неестественно невозмутимой

— Ты думаешь, что я психически неуравновешенна? — Я беру лист салата, оборачиваю его вокруг помидора черри и макаю его в майонез, пока Роман с интересом рассматривает меня.

— А это так? — спрашивает он. — Ты психически неуравновешенная?

— Конечно, нет. Я — воплощение психической стабильности. Спроси любого. — Я показываю на свой шарик салата-помидора-майонеза. — Хочешь?

Судя по выражению его лица, ему не до веселья. Я вздыхаю и смотрю ему прямо в глаза.

— Да, я нахожу эту ситуацию тревожной, но она такая, какая есть. Есть ли у меня право голоса? Нет. Я могу что-то изменить? Опять же, нет. Буду я бороться или нет, результат будет один и тот же. По мне, так лучше просто принять эту чертовщину и смириться с ней.

— Ты немного сумасшедшая, ты ведь знаешь?

— Жизнь — это безумие. Ты должен принять ее. — Я пожимаю плечами и показываю головой на костыли, прислоненные к столу рядом с ним. — Зачем тебе инвалидное кресло, если ты можешь ходить?

— Я бы скорее назвал это перемещением. И я все еще не могу провести целый день на костылях. В какой-то момент я планирую отказаться от инвалидного кресла, но пока я не могу выдержать целый день, я не хочу, чтобы кто-то знал.

— Почему?

— У меня есть свои причины. Об этом знают только Максим, Варя и мой физиотерапевт. А теперь еще и ты. Я хочу Нина, чтобы так оставалось и дальше.

— Никто не застал тебя на прогулке? Горничная? Никто не приходит к тебе в комнату без предупреждения?

— Только Варе можно сюда заходить. Она занимается уборкой. Все остальные знают, что в мои комнаты нельзя заходить, если их не пригласили.

— А что будет, если тебя поймают? Это будет проблемой?

— Не совсем. Потому что я бы убил их на месте.

Сначала я думаю, что он шутит, но потом он смотрит на меня, и я вижу это в его глазах. Он абсолютно серьезен.

— Вы страшный человек, мистер Петров.

— Это входит в должностные обязанности, Нина, — говорит он. — В моем мире люди понимают только три вещи: верность, деньги и смерть. Запомни это. — Он достает костыли. — Мне нужно кое-что обсудить с Максимом. Я вернусь через час.

Я быстро встаю, делаю глубокий вдох и усилием воли заставляю себя не двигаться с места. Я ни за что не допущу повторения утреннего эпизода. Он не Брайан. Я не позволю своему необоснованному страху управлять мной.

Роман расставляет костыли по обе стороны от себя и встает прямо передо мной. Боже, какой же он огромный. Мое сердцебиение учащается, но мне удается не вздрогнуть. Я справлюсь с этим. Я буду жить с ним следующие шесть месяцев, так что мне нужно собраться. Очень медленно я поднимаю голову и смотрю ему в глаза, не дрогнув ни единой ресницей. Но я, черт возьми, уверена, что мои дрожащие руки спрятаны за спиной.

— Интересно, чем тебя кормили в детстве, — говорю я и даже умудряюсь слегка ухмыльнуться.

Он смотрит на меня несколько секунд, а затем проводит большим пальцем по моей щеке.

— Ты выдающаяся актриса, *malysh*.

Он убирает руки от моей щеки, и медленно направляется в свою спальню. Интересно, что он имел в виду?

Глава 5

Я смотрю на Максима, который стоит перед моим столом со скрещенными на груди руками, удивляясь, откуда у него вдруг берутся его дурацкие идеи.

— Нет, — говорю я.

— Почему нет? Это прекрасная возможность. Она может сказать, что просто заблудилась или что исследует дом.

— Потому что, во-первых, она, вероятно, никогда в жизни не видела подслушивающих устройств и не знает, как и где их разместить. А во-вторых, никто не поверит, что она случайно забрела в комнату Леонида или в его кабинет. Мы не знаем, кто еще в этом замешан. Это может быть кто-то из персонала или один из охранников. предупредила Леонида или его напарника раньше времени.

— Ты уверен, что это был Леонид?

— Достаточно.

— Тогда давай сразу же уберем его в мешок. Пусть Михаил над ним поработает. К утру он запоет как птичка.

— А если это был не он? — спрашиваю я. — Ты хоть представляешь, как это повлияет на доверие моих людей, если я буду пытаться одного из своих без доказательств, а он окажется невиновным?

— Ну, Роман, тогда мы зашли в тупик. — Он снимает очки и вздыхает: — Я прослушивал записи несколько месяцев и не нашел ничего, кроме стандартных сплетен. Ты знаешь, что Костя спит и с Валентиной, и с Ольгой?

— Да мне плевать, кто с кем спит. Какие комнаты ты еще прослушивал?

— Библиотеку, гостиную, столовую, оба туалета внизу, подвал, оружейную. Варя подслушивала для меня кухню и кладовку. Вот и все.

— Машины?

— Все, кроме машин Леонида, Михаила и Сергея.

— Машину Сергея можно не прослушивать. Если бы он был тем, кто установил бомбу, я был бы мертв. Вместе со всем кварталом, наверное. И это не Михаил. — Я постукиваю пальцем по столу, размышляя. — Пусть Валентина установит жучок в комнате Леонида и в офисе.

— Валентина?

— Почему бы и нет? Ей можно доверять.

Он качает головой.

— Хорошо, давай я кое-что тебе расскажу. Прошлой ночью Нина сидела у тебя на коленях, с растрепанными волосами, босиком, обнимая твою шею, пока ты ласкал ее ногу под платьем. Твоя рубашка была расстегнута, и ты целовал ее, как одержимый, — говорит Максим и приподнимая на меня брови. — Весь персонал знал все до мельчайших подробностей, как только Валентина вернулась на кухню, а также ее вывод, что вы — родственные души и скоро у вас появятся прекрасные дети. Она верна, но у нее чертовски длинный язык. Она ни за что не сможет держать язык за зубами, даже если от этого будет зависеть ее жизнь.

— Чертовски здорово. — Я делаю глубокий вдох и смотрю на потолок. Есть ли в этой семье хоть кто-то, кто хоть отдаленно вменяем?

— Мы должны попросить Нину сделать это. Сотрудники и мужчины все еще не знакомы с ней, и если ты попросишь ее притвориться хихикающей, простодушной идиоткой, никто не обратит внимания на то, что она делает.

— Я бы никогда не женился на хихикающей простодушной дуре, Максим. Все это знают.

— Конечно, женился бы. Ты же одержимый мужчина, помнишь?

Я закрываю глаза и с негодованием качаю головой. Когда-нибудь я задушу Валентину.

— Тогда решено. — Максим поправляет пиджак, надевает очки и поворачивается, чтобы уйти. — Дай мне знать, когда захочешь, чтобы я пришел и объяснил Нине процедуру.

* * *

Когда я возвращаюсь в свои апартаменты в восточное крыло, я нигде не вижу Нину — ни на кухне, ни в гостиной, — поэтому я направляюсь в ее комнату, которая тоже оказывается пустой. На мгновение я думаю, что она передумала и каким-то образом сбежала. Я поворачиваю свою инвалидную коляску, собираясь поднять тревогу, когда замечаю ее, и напряжение, которое, как я не подозревал, сжимало мою грудь, исчезает.

Она сидит, скрестив ноги, в самом дальнем углу библиотеки, спиной к книжной полке, на полу вокруг нее разбросаны бумажные полотенца. Я еду через гостиную, останавливаюсь в нескольких шагах от нее и смотрю. Она что-то рисует на одном из бумажных полотенец. Это очень простой рисунок, но я вижу очертания женщины, которая что-то держит перед собой. На большинстве других бумажных полотенец, разбросанных вокруг, нарисованы похожие композиции, некоторые просто неузнаваемые линии, другие более детальные. Меня не был меньше часа. Как ей удалось сделать все это за такое короткое время?

— Ты можешь послать кого-нибудь ко мне домой, чтобы привезти мои вещи? — спрашивает Нина, не отрывая глаз от рисунка. — В гостиной стоят три большие коробки. Скажите им, чтобы были осторожны, внутри мои холсты и краски.

— Когда они тебе нужны?

— Вчера. Раз уж я застряла здесь, лучше заняться чем-нибудь полезным. У меня выставка через три недели, а у меня готово только шесть работ. Мне нужно еще девять, а также большой парень.

— Большой парень?

— Моя главная работа. Я заказала холст для него, его привезут на следующей неделе.

Я наблюдаю за ее работой еще несколько минут, замечая, как она время от времени сужает глаза на какую-то деталь, или как качает головой из стороны в сторону и прикусывает щеку, когда думает. Ее волосы — это беспорядок из спутанных прядей, которые она собрала на макушке и закрепила карандашом. Такое странное создание. Так отличается от женщин, с которыми я привык проводить время. Это освежает и опасно манит.

— Мне нужно поговорить с тобой, когда ты закончишь, — говорю я, когда мне удается отвести от нее взгляд. — Я буду в гостиной.

— Ага. — Она откладывает готовый набросок в сторону, берет последнее неиспользованное бумажное полотенце и начинает рисовать на нем.

Похоже, меня отложили.

Я заехал в спальню взял ноутбук, и пересев на диван и включаю новости. Я положил правую ногу на стол перед собой, открываю ноутбук на коленях и начинаю просматривать электронную почту. Я уже почти закончил, когда Нина опускается рядом со мной и зевает.

— Извини, я увлеклась. О чем ты хотел поговорить?

Я закрываю ноутбук и поворачиваюсь к ней.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня, пока ты здесь.

— Например, пропылесосить и протереть пыль? — Она сморщила нос. — Не помню, чтобы я на это соглашалась. Гладить — это нормально, вытирать пыль тоже, но пылесосить я ненавижу.

— Нужно разместить в доме несколько жучков, чтобы никто не заметил.

Она смотрит на меня со смесью замешательства и отвращения на лице, так что, похоже, я должен уточнить. — Прослушивающие устройства. Не насекомые.

— Это очень странная просьба, мистер Петров. Не хотите рассказать подробнее?

— Роман. Пожалуйста, следи за тем, чтобы не оплошать, когда кто-то рядом.

— Я не оплошаю, Роман. — Она улыбается и подмигивает мне. Она, блядь, подмигивает мне.

Я вздыхаю.

— У меня есть основания полагать, что по крайней мере один из тех, кто хотел убить меня и подложил бомбу, находится здесь, в этом доме. Максим покрыл большинство комнат жучками два месяца назад, но он не может разместить их в последних нескольких без риска, что кто-то его увидит.

— Что ж, я тронута твоей верой в мои возможности, но не уверена, как мне это удастся, если он не смог.

— Потому что, если кто-нибудь увидит, как Максим входит в любую из этих комнат, он поймет, что что-то не так. Но если кто-то поймает тебя, ты всегда сможешь сказать, что заблудилась.

— Твой дом огромный, но не думаю, что заблужусь настолько, чтобы войти не в ту комнату. — Она выглядит обиженной. — Я не идиотка.

— Это подводит нас ко второй вещи, которую нам нужно обсудить, и она касается того, как люди, которые живут и работают здесь, воспринимают тебя. Мне нужно, чтобы ты казалась... скажем так, поверхностной.

- Ты имеешь в виду глупой?

— Не совсем. Мне нужно, чтобы, когда люди видели, как вы входите в комнату, они не настораживались и не относились к тебе с подозрением. Я хочу, чтобы они тайком закатывали глаза и не замечали, что ты делаешь, потому что считали бы тебя... безвредной.

Она удивленно смотрит на меня, а потом смеется. Беззаботным и искренним смехом, который достигает ее глаз.

— Ладно, ты определенно имеешь в виду дурочку. Ладно. Дай мне пару минуток.

Она откидывается на подушки, запрокидывает голову и, подняв лицо к потолку, закрывает глаза. Она остается в таком положении несколько мгновений, а затем начинает говорить.

— Поверхностная. Безвредная. Немного глупая. Безумно влюбленная в тебя, конечно. Нуждается в доступе к каждой части дома. Давай посмотрим... Кто я? Конечно же трофейная жена Романа. Я красивая, элегантная и чрезвычайно снобистская. Люблю дорогую одежду, только лучших брендов. Не очень люблю платья, если только этого не требует случай. Я больше предпочитаю дизайнерские джинсы в паре с шелковистыми блузками. Каблуки — обязательное условие.

Она замолкает, открывает глаза и поворачивается ко мне.

— Как думаешь каблуки — это обязательное условие? — Она сморщила свой маленький носик. — Конечно, обязательное. Черт возьми. Я ненавижу каблуки.

Она снова закрывает глаза и продолжает.

— Каблуки — это обязательное условие, у меня их десятки. Роману нравится, когда я их ношу, он говорит, что в них моя попа выглядит потрясающе. Я также очень стесняюсь своего роста, и постоянное ношение каблуков заставляет меня забыть о том, какая я маленькая. Мое любимое занятие — шопинг, и я покупаю тонну одежды. Моему мужу приходится выделять водителя специально для меня и моих походов по магазинам.

Еще одна пауза, и она снова поворачивается ко мне.

— Роман, мне понадобятся деньги, чтобы поддержать ее пристрастие к одежде. Она импульсивный покупатель.

— Ты купишь все, что тебе нужно, — смеюсь я. Она совершенно чокнутая.

— Мой муж без ума от меня, и он позволяет мне делать с домом все, что я хочу, например, переставлять мебель, чтобы вибрация дома лучше сочеталась с вибрациями Земли. В доме ужасно холодная обстановка, поэтому я покупаю кучу комнатных растений и расставляю их повсюду. Я также осматриваю каждую комнату, потому что хочу убедиться, что энергия течет беспрепятственно, поэтому переставляю картины и зеркала. Мне также не нравится стол в столовой, он такой громоздкий, и решаю поменять его на изящный стеклянный, который я нашла в одном из журналов по дизайну интерьера.

Еще одна пауза.

— Эта женщина дорого стоит, Роман. Надеюсь, ты понимаешь, во что ввязываешься.

— Я справлюсь.

— Как скажешь. — Она пожимает плечами и продолжает: — Мой муж не любит, когда его прерывают, но, конечно, ко мне это не относится. Я часто захожу к нему в кабинет, чтобы провести его и обменяться парой поцелуев. Это очень раздражает его мужчин. Они задаются вопросом, что Роман во мне нашел и почему он дает мне так много свободы, а потом решают, что он думает своим членом. Я всегда рядом, и они это ненавидят.

Я очарован тем, как она создает нового человека. Это одновременно безумно и великолепно.

— Она, должно быть, потрясающая в постели, раз смогла так обвести своего мужа вокруг пальца, — комментирую я.

— Конечно, она такая. Иначе как бы она заставила его так потерять рассудок? Она не только очень умна, но делает лучший минет.

Я представляю, как Нина делает именно это, и мой член мгновенно становится твердым.

Она открывает глаза и буравит меня взглядом.

— Думаю, для начала этого достаточно, по ходу дела я буду развивать ее дальше. Что ты думаешь? Подойдет ли она?

— Ты часто так делаешь? Создаешь разные личности и погружаешься в них, — спрашиваю я, пытаюсь подавить желание схватить ее и поцеловать.

— Я делала это, когда была ребенком. Это была игра. Моя мама ненавидела это. Представь себе, что однажды утром твоя дочь спускается вниз и отказывается от завтрака, заявляя, что она уже много лет вегетарианка, хотя накануне на ужин у нее была ветчина и яйца. — Она снова зеваает.

— Ты не против, если я пойду вздремну? Я плохо спала прошлой ночью.

— Почему?

Нина моргает, смотрит в другую сторону и вскакивает с дивана.

— Кровать была слишком мягкой.

Я смотрю, как она бежит в спальню, и удивляюсь, почему ее щеки покраснели.

Когда выхожу из своей комнаты после сна, я вижу пожилую женщину, которая стоит на кухне Романа, выкладывая продукты в холодильник. Она невысокого роста с седыми волосами, одета в стильное желтое платье. Заметив меня, она поворачивается и широко улыбается, отчего появляются морщинки в уголках ее глаз.

— А я всё думаю, где вы были, — говорит она с сильным акцентом. — На кухне со вчерашнего вечера только и ходят про вас сплетни.

— Нина, это Варя, — говорит Роман, входя в кухню. — Варя знает о нашем договоре.

Пожилая женщина оглядывает меня с ног до головы, создавая ощущение, что мне шестнадцать лет и я впервые встречаюсь с мамой своего парня. Эта женщина важна для Романа, это видно по тону его голоса, когда он с ней разговаривает. Он кажется каким-то менее осторожным. Если он поделился с ней правдой о нашей сделке, значит, он ей доверяет, а не думаю, что Роман доверяет многим.

— Итак, когда планируется свадьба? — спрашивает она.

— Через несколько недель. — Я пожимаю плечами.

— Я не думаю, что это хорошая идея, Роман. — Варя поворачивается к нему. — Если ты будешь держать Нину здесь так долго, тебе придется познакомить ее со своими людьми. Я не уверена, что это хорошая идея — представлять ее как свою... любовницу.

— Ты думаешь, мы должны сделать это раньше? — спросил он.

— Да. Когда ты поведешь ее к своим людям, она должна быть твоей женой. Иначе ее никто не будет уважать.

Роман несколько мгновений смотрит на Варю, потом берет телефон и звонит.

— Максим, планы изменились. Перенеси официальное бракосочетание. На завтрашний день.

Стоп, что?

— Так гораздо лучше. — Варя улыбается. — Когда мне подавать обед?

— Через час.

— Отлично. Я прослежу, чтобы его принесла Валентина, она так подробно описала сцену, которую вчера застала. Очень талантливая болтушка. Весь персонал кухни и некоторые из мужчин слушали ее с округлёнными глазами, комментируя, что вы никогда не приводите женщин в свой дом и что она должна быть особенной. — Варя поворачивается, чтобы уйти, но останавливается в дверях. — Убедись, что на этот раз она застанет тебя за чем-то более интимным. Ты же не хочешь, чтобы у людей возникли подозрения, когда ты объявишь, что вы так неожиданно поженились, Роман.

Я смотрю на дверь, через которую только что вошла Варя, растерянно и слегка испуганно, затем поворачиваюсь к Роману.

— Мы не займемся сексом для того, чтобы твоя горничная могла нас застукать.

Он смеется и направляется в свою спальню.

— Я собираюсь принять душ и переодеться. Если ты планируешь сделать то же самое, поторопись и надень что-нибудь кружевное.

— Что прости?

— Никакого секса не будет. Но Валентина принесет ужин в мою комнату, и ты будешь там. — Он бросает слова через плечо.

— В твоей комнате?

— В моей постели, Нина.

Я роюсь в кухонном ящике в поисках штопора, когда слышу, как открывается дверь в комнату Нины. Я поднимаю голову и смотрю. Нина стоит в дверях, похожая на какую-то темную принцессу в коротком кружевном ночном белье, ее полуночные волосы свободно падают по обе стороны лица.

Она входит в кухню на босых ногах и встает прямо передо мной, но глядит на мои ноги. Со стороны кажется, что она расслаблена, но потом поднимает взгляд, и ее спина напрягается. Значит, как я и предполагал, ее беспокоит не близость со мной. Дело в моем росте.

Я убираю левый костыль из-под мышки, чтобы прислонить его к кухонному острову, наклоняюсь, чтобы обхватить Нину за талию левой рукой, и поднимаю ее, чтобы она села на стойку передо мной.

— Вот так. Лучше? — спрашиваю я, но она смотрит на меня большими глазами.

Я поворачиваюсь, чтобы достать из-за спины левый костыль, и когда я снова встречаюсь с ней взглядом, я вижу, что по ее лицу стекает слеза. Меня передергивает.

— Мне жаль, — шепчет она. — Это не из-за тебя, Роман.

— Я знаю. — Я протягиваю руку, чтобы положить ладонь на ее щеку и смахнуть слезу. — Я собираюсь убить его, *malysh*. Медленно и мучительно. Просто назови мне его имя.

— Нет.

— Я не просил. Назови мне его гребаное имя.

— Я сказала нет. Я никого не сделаю убийцей.

— Слишком поздно для этого, Нина. Имя.

— Оставь. Я не скажу тебе. Просто... оставь это, черт возьми.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь сдержать желание ударить что-нибудь.

— Хорошо. Я оставлю это на время. Но ты оттягиваешь неизбежное.

В моей спальне начинает звонить телефон. Возможно, это Варя проверяет, готовы ли мы к ужину, но у меня уже нет настроения играть в игры.

— Я должен ответить. — Я поворачиваюсь, чтобы направиться в спальню, и слышу, как Нина слезает со стойки.

Она идет следом, держась на несколько шагов позади меня, в соответствии с моим медленным шагом. Телефон перестает звонить как раз в тот момент, когда я подхожу к тумбочке.

— Я скажу Варе, чтобы она оставила поднос перед дверью, — говорю я, присаживаясь на край кровати. — Можешь вернуться в свою комнату или подождать на кухне.

— Нет. — Она берет костыли, которые я прислонил рядом с собой, и задвигает их под кровать. Я наблюдаю, как она снимает покрывало и забирается под одеяло.

— Залезай, — говорит она, приподнимая угол одеяла.

Убедившись, что, между нами, достаточно места, я ложусь, ожидая, что она не будет двигаться. Вместо этого она обхватывает меня ногами и забирается сверху, опустив голову мне на грудь. Я едва дышу, изо всех сил стараясь не пошевелиться, боясь спугнуть ее. Мы остаемся так на несколько мгновений: я лежу неподвижно, а она раскинулась на моей груди.

— Обними меня.

Я делаю, как она говорит, наблюдая за любым признаком беспокойства, но его нет. Та необычайно, но мне очень приятно держать ее в своих объятиях. Хотелось бы, чтобы это было не только ради шоу.

— Всё нормально? — говорю я.

— Да, — говорит она и закрывает глаза. — Мне нужно дать тебе несколько советов.

— Хорошо.

— Не держи меня за запястья и не хватай за шею, — говорит она, и я чувствую, как холод пробегает по моему позвоночнику. — Также не прижимай меня своим телом.

Как только слова срываются с уст, Роман замирает подо мной. Я ненавижу говорить об этом, но должна была ему сказать. Я не хочу рисковать, если он неосознанно сделает что-то из этого. Он просто лежит, и я слышу биение его сердца под моим ухом, а затем он убирает руки с моей спины.

— Возвращайся в свою комнату, *malysh*. Мы не будем этого делать, — говорит он отрывистым тоном.

Черт. Я знала, что он так отреагирует.

— Все в порядке, Роман.

— Нет. Тебе было больно. Я не собираюсь заставлять тебя...

— Ты не заставишь меня ничего делать. — Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него, затем ползу вверх, пока мое лицо не оказывается прямо перед ним.

— Нина... — начинает он, но я быстро прижимаю палец к его губам.

— У меня был секс... после. У меня нет проблем с тем, чтобы быть в одной постели с тобой. Я не сойду с ума, если ты будешь обнимать меня или находиться рядом со мной.

Его губы такие мягкие, и на мгновение я отвлекаюсь от того, что он наблюдает за мной с такой интенсивностью. Он так прекрасен.

— До этого дело не дошло, — продолжаю я. — Он... он не мог мне навредить таким образом. Я разбила об его голову его ноутбук, прежде чем он успел что-то сделать.

— Ты ударила его ноутбуком по голове.

— Дважды. Вторым ударом я сломал ему нос и убежала. — Я пожимаю плечами и провожу пальцем по брови Романа. — Это все равно запудрило мне мозги. Иногда я не могу контролировать свои реакции, но ты тут ни при чем.

— Ты уверена? Нина, мне нужно, чтобы ты была уверена.

— Уверена.

Я слышу приближающиеся шаги и слабое звяканье тарелок и столовых приборов. Это прекрасный повод, поэтому я опускаю голову и целую его. Это должен был быть просто быстрый поцелуй, но в тот момент, когда я чувствую его губы на своих, все рациональные мысли улечиваются, и в следующее мгновение я изо всех сил прижимаю его к себе. Внутри меня нарастает желание как-то приблизиться к нему, что кажется глупым, поскольку я уже раскинулась на его груди, положив ноги по обе стороны от него.

Откуда-то сзади раздается вздох. Ярываю поцелуй и оглядываюсь через плечо, чтобы увидеть вчерашнюю девушку, стоящую в дверях с тарелкой еды в руках, с полуоткрытым ртом и округленными глазами. Я вскрикиваю и быстро запахиваю подол своей кружевной ночнушки, которая задралась на спине, и стягиваю ее вниз через руки Романа, которые сейчас сжимают мой зад. Надеюсь, она не будет пересказывать всем, что видела мои черные кружевные стринги.

— *Пахан*, мне... прости, я не знала...

— Просто оставь его на кухне и уходи, — огрызнулся Роман снизу, словно злясь на нее за то, что она пришла, что не имеет смысла. Мы делаем все это ради нее, в любом случае. Ну, по крайней мере, он. Что касается меня, то я не уверена, притворяюсь ли я. И это пугает меня до ужаса.

Я жду, пока девушка уйдет, затем смотрю вниз на Романа.

— Я лучше... пойду, — говорю я, но не делаю никакого движения, чтобы слезть с него.

Он просто смотрит на меня суженными глазами, все еще держа руки на моей попе. Кожа на его груди такая теплая под моими ладонями, его губы так близко. Мне нужно лишь немного наклониться вперед, чтобы снова почувствовать их вкус. Будет ли так плохо, если останусь здесь с ним? Да, наверное. Я делаю движение, чтобы слезть с него, и его руки тут же исчезают с моей спины.

— Мне нужно купить одежду, — говорю я, вставая с кровати, беру сэндвич с подноса, который оставила горничная, и направляюсь к двери. — Твоя снобистская жена не будет застигнута врасплох, разгуливая в одной из моих толстовок.

— Я отвезу тебя утром. Будь готова в девять.

Я оглядываюсь на него и вижу, что он лежит, раскинувшись на кровати, скрестив руки за головой, отчего его и без того огромная фигура кажется еще больше. Никто не должен быть таким красивым. И я снова упустила возможность посмотреть его татуировки. Проклятье.

— Ладно. Тогда спокойной ночи, — говорю я и выбегаю из комнаты.

Глава 6

Когда я прихожу на кухню около половины восьмого, Нина уже заканчивает завтракать. Вместо того чтобы присоединиться к ней, я наливаю себе стакан апельсинового сока и пью его у стойки, потому что не уверен, что смогу встать, если сейчас сяду. Сегодня утром Уоррен мучил меня почти два часа на сеансе физиотерапии, и я едва успел принять душ и одеться после него. Надо было сразу взять инвалидное кресло вместо костылей.

— Нам нужно кое-куда заехать, прежде чем я отвезу тебя за покупками. — Я ставлю свой пустой стакан в раковину. — Один из моих людей позвонил по вопросу, который я должен решить. Это не займет много времени.

— Ничего, если мы заглянем и в магазин художественных принадлежностей? Варя заходила раньше и сказала, что мои рабочие вещи уже привезли, но мне нужно купить еще красок.

— Конечно. Я скажу одному из ребят, чтобы он принес коробки наверх. Куда их поставить?

— Перед окном у книжной полки. Ты не против, если я устрою там свое рабочее место? Я застелю пол и не буду устраивать беспорядок, обещаю.

— Конечно. — Я киваю и поворачиваюсь, чтобы направиться в спальню за своим инвалидным креслом, когда пронзительная боль пронзает всю длину моей правой ноги. Черт. Я зажмуриваю глаза на секунду, делаю глубокий вдох и делаю маленький шаг вперед. Мне удастся сделать еще два, прежде чем я вынужден остановиться и сделать небольшой перерыв.

— Роман?

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что Нина наблюдает за мной со своего места за столом.

— Все в порядке?

— Да. — Я киваю и продолжаю ковылять в сторону спальни, стараясь не слишком нагружать правую ногу.

* * *

Я берусь за ручку и поворачиваюсь к Нине.

— Оставайся в машине. Я ненадолго.

— Конечно, милый. — Она улыбается и поджигает губы. Я качаю головой и пересаживаюсь с сиденья машины в инвалидное кресло, которое держит для меня Дмитрий, мой начальник охраны.

Склад находится к югу от города, на лужайке между двумя заброшенными заводами. Земля неровная, что затрудняет двигать колес, но Дмитрий прекрасно знает, что не стоит пытаться помочь мне. Мы входим через большую дверь, которая используется для автомобилей, и останавливаемся посреди огромного зала, где в ожидании стоят двое моих людей.

— Кто облажался? — рывкаю я, входя внутрь, а Дмитрий следует за мной.

— Водитель, — отвечает Михаил. — Его задержал обычный патруль за превышение скорости. Он также был пьян. Товар конфискован.

— Он превысил скорость, перевоза мои наркотики. Пьяным, — говорю я, не веря. — Где этот идиот?

— Ему удалось сбежать от копов. Он в задней комнате.

— Убей его, — говорю я Михаилу и поворачиваюсь к Антону. — Проследи, чтобы остальных предупредили, чтобы подобное дерьмо больше не повторилось.

— Да, *Пахан*.

— Покажи мне карту. Нам нужно будет изменить маршрут для следующих нескольких грузов.

У нас уходит около двадцати минут, чтобы установить альтернативный маршрут, и мы тратим почти час, чтобы просмотреть грузы, запланированные на следующие две недели, и внести необходимые коррективы. Может быть, мне не стоило брать с собой Нину, она, наверное, начнет беспокоиться себя вести в машине, пока мы так долго ждем.

Когда мы наконец возвращаемся к машине, Дмитрий открывает передо мной дверь, и, увидев Нину, я замираю на полушаге. Она сидит, скрестив ноги, на заднем сиденье, глаза закрыты. На телефоне, лежащем у нее на коленях, включено видео, на котором женщина в такой же позе бормочет какую-то ерунду в стиле нью-эйдж, а Нина говорит ей вслед. Она выглядит нелепо.

— Что ты делаешь?

— Очищаю негативные вибрации и направляю позитивную энергию в точки чакр. Вова, вот сказал, что он не против.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нашего водителя. Он смотрит прямо перед собой, притворяясь спокойным, но я вижу по его лицу, что ему едва удастся не разразиться смехом.

— Хочешь попробовать, дорогой? Это чудесно снимает стресс, — говорит Нина, звуча совершенно серьезно, но я вижу в ее глазах искорку озорства.

— Мы попробуем что-нибудь подобное, когда вернемся домой.

На скамейке в раздевалке лежат три стопки одежды. В самой большой стопке лежат вещи, которые не подходят по размеру и не могут быть изменены. В средней — не совсем подходящая одежда — в основном джинсы и два платья, но которые можно укоротить. Ассистентка бутика сняла с меня мерки и пообещала, что их переделает швея, и доставит через два дня. В этих модных бутиках, безусловно, отличное обслуживание клиентов. Я отдаю одежду, на подшивку, ассистенту, который ждет у примерочной, и беру с собой на кассу самую маленькую стопку. Не могу поверить, что мне удалось найти хоть что-то подходящее.

Роман оплачивает мои покупки своей картой, затем обхватывает меня за талию и наклоняется ко мне.

— Мне очень понравились розовые стринги. Ты наденешь их для меня сегодня вечером, — говорит он и целует меня.

Я знаю, что он делает это только потому, что Дмитрий, стоит перед нами и собирает сумки, но все равно чувствую, как бабочки бушуют у меня в животе. Дмитрий ничего не комментирует, делая вид, что ничего необычного не происходит, но я заметила, как расширились его глаза, когда он увидел наш поцелуй. Он немного старше Романа — возможно, около тридцати лет, красивый, с несколькими лишними килограммами.

Роман кладет руку на мою задницу, и слегка сжимает.

— Нина, прекрати пялиться на моего начальника охраны, — говорит он мне на ухо.

Я приподнимаю бровь и улыбаюсь.

— Конечно, милый.

Мы отправляемся в обувной магазин рядом с бутиком, и через пятнадцать минут я сижу на стуле, а вокруг меня на полу разбросано не менее дюжины коробок. Когда я вижу цены на них, я чуть не падаю в обморок и хочу пойти в другой магазин, но Роман и слышать об этом не хочет. И вот я держу в руках пару туфель на каблуках, которые стоят целое состояние, когда слышу приближение Романа. Он поворачивается так, чтобы оказаться передо мной, наклоняется, берет туфли из моих рук и кладет их себе на колени.

— Левую, — инструктирует он и протягивает руку.

Я скрещиваю ноги и поднимаю левую ногу, ставя пятку на его ладонь. Он берет туфлю со своих колен и, придерживая мою ногу за лодыжку, надевает ее на мою ступню.

— У тебя фетиш на ноги, Роман?

— Нет. Но, кажется, развивается, — говорит он, и отпускает мою ногу.

— Хорошо.

Он делает то же самое с каждой парой, и к тому времени, как мы заканчиваем, я серьезно возбуждаюсь. Я и не подозревала, что мои ноги — эрогенная зона, а может быть, дело в том, как он каждый раз нарочно ласкал кожу вокруг моей лодыжки. У меня такое чувство, что каждая часть моего тела становится эрогенной зоной, если Роман прикоснется к ней. Конечно, я никогда не допущу, чтобы до этого дошло.

— Мы забираем их всех, — говорит он и указывает на Дмитрия, который стоит у входа.

— Ты с ума сошел? — шепчу я, стараясь, чтобы Дмитрий не услышал. — Мы возьмем только одну пару.

— Нет.

— Роман!

— Все, Нина не спорь. А теперь улыбнись.

— Спасибо, милый, я их обожаю! — Я улыбаюсь ему и наклоняюсь, чтобы быстро поцеловать его в щеку.

— Дмитрий отвезет тебя в магазин художественных принадлежностей, а потом подожди меня в машине. Мне нужно заехать еще в один магазин, но я ненадолго задержусь.

— О, это было бы идеально. Я плохо ориентируюсь в незнакомом месте.

— Я знаю, любимая. Не волнуйся, это случается со всеми. — Он быстро целует меня в губы и поворачивается, чтобы выйти из магазина, и я замечаю, что Дмитрий смотрит ему вслед со смущением на лице.

— Он такой милый, правда? — Я улыбаюсь Дмитрию, который просто смотрит на меня. Я быстро поворачиваюсь и ухожу, чтобы он не услышал, как я фыркаю.

Глава 7

По возвращении с шопинга нас уже ждал сотрудник брачного агентства в гостиной апартаментов Романа. Подписание разрешения на брак проходит весьма вяло. Парень говорит свое, а Варя и Максим выступают в качестве свидетелей. Несколько «за» и четыре подписи — и мы с Романом муж и жена. Не могу поверить, что я вышла замуж в джинсах, которые носила с первого курса средней школы. Это было одно из самых странных событий в моей жизни. Хотя кольца — это приятный штрих. Я не знаю, как Роману удалось так быстро найти обручальные кольца. Наверное, он пошел в ювелирный магазин, пока я с Вовой и Дмитрием ждала в машине. Я получила и второе кольцо — толстую полоску белого золота с бледным камнем посередине, которое, как я полагаю, должно быть обручальным. Наверное, оно поддельное, потому что настоящее стоило бы целое состояние. Но мне оно все равно нравится.

Когда они уходят, Роман берет свой ноутбук, говорит, что ему нужно работать, и запирается в своей комнате. Он даже не выходит, чтобы съесть обед, который принесла Варя.

Я развешала свою новую одежду в гардеробе и заканчиваю одну картину, пока не иссякло вдохновение. Теперь мне становится ужасно скучно. Может, мне стоит заказать что-нибудь и начать переделывать дом, как планировалось. Может быть, лампы. Я растягиваюсь на диване и закрываю глаза.

— Лампы. Я люблю лампы. Чем больше, тем лучше. Золотистые, с большими черными абажурами. И бахрама, — бормочу я про себя. — Они придадут изысканный вид, поэтому я поставлю их везде. Персонал будет ненавидеть эти штуки. Они адски пылятся и...

— Никаких ламп. — Я слышу глубокий баритон Романа прямо надо мной, но улыбаюсь и продолжаю, держа глаза закрытыми.

— А мой муж ненавидит мои лампы. Но он знает, что у него ноль знаний в области дизайна интерьера, и поскольку он так без ума от меня, то решает оставить мои лампы в покое. Все четырнадцать.

Я открываю глаза и вижу Романа, склонившегося надо мной, его глаза сузились. Он снова в своем инвалидном кресле. Странно. Обычно он пользуется костылями, когда находится в своих комнатах.

— Как я вижу, ты наконец-то решил выбраться из своей пещеры. — Я приподняла бровь.

— Тебе нужно одеться. Мы спустимся на ужин через тридцать минут.

— Распутная, деловая или что-то среднее?

— Середина подойдет.

— Черт, я бы хотела, чтобы ты выбрал распутную.

Мое гребаное колено снова дало о себе знать. Это случалось время от времени. Я принял обезболивающее сегодня днем и провел остаток дня, работая в кровати, надеясь, что это поможет. Помогло, но едва ли. Я ненавижу это кресло, но больше, чем само кресло, меня беспокоит то, что Нина видит меня в нем. Она для меня никто. Мы заключили сделку на ограниченное время, а потом она уйдет. Но все равно, это беспокоит меня.

Дверь в ее комнату открывается, и когда Нина выходит, комната начинает пульсировать энергией. На ней обтягивающие черные джинсы и желтая шелковистая блузка, в паре с туфлями на каблуках того же цвета. Ее волосы собраны в высокий хвост, ниспадающий по спине. Нина обычно не красится, и мне это нравится. Ей это не нужно. Но сегодня, видимо, она решила, что это особый случай, потому что губы у нее насыщенного красного цвета, и что-то сделала с глазами, что они выглядели еще более по-кошачьи. Забавно, но я скучаю по ее пирсингу в носу.

— Готова? — спрашиваю я.

— Настолько, насколько я когда-либо буду готова. Показывай муж, дорогу.

* * *

Когда мы входим в большую столовую на втором этаже, все уже сидят и болтают. Как только они замечают нас, разговоры стихают, и все встают. Напряжение настолько сильное, что его можно прорезать ножом, поэтому я решаю сразу перейти к делу.

— Это моя жена, Нина Петрова, — объявляю я.

Все смотрят на меня, а потом их взгляды переходят на Нину.

— Привет! — Она улыбается и машет рукой.

Никто не комментирует. Хорошо.

— Сегодня днем у нас была муниципальная свадьба, но мы решили отложить церковную свадьбу до лета. Нина хочет провести церемонию на открытом воздухе.

— Да. Это будет на берегу озера. — Она целует меня в щеку. — Спасибо, что что поддержал меня, милый.

— Я знаю, что это немного неожиданно, но это ничего не меняет. Если кто-то посмеет проявить неуважение к моей жене, ему не понравятся последствия. — Я стараюсь пригвоздить взглядом каждого мужчину, сидящего за столом, пока не дохожу до дяди. — Неважно, кто он. Это ясно?

— Да, *Пахан*, — говорят все в унисон.

— Нина, ты уже знаешь Максима и Дмитрия, — говорю я, и они кивают. Далее я перевожу взгляд на другую сторону стола.

— Это Леонид, мой дядя.

Я смотрю на его реакцию, но Леонид далеко не глуп. Он кивает, его лицо — идеальная маска вежливости, но злой блеск в его глазах невозможно не заметить.

— Слева от Леонида — Михаил, братья Иван, Костя и Сергей. Справа от Дмитрия — Юрий, Павел и Антон. Это мои самые близкие люди, и я доверяю им свою жизнь. А с этого момента и твою.

Нина поворачивается к мужчинам за столом. Все они сжимают правую руку в кулак, ударяют себя в грудь в унисон и кивают, а она смотрит на них расширенными глазами. Ее лицо спокойно, но по ее позе и по тому, как она сжимает мое предплечье, я понимаю, что она в легком потрясении. Похоже, мой маленький цветок до сегодняшнего вечера не понимала, во что именно она ввязалась.

— Давайте есть, — говорю я и киваю Варе, которая ждет у двери. Она машет рукой Ольге, Валентине и Галине, чтобы те принесли еду.

Ужин проходит, как я и ожидал, в основном в тишине. Каждые несколько минут кто-то бросает быстрый взгляд в сторону Нины, и я уверен, что она это замечает, но делает вид, что не замечает. А Нина очень хорошо притворяется, почти пугающе хорошо. Я ожидал, что она перестарается, будет слишком много играть, хихикать. Ничего этого нет. Она наклоняется ближе между укусами, чтобы что-то спросить, и время от времени прикасается к моей руке. Все выглядит настолько искренне, что даже мне, знающему, что все это лишь спектакль, трудно не поверить в ее игру.

— Я передумала, — шепчет она мне на ухо и прерывает ход моих мыслей. — Мы оставим этот стол. Он великолепный.

— Я рад, что ты так считаешь.

— Но шторы придется заменить, дорогой. Этот оттенок коричневого так угнетает. Мой гуру по фэншую говорит, что мы всегда должны выбрасывать то, что нас угнетает.

Ее голос звучит совершенно серьезно, ее лицо — картина совершенной искренности, но ее глаза смеются надо мной. Я наклоняюсь к ней.

— Тогда мы их сожжем, — говорю я и целую ее.

Глава 8

Что-то не так. Я помню, что Роман упоминал о важной встрече, запланированной на сегодняшнее утро. Сейчас уже девять, а он все еще не вышел из своей комнаты. Я слышала, как около восьми зазвонил его телефон, а потом он с кем-то разговаривал. Через пятнадцать минут пришла Валентина и принесла завтрак, сказав, что Роман поручил ей оставить его у меня.

Может, мне стоит его проведать? Я убираю кисть, которую держу рядом с холстом, вытираю руки и поворачиваюсь, чтобы направиться в комнату Романа. Вдруг его дверь открывается, и он направляется на коляске в сторону кухни. На нем только трусики, верхняя часть тела выставлена напоказ, и я не могу перестать смотреть.

Роман даже не замечает моего присутствия. Вместо этого он направляется к ящикам возле раковины и начинает рыться в верхнем. Не найдя того, что искал, он бормочет что-то по-русски, с грохотом закрывает ящик и переходит к следующему.

— Нужна помощь?

— Нет, — огрызается он.

Я смотрю, как он достает из шкафа белую бутылочку, достает из нее две таблетки и глотает их. Он снова смотрит на бутылочку, достает еще одну таблетку и бросает бутылочку обратно в ящик. Пока он достает воду из холодильника, я пользуюсь возможностью взглянуть на этикетку, чтобы узнать, что он принял. Это обезболивающее. Наконец, он поворачивается лицом ко мне, и я ахаю.

— Ты выглядишь ужасно. — Его лицо бледное, а глаза налиты кровью. — Ты хоть немного поспал?

— Нет.

Я иду за ним в его комнату и наблюдаю, как он заходит в гардеробную и возвращается с парой брюк и рубашкой на коленях.

— Что ты делаешь?

— У меня встреча через двадцать минут. Пожалуйста, уходи, мне нужно переодеться.

— Роман, ты не в том состоянии, чтобы куда-то идти.

Он игнорирует меня, кладет свою одежду на кровать рядом с собой и начинает вставать с инвалидного кресла, но в тот момент, когда он пытается выпрямиться, из его рта вырывается шипение, и он падает обратно.

— К черту!

— Ну, думаю, это означает, что в ближайшее время раздеваться не придется, — говорю я. — Давай, затащим тебя в постель.

— Постель не подойдет. У меня колено затекло, я не могу выпрямить ногу.

— Как насчет дивана? Можно подложить что-нибудь под твою ногу и посмотреть фильм.

Роман смотрит на меня как на сумасшедшую.

— Я не собираюсь проводить день за просмотром фильма. Я должен управлять криминальной империей.

— Сегодня ты никуда не побежишь, ни в прямом, ни в переносном смысле. Ты только что принял тройную дозу обезболивающего, так что, скорее всего, ты будешь в отключке меньше, чем через час и спать как младенец.

— Черт, — ругается он, потом ворчит что-то по-русски и качает головой.

— Понятия не имею, что ты только что сказал, но я согласна. — Я киваю. — Тебе нужно позвонить им, чтобы отменить встречу?

— Да. Подай мне телефон.

Когда мы добираемся до гостиной, Роману каким-то образом удается пересест на диван. Я беру одну из больших подушек, чтобы подложить ему под ногу, затем иду в его комнату и приношу одеяло, которое накидываю на него. Роман следит за каждым моим движением, но ничего не комментирует. Мне кажется, он не привык, чтобы кто-то суеился вокруг него. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что втайне он получает от этого удовольствие. Я направляюсь на кухню и осматриваю завтрак, оставленный на подносе. Пирог с фруктовой начинкой. Откусываю кусочек. Еще теплый — сойдет.

— Вчера вечером я начала смотреть фильм, не хочешь присоединиться? Я посмотрела только пятнадцать минут или около того. Я введу тебя в курс дела, — кричу я, доставая из холодильника графин апельсинового сока.

— Звучит неплохо.

— Может, где-нибудь есть попкорн? — спрашиваю я, открывая шкаф.

— Сомневаюсь.

— А как насчет кухни внизу? Мы не можем смотреть кино без попкорна.

— Понятия не имею. Позвони Варе и спроси у нее.

Я несую поднос с завтраком и ставлю его на низкий столик перед диваном, затем поворачиваюсь к Роману.

— Ты занимаешь ужасно много места. Подними голову, пожалуйста.

— А ты сегодня властная, — говорит он, но приподнимается на локтях.

Я сажусь на то место, где была его голова, ставлю ноги на стол и постукиваю по бедру. Роман медленно опускается обратно, кладет голову мне на колени. Он протягивает мне свой телефон с уже набранным номером Вари.

— Варя, извини, если я тебя прервала, — щебечет Нина в трубку. — Может быть, у вас где-нибудь есть попкорн?

Я не слышу ответа, но представляю себе лицо Вари. Я уверена, что в этом доме никто никогда не видел попкорна. У нас есть бомбы, несколько ящиков с гранатами и тонна боеприпасов в гараже. Но никакого попкорна.

— Да, попкорн... Ну, чтобы поесть. Мы же кино смотрим. — Она слушает ответ Вари. — Что значит «кто мы»? Я и Роман.

Еще одна пауза, а потом: — Да, Варя, я серьезно... Нет, в этом нет необходимости, ... Я . . . Хорошо, спасибо.

Она кладет телефон на стол, смотрит на меня и делает гримасу отвращения.

— Попкорна нет, но она принесет нам арахис. Я их ненавижу, но ей не терпится прийти.

Конечно, не терпится.

Не прошло и пяти минут, как раздается стук в дверь. Варя направляется в гостиную, но на полпути останавливается и смотрит на нас. Она скользит взглядом по мне, лежащему на диване под одеялом, и когда доходит до моей головы на коленях Нины, ее брови взлетают, чуть ли не до волос. Затем она подходит, оставляет миску с арахисом на столе и бросает на меня еще один взгляд, ее глаза переходят на руку Нины, зарытую в моих волосах, и пальцы, которые играют с одной из прядей.

— Я могла бы спуститься за ними сама, — говорит Нина.

— Ерунда, дитя. Вам двоим еще что-нибудь нужно?

— Мы пообедаем здесь, чуть позже? Не думаю, что Роман скоро покинет этот диван.

Варя бросает на меня взгляд и ухмыляется.

— О, я уверена, что не скоро.

Когда Варя уходит, Нина откидывается и включает фильм. Она вводит меня в курс дела, но я не обращаю внимания на ее слова, а закрываю глаза и наслаждаюсь тем, как ее рука проводит по моим волосам. Обезболивающие начинают действовать, и я, наверное, мог бы встать и вернуться в свою комнату или хотя бы сесть, но вместо этого я остаюсь лежать, и слушаю голос Нины, описывающий в мельчайших подробностях, как произошло убийство в фильме, и погружаюсь в сон.

* * *

— Я не принесу тебе костыли, Роман.

Я смотрю на Нину сидя на диване и стискиваю зубы. Мы провели все утро и большую часть дня, отдыхая в гостиной. Мне даже удалось поспать почти два часа, и моему колену стало намного лучше.

— Нина!

— Роман.

— Принеси мне эти чертовы костыли. Пожалуйста.

— Сегодня ты не будешь использовать костыли, — говорит она и толкает ко мне инвалидное кресло.

— Ты переходишь границы, — вырывается у меня.

— Подай на меня в суд.

Я ругаюсь, сажусь в это чертово кресло и качусь в свою спальню. Приняв душ и переодевшись, я беру ноутбук и возвращаюсь в гостиную.

— Я собираюсь в кабинет, — говорю я и киваю в сторону двери. — Пойдем, проведу экскурсию по пути.

Она следует за мной по восточному коридору, и я указываю на каждую дверь, мимо которой мы проходим.

— Второй кабинет, которым я не пользуюсь. Две спальни для гостей, заперты. Тренажерный зал. Я занимаюсь там каждое утро, а три раза в неделю ко мне приходит физиотерапевт.

— Почему ты держишь комнаты для гостей запертыми? Что ты делаешь, когда к вам приходят гости?

— Я не приглашаю людей оставаться у меня дома. Слишком рискованно.

Мы останавливаемся на верхней площадке лестницы, и я киваю в сторону коридора, ведущего в западное крыло.

— Тут комнаты моих людей. Трудно будет установить там жучок, чтобы никто не заподозрил.

Лифт поднимает нас на первый этаж, и я поворачиваю направо к остальной части дома.

— Гостиная. — Я указываю на широко распахнутые двойные двери, показывая большое жилое пространство, используемое моими людьми. — Справа — кабинет Леонида.

— Чем он занимается?

— Леонид официально отвечает за финансы, но на самом деле всю работу делают Костя и Иван. Михаил занимается дистрибуцией и некоторыми другими вещами. Офисы у него дома и на одном из складов, так что он редко бывает здесь.

— Михаил — это тот высокий парень с повязкой на глазу?

Я останавливаюсь на мгновение, беру Нину за предплечье и поворачиваю ее к себе.

— То, что случилось с Михаилом, — это личное, пожалуйста, не расспрашивай об этом.

— Хорошо.

— И еще одно. Когда Михаил будет рядом, старайся не прикасаться к нему случайно. Он... не очень хорошо относится к контакту с кожей.

Глаза Нины расширятся, но она ничего не спрашивает, просто кивает.

— Хорошо. Вот эта дверь ведет в подвал. Ни при каких обстоятельствах не спускайся туда, — говорю я.

— Почему?

О том, чтобы сказать ей, что именно там мы обычно пытаем людей, не может быть и речи.

— Тебе знать не нужно.

— Ты уже... ну знаешь? — Она указывает на свое ухо.

— Максим уже с этим разобрался.

— Какая у него должность?

— Он мой заместитель. Дмитрий работает с ним, но в основном он занимается безопасностью.

— А остальные?

— Павел занимается делами клуба. Антон и Юрий солдаты. Сергей, высокий блондин, занимается в основном переговорами, а также всеми нашими законными сделками, такими как недвижимость и аренда. Он редко бывает здесь, но когда бывает, постарайся не попасть ему в глаза. У него проблемы.

— У всех есть проблемы, Роман.

— Не такие, как у Сергея. Поверь мне. Держись от него подальше.

— И все они живут здесь?

— У всех мужчин, с которыми ты познакомился вчера вечером, есть комнаты наверху, но только Леонид, Павел, Костя и Иван живут здесь.

— А что насчет персонала? Горничные?

— У Валентины и Ольги комнаты на другой стороне, где кухня. У Вари там же. Остальные каждый вечер уходят домой.

— Варя — это домработница?

— Она была домработницей у старого *пахана*. Когда меня назначили, я устроил ей жизнь, чтобы она больше не работала. Она не хотела уезжать. И до сих пор не хочет. Поэтому я позволил ей управлять домом; это делает ее счастливой.

— Она не хочет уходить от вас, вы имеете в виду.

— Да.

Я вижу это в ее глазах, она хочет спросить больше, но не спрашивает, а я не вызываюсь. Некоторые вещи лучше не говорить.

— Это кабинет Максима, потом Дмитрия. — Я указываю на двери справа. — Костя и Иван работают в одном кабинете, это дверь рядом с кабинетом Леонида. Мой — последний по коридору. Если меня нет наверху, то я, скорее всего, здесь. Номера Максима и Дмитрия я дам тебе позже, на всякий случай.

— Мы можем посмотреть кухню?

— Если вы настаиваете.

— Вы говорите неохотно. Что-то не так с кухней?

Все не так с этой чертовой кухней.

— Увидишь.

Мы находимся прямо перед открытыми дверями кухни, когда что-то большое и металлическое с грохотом падает на пол. На долю секунды наступает абсолютная тишина, а затем раздается крик, такой громкий, что я вздрагиваю. Когда мы входим, я оглядываюсь вокруг и чувствую, что только что вошла в сумасшедший дом.

Огромный бородатый мужчина лет шестидесяти, в белом поварском фартуке и бандане на голове, стоит, положив руки на бедра, и выкрикивает, как я могу предположить, русские маты. Он не очень высокий, но широкий, как грузовик. На полу возле его ног валяется большая опрокинутая кастрюля, похоже, с супом.

Валентина и две другие женщины, которые, как я предполагаю, Ольга и Галина, бегают по кухне, достают тряпки и, стоя на коленях, вытирают пол. Тем временем повар стоит неподвижно посреди большой лужи супа. Варя находясь на другом конце, возле большого холодильника, указывает на повара и тоже кричит по-русски.

Справа стоит маленький обеденный стол, за которым сидят Костя и Дмитрий, пьют кофе и что-то обсуждают. Они не выглядят даже слегка обеспокоенными криками, происходящими позади них.

Никто даже не замечает нас.

— Здесь всегда так? — бормочу я.

— Большую часть времени.

Две женщины, вытирающие пол, начинают спорить. Одна из них бросает тряпку другой и направляется к раковине.

— Они как раз под нашим этажом. Почему я никогда не слышала их крики? — спрашиваю я в изумлении.

— Я сделал на кухне звукоизоляцию.

— Хорошая идея. — Я киваю, все еще с изумлением глядя на хаос. — Может, оставим их наедине?

Роман оглядывается вокруг себя, берет толстую разделочную доску и бьет ей о металлическую стойку рядом с собой. Звук разносится по комнате, заставляя меня подпрыгнуть. Все замолкают.

— Это Нина, — говорит Роман. — Моя жена.

Я широко улыбаюсь и машу рукой в их сторону.

— Нина Петрова, — кричат они все и одновременно кивают.

— О, вы можете называть меня просто Нина.

— Нет, не могут, — рявкает Роман.

— Дорогой!

— Конец дискуссии.

— Ты такой строгий, Роман. — Я немного дуюсь, затем поворачиваюсь к кухонному персоналу. — Он такой, не так ли?

Они все смотрят на меня, как на дурочку. Отлично. Я поворачиваюсь к Роману. — Можно я останусь здесь?

— Ты уверена?

— Да.

— Хорошо. Я буду в своем кабинете.

— Я загляну позже. — и быстро целую его в щеку.

* * *

Спустя десять минут я сижу за столом в углу и пытаюсь обсудить завтрак с Игорем — поваром. Он говорит только по-русски, поэтому Варя выступает в роли моего переводчика. Получается плохо.

— Игорь думает, что тебе не понравились его *piroshki* сегодня утром, — говорит Варя. — Он боится, что *пахан* уволит его или еще хуже, если услышит, что тебе не нравится его еда.

О, черт возьми! У меня возникает желание стукнуть лбом о столешницу. Вместо этого я мило улыбаюсь.

— Мне понравился пирог. Он был восхитителен, и я прослежу, чтобы Роман знал. Я бы даже хотела научиться его готовить. Только, пожалуйста, можно мне на завтрак еще и хлопья?

Варя переводит, а Игорь лучится. Он вскакивает со стула, что-то бормочет и машет рукой. Я иду за ним к кухонному острову, где он надевает мне через голову фартук и начинает доставать что-то из шкафа. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть через плечо на Варю, надеясь, что она скажет мне, что происходит, но она только смеется и качает головой.

Я заканчиваю пересчитывать цифры с Леонидом и Костей и смотрю на часы. Уже почти семь вечера; весь день пролетел за всеми этими встречами и бумажной работой, от которой я устал. Интересно, что делает Нина? Она обещала зайти, но не зашла, и будь я проклят, если знаю почему, но мне это не нравится.

— Как долго ты планируешь продолжать это дело, Роман?

Я смотрю на Леонида, который сидит в кресле по другую сторону моего стола. Костя уже ушел, так что мы остались вдвоем.

— Какое дело?

— Свадьба. У вас даже не было венчания в церкви. Люди будут говорить.

— Нет, не будут.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что Леонид, я заставлю их замолчать. Так же, как я заставил замолчать своего отца. — Я склоняю голову набок. — Ты помнишь ту ночь?

Он напрягается и молчит, но я замечаю, как пульсирует жилка на его шее. Да, он очень хорошо помнит ту ночь.

— Если больше нет вопросов, ты свободен. — Я киваю в сторону двери.

Он встает и выходит из моего кабинета.

Леонид начал вести себя странно в последние пару месяцев. Он всегда был ленивым куском дерьма, который предпочитал, чтобы другие люди работали за него, а он получал все заслуги. В последнее время он пытается взять на себя больше обязанностей Кости, и это главная причина, по которой я подозреваю его в причастности к этой бомбе. Сейчас, мне больше хотелось бы узнать, чем занималась моя необычная женушка весь день, поэтому я звоню Варе.

— Где она?

— Все еще здесь, на кухне, — говорит Варя, и в ее голосе слышаться смех.

— Чем она там занята весь день?

— Приходи, сам увидишь.

Я качусь по длинному коридору и захожу на кухню. Нина стоит у рабочей поверхности, выкладывая круглые кусочки теста в большую сковороду, а Игорь стоит за ее спиной и наблюдает. Несмотря на то, что на ней фартук, ее розовая кружевная

блузка и джинсы перепачканы мукой. Ее хвостик съехал набекрень, а на левой щеке что-то похожее на варенье.

— Игорь учит ее жарить *piroshki*, — говорит Варя, становясь рядом со мной. — Они уже третью партию делают.

— Игорь говорит только по-русски. Как он может ее чему-то научить?

— Понятия не имею. Он говорит ей, что делать, а когда она делает неправильно, он кричит.

Я поворачиваю голову в сторону и смотрю на Варю.

— Он кричал на мою жену?

— Скорее она на него кричала.

— За что?

— Ну, он накричал, потому что она сожгла первую партию. А она, потому что он не сказал, как долго они должны жариться. Ни один из них не знает, о чем кричал другой. Это уморительно.

Мы стоим у двери и наблюдаем за ними.

— Что случилось со второй партией? — спрашиваю я. — Тоже сгорела?

— Вторая была хороша. Они только что закончили жарить, когда мальчики начали приходить на обед. Каждый, кто проходил мимо, брал один или два, и через пять минут они закончились. — Она смеется. — О, она так разозлилась.

— Почему? Она хотела все съесть одна?

Варя поворачивается ко мне, и в ее глазах такой озорной довольный взгляд, как у кота, которому достались сливки.

— Нет, Роман. Она разозлилась, потому что тебе не оставили.

В этот момент Нина поднимает голову, наши взгляды встречаются, и она улыбается мне. Как будто солнце внезапно пробилось сквозь темные тучи, обдав меня своим теплом, и я начинаю желать, чтобы это было на самом деле, а не просто притворство. Она идет ко мне, и звук каблуков отдаётся эхом в большом пространстве.

— Они съели твои *piroshki*, — говорит она и упирает руки в бока.

Она выглядит так чертовски мило, когда злится. Я поддаюсь вперед, обхватываю ее одной рукой за талию, а другой — под колени. Приподняв ее, сажу к себе на колени.

Она пискнула и обвила руками мою шею.

— Я испачкала мукой всю твою рубашку.

— Мне все равно, — говорю я и хватаюсь за колеса. — Держись крепче.

Ее глаза расширяются, но она крепко обхватывает меня за шею.

— Варя, открой нам дверь, — зову я через плечо, разворачиваю кресло и выкатываю нас в коридор.

Поскольку ноги Нины болтаются сбоку кресла, приходится немного напрягаться, чтобы справиться с правым колесом, но мне это удастся, и я везу нас через коридор к лифту. По дороге она смеется как сумасшедшая, уткнувшись лицом в мою шею, и это чертовски приятно.

Мое легкое настроение испаряется, как только мы выходим из лифта, и я вижу Леонида, стоящего на верхней ступеньке лестницы и смотрящего на нас расчетливым взглядом. Я игнорирую его и везу нас к двери моих апартаментов.

— Спасибо, что подвез. — Нина смеется и встает, чтобы открыть дверь.

— В любое время, *malysh*. — Я закрываю за собой дверь. — Пойдем, нам нужно поговорить.

— Что-то случилось?

— Возможно. Иди переоденься, я буду ждать на кухне.

Когда я вхожу на кухню, после душа и в чистой одежде, я застаю Романа, роющегося в холодильнике. Он тоже переоделся, в джинсы и белую футболку, которая плотно обтягивает его широкую спину. Я не могу удержаться, чтобы не смотреть на него.

— Как колено? — спрашиваю я, когда мне удастся перестать глазеть на него. Он снова встал на костыли, так что, полагаю, ему уже лучше.

— Пойдет, — говорит он и закрывает холодильник. — Так же, как и несколько дней назад. Мне нужно позвонить, чтобы записаться к терапевту на завтра. Мне пришлось отменить сегодняшний сеанс.

Я подхожу и встаю рядом с ним, уверенная, что наконец-то преодолела идиотскую реакцию своего тела на его размеры. Я случайно задеваю его локоть рукой, и вздрагиваю.

— Прости, — шепчу я и закрываю глаза, злясь на себя. Я ненавижу это.

Я чувствую руку Романа на своей талии, и в следующее мгновение я оказываюсь сидящей на столешнице.

— Ты не должен делать это все время, — вздыхаю я.

— Я не против.

— Чушь собачья. Нога не болит?

— Прости, что говорю тебе, но ты как маленькая, Нина. Моя нога в полном порядке.

— Рядом с тобой Роман, все маленькие. — Я закатываю глаза и поглаживаю его по плечу. — Физиотерапия помогает?

— Да, но результат медленный. У меня ушло два месяца, чтобы ходить на костылях. Еще один, чтобы пользоваться ими без сильной боли. Уоррен говорит, что через пару недель мы попробуем трость, посмотрим, как пойдет. — Он подходит к стойке рядом с тем местом, где я сижу, достает стакан и контейнер с апельсиновым соком.

— Что потом?

Он не отвечает сразу, похоже, сосредоточившись на наливании апельсинового сока.

— Мое колено слишком повреждено. Скорее всего, трость - это лучшее, на что я могу рассчитывать.

Судя по тому, как он избегает смотреть мне в глаза, ему не нравится такой исход.

— Даже с тростью Роман, ты будешь сексуальным. Будешь выглядеть очень аристократично.

Он смотрит мне в глаза, и слегка улыбается.

— А сейчас я не сексуальный?

Оу, ты даже не представляешь, насколько, — хочу сказать я. Вместо этого просто смеюсь.

— Пахан, напрашивается на комплименты? Боже мой, какой же ты тщеславный. — Я игриво подталкиваю его, и мы оба смеемся. Когда смех стихает, я меняю тему. — Ты сказал, что тебе нужно кое-что обсудить.

— Да. Мне нужно, чтобы ты поставила жучок в комнате Леонида. Также в кабинете, но его комната — приоритет.

— Ладно. Как мне попасть в его комнату? Я могла бы пробраться туда, пока он работает.

— Там всегда кто-то есть, горничная или кто-то из парней. — Роман переносит вес со своей больной ноги и опирается бедром на стойку. — Нужно все продумать.

— А если я все испорчу?

— Не испортишь. — Он тянется ко мне рукой, как будто собирается коснуться моего лица, но потом передумывает и отворачивается. — Ты сообщила своим родителям, что мы поженились?

Я сгримасничала.

— Еще нет. А должна?

— Да.

— Черт. Мама меня убьет. Она всегда говорила, что хочет организовать огромную свадьбу, если я когда-нибудь найду кого-то достаточно сумасшедшего, чтобы жениться на мне. Может, я просто напишу ей.

На челюсти Романа заходили желваки, и он наклоняется ко мне так, что наши носы почти соприкасаются.

— Нина, ты не можешь сообщить своей матери, что вышла замуж по смс-ке. Ты позвонишь ей и попросишь ее и своего отца прийти к нам на ужин.

— Сюда? — Я недоуменно смотрю на него. — Я не могу позвать их сюда. Когда мама увидит всех парней с оружием, она подумает, что я вышла замуж за мафиози!

Роман приподнимает брови.

— И она будет права.

— Да, но разве нельзя опустить эту маленькую деталь? Она взбесилась, когда увидела пирсинг у меня в носу. Моя мама очень консервативна, она даже гладит свои полотенца. Я не уверена, как она воспримет то, что я вышла замуж за криминального авторитета.

Он смеется и качает головой.

— Мы поведем их в ресторан.

Я не являюсь поклонником матери Нины.

Как и ожидалось, она была потрясена, когда Нина сказала ей, что мы поженились так внезапно, да еще и с человеком, которого они никогда не видели. Однако, судя по взглядам, которые она бросала в мою сторону на протяжении всего обеда, она больше обеспокоена тем, что я пользуюсь инвалидной коляской, чем тем, что ее дочь вышла замуж за незнакомца.

— Нина, ты беременна? — непринужденно спрашивает она между двумя кусочками торта.

Рядом со мной Нина поперхнулась вином.

— Господи, мама, — говорит она, когда ей удается прийти в себя. — Конечно, нет. Мы познакомились неделю назад.

— Но мы работаем над этим, — бросаю я и беру Нину за руку. — Не так ли, милая?

Нина подмигивает, потом улыбается и целует меня.

— Конечно, работаем.

Отец Нины сидит на другом конце стола и почти не разговаривает. Весь вечер он избегает моего взгляда. Когда он все-таки смотрит на меня, то быстро отводит взгляд и прячет свои дрожащие руки под стол. Мне также не нравится Сэмюэль Грей, и это не связано с тем, что он украл мои деньги. Он прекрасно знает, кто я такой, и все равно позволил своей дочери выйти за меня замуж, чтобы спасти собственную задницу. Какое жалкое оправдание для человека.

На столе звонит мой телефон, высвечивая имя Павла. Сейчас шесть часов вечера, клубы еще не открыты, так что это не может быть клубным делом. Я отвечаю на звонок.

— *Пахан*. У нас проблема.

Ну еще бы. — Я слушаю.

— Приехали украинцы. Шевченко хочет пересмотреть условия.

— Скажите ему, чтобы связался с Сергеем. Он за это отвечает.

— Они уже встречались сегодня, и Шевченко сказал, что не намерен больше вести с ним переговоры. — На другом конце линии повисла молчаливая пауза, затем: — Сергей пытался отрезать ему руку.

— Замечательно. — Я сжимаю переносицу и вздыхаю. — Где ты? В «Урале»?

— Да.

— Я буду там через двадцать минут.

Я кладу телефон в карман и поворачиваюсь к Нине.

— Мне нужно идти. Дмитрий останется и отвезет тебя обратно, когда ты закончишь.

— Все в порядке? — спрашивает она.

— Да. — Я киваю и целую ее, затем, видя, как ее мать наблюдает за нами, добавляю: — Надень что-нибудь сексуальное и жди меня. Я ненадолго.

Я провожаю Романа взглядом, пока он катится к выходу, где у стены стоит Дмитрий. Они тихо разговаривают, и Роман уходит. Что-то случилось? Видимо что-то серьезное.

— Ниночка, дорогая, ты уверена, что поступила правильно? — спрашивает мама.

Я поворачиваюсь к ней лицом.

— Ты про что?

— Выйти замуж за этого человека, спустя всего два дня. — Она смотрит на меня со смесью недовольства и раздражения. — В принципе, я не должна удивляться, ты всегда делала все по-своему, но все же.

Я закатываю глаза.

— У этого человека есть имя. И мы без ума друг от друга. Зачем ждать?

— Я понимаю, почему ты влюбилась в него. Он старше, богатый, утонченный. Крайне красив.

— Это так. — Я улыбаюсь и откидываюсь в кресле. — Твоя мечта наконец-то сбылась. Я думала, ты будешь в восторге.

— Он в инвалидном кресле, Нина.

— Зара! — шепчет мой отец с другого конца стола и смотрит на Дмитрия, стоящего у двери. — Помолчи.

— Не закрывай мне рот, Сэмуэль. Я хочу лучшего для своего ребенка, и я имею право волноваться.

— Оставь свое волнение при себе, мама, — огрызаюсь я.

Она наклоняется вперед над столом.

— Что с ним случилось? Автокатастрофа?

— Да. — Я бросаю салфетку на тарелку. — Он получил серьезную травму ноги несколько месяцев назад. Это удовлетворяет твое любопытство?

Она стискивает зубу и смотрит на меня прищуренными глазами.

— Он может ходить?

Я уставилась на маму.

— Я только что сказала тебе. Я вышла за него замуж, потому что люблю его. Почему это должно иметь значение? — Меня удивляет, как быстро и легко это вырвалось у меня изо рта.

— Почему? — Она смотрит на меня округлившимися глазами и поворачивается к папе. — Почему ты молчишь? Ты знал об этом, Сэмуэль?

— Зара, ради Бога, просто заткнись.

Она полностью игнорирует моего отца.

— Это какой-то бунт, Нина? Еще одна из твоих фаз?

Ну все. С меня хватит. Я беру телефон со стола, встаю и направляюсь к выходу, оставляя родителей сидеть за столом.

Глава 9

Я верчу головой и рассматриваю большое полотно перед собой. Слишком ярко. Взяв палитру, я смешиваю кистью больше черного с бледно-серым, а затем начинаю добавлять более резкие тени.

Четыре работы готовы и ждут отправки в галерею. Десять, если сложить с шестью, которые я отправила до того, как моя жизнь приняла такой крутой оборот. Мне нужно закончить еще пять к концу следующей недели, чтобы уложиться в срок для выставки. Однако им придется подождать, потому что я решила поработать над следующим большим парнем. Обычно я сначала заканчиваю все стандартные работы, а над главными произведениями работаю в последнюю очередь. Но не в этот раз. Похоже, Роману удалось запудрить не только мою голову, но и мой творческий процесс.

Последние две недели мы виделись редко — обычно только по утрам, перед тем как он спускался в свой офис, чтобы заняться делами мафиозных криминальных авторитетов, и по вечерам, когда он возвращался к ужину. Я обязательно заглядываю в его кабинет по крайней мере дважды в день, всегда в самое неудобное время. Часто вместе с ним там находился кто-то еще. По дороге туда и обратно я брожу по дому, и занимаюсь идиотскими вещами, переставляю комнатные растения и картины. В остальном, большую часть времени я провожу в апартаментах, что оставляет мне много времени для рисования.

Вчера Максим зашел ко мне, чтобы провести краткий курс для новичков по установке жучков. Я ожидала, что это будет связано с проводами, с отверткой, откручиванием вентиляционных отверстий и размещением внутри маленьких микрофонов. Вместо этого он дал мне несколько черных пластиковых шурупов, похожих на зарядные устройства для телефонов, только без проводов. Все, что мне нужно было сделать, это пробраться в комнату и воткнуть их в розетку, которая не на виду. Страшно. Как только он ушел, я дважды обошла весь номер, проверяя каждую розетку.

Сегодня я все еще борюсь с постоянным желанием заглянуть в каждую розетку, мимо которой прохожу.

Опустив щетку, я делаю несколько шагов назад и смотрю на своего большого мальчика с огромной ухмылкой на лице. Да, прекрасно. Осторожно я поворачиваю картину так, чтобы она была обращена к стене, а не к двери, на случай если Роман войдет. Он никогда не заходит в мою комнату, но лишняя осторожность не помешает. Я не хочу, чтобы он увидел большого парня перед выставкой, поэтому и решила работать над картиной в своей комнате, а не возле огромной книжной полки, где я работаю над другими своими работами.

Я сверяюсь с часами на тумбочке, затем смотрю на свое отражение в зеркале. Я покрыта черно-красной краской до локтей, и несколькими серо-красными пятнами по всей рубашке. А также на лице. Моя посылка скоро будет здесь, мне, наверное, стоит переодеться и вымыть лицо и руки, прежде чем спускаться вниз и дожидаться

Роман

Я разговариваю по телефону с Михаилом, который дает мне отчет по последней поставке, когда раздается стук в дверь и в кабинет входит Дмитрий.

— Я вам перезвоню, — говорю я Михаилу и прерываю разговор.

— Прибыло кое-что для Нины Петровой, — говорит Дмитрий и пристально смотрит на меня.

— И что? Скажи кому-нибудь из людей, чтобы отнесли их в восточное крыло.

— Что нам делать с лампами?

— Какими лампами? — спрашиваю я, а потом вспоминаю.

Черт. Я ставлю локти на стол и прижимаю ладони к глазам.

— Большие? Золотистые с черным?

— Да.

— Сколько?

— Четырнадцать, — отвечает он.

— Четырнадцать ламп. . . — Я вздохнул. — Отнеси их пока в библиотеку.

— Хорошо. А животное? — спрашивает он, и я поднимаю голову.

— Какое... животное?

— Маленькое. Черное. Оно в переноске, поэтому я не уверен, что это такое. Похоже на собаку, но звучит странно.

Я беру телефон и звоню Нине.

— Ты серьезно заказала животное по интернету?

— Что прости?

— Дмитрий говорит, что доставили собаку с твоими декоративными вещами.

— Ой, это Брандо. Я сейчас спущусь.

Я смотрю на телефон в своей руке.

Брандо.

Я собираюсь убить ее.

* * *

У входной двери я останавливаюсь на своей инвалидной коляске наверху лестницы и рассматриваю кучу коробок разных размеров, занимающих половину подъездной дорожки. Сбоку в ряд выстроились четырнадцать прозрачных прямоугольных коробок, каждая из которых обвязана широкой золотой лентой. В каждой из них стоит одна и та же лампа - самая уродливая вещь, которую я когда-либо видел.

Нина выбегает из дома, спускается по ступенькам и останавливается у собачьей переноски, поставленной на одну из коробок. Она открывает переноску, достает тощего пса размером с маленькую кошку и начинает ворковать с ним.

— Что это? — спрашивает Дмитрий.

— Чихуахуа.

Мы смотрим, как Нина роется в нескольких коробках, держа собаку в левой руке. Она достает из одной из коробок поводок, пристегивает его к ошейнику и сажает

собаку. Она начинает бегать вокруг ее ног, издавая странный лай, похожий на хомячий.

— Сообщи Варя о собаке. Она будет очень... рада. Пошлите кого-нибудь купить собачий корм, — говорю я и поворачиваюсь, чтобы вернуться в свой кабинет.

Я целый час гуляю с Брандо по дому и саду, чтобы он смог привыкнуть. Он немного нервничает из-за новых людей, но в конце концов устраивается на своей кровати в углу моей комнаты и засыпает.

Проходя мимо кухни, я беру яблоко из миски и направляюсь к своему рабочему месту у библиотеки. Еще осталось несколько часов естественного света, и я планирую использовать их для работы над оставшимися пятью работами для моей выставки. Наверное, мне стоит позвонить своему менеджеру и сказать, чтобы он прислал курьера за готовыми картинами. Марк любит, чтобы их было как можно больше за несколько дней до мероприятия, чтобы он мог организовать фотографа и печать каталога.

Я достаю телефон из заднего кармана джинсов и звоню Марку, пока переставляю готовые работы вдоль большого окна.

Когда он отвечает, я щебечу в трубку:

— Привет, любимый.

— Я знаю этот тон, — простонал он. — Ты опять отстаешь от графика.

— Конечно, нет. Я бы никогда так с тобой не поступила.

— Черт возьми, Нина. Насколько ты отстаешь?

— На несколько дней. Но большой парень готов. У меня осталось пять. Можешь послать кого-нибудь за остальными? Я пришлю тебе адрес.

— Ты переехала?

— Да. Долгая история.

— Ты успеешь закончить вовремя?

— Я буду стараться изо всех сил, детка.

Раздается ворчание и вздох.

— Пришли мне фото большого парня.

— Я не пришлю тебе фото, тебе придется подождать и посмотреть самому, Марк. Пока. — Я кладу телефон обратно в карман и тянусь к одному из пустых холстов.

— Кто, блядь, такой Марк?

Я вскакиваю и поворачиваюсь, чтобы увидеть Романа.

— Почему ты называешь его деткой? — требует он. — И что за фото ты хочешь ему послать?

Я подмигиваю ему и откусываю яблоко.

— Моему сутенеру. Все мы, девочки, зовем его «детка». А я посылаю фото своих сисек.

Он сужает на меня глаза, но ничего не говорит.

— О, ради Бога, Роман. Марк — мой менеджер и владелец галереи, где у меня будет выставка. Он хотел фотографии картин.

— Почему ты называешь его деткой?

— Все называют его деткой. Включая его мужа.

Поза Романа заметно расслабляется, а глаза теряют свой убийственный блеск. Он ревнует?

— Могу я посмотреть картины? — спрашивает он.

Итак, похоже, мы будем просто игнорировать его странное поведение. Мне это подходит, потому что я не хочу заикливаться на том, что мне нравится мысль о том, что он ревнует.

— Да, — отвечаю я. — Только не трогай, некоторые еще не высохли.

Роман подходит к холстам и рассматривает каждый из них в течение нескольких мгновений, пока не останавливается перед самым новым.

— Это... Игорь? — Он указывает кончиком костыля на картину.

— Да.

— Почему у него громкоговоритель вместо головы? И это...дохлая курица у него под мышкой?

— Ты очень проницателен, *пахан*.

Он смотрит на меня через плечо и ухмыляется.

— А где моя картина? Ты обещала мне свой автопортрет.

— Голой. Я помню. Придется подождать; мне нужно закончить оставшиеся выставочные работы. Или я могу сделать свой автопортрет одной из них, уверена, критикам понравится. — Я пожимаю плечами. — Возможно, нам придется добавить пометку «восемнадцать плюс» на...

— Нет.

— Тогда тебе придется подождать.

— Я подожду. — Он поворачивается и оглядывает меня. — Ты проголодалась?

Его смена темы застала меня врасплох.

— Немного.

— Давай сходим куда-нибудь пообедать.

Я повел Нину в шикарный ресторан в центре города, и мы проводим там почти два часа. Она рассказывает о том, что запланировала для выставки, а я позволяю ей говорить, наблюдая за ней — за ее улыбающимися глазами, за тем, как она размахивает руками перед лицом, когда взволнована, или как она наклоняется вперед и шепчет тихим голосом, когда сплетничает о своих коллегах, которые работают в одной галерее. Она должна знать, что ее никто не слышит, зал заполнен только наполовину, и ни один из столиков рядом с нами не занят. Тем не менее, она

прикрывает рот крошечной ладошкой, болтая, как подсматривала за одной из других художниц, когда та лапала парня из финансового отдела.

В моей жизни было много женщин, но когда передо мной Нина, все они меркнут по сравнению с ней. Мы даже не поцеловались как следует, кроме как для шоу, но я не помню, чтобы меня так тянуло к кому-то. Она словно околдовала меня.

— Что за дело с собакой?

— Я одолжила его у дяди. — Она усмехается и делает глоток вина.

— Ты одолжила собаку? — Я уставился на нее.

— Технически, я предложила присмотреть за ним в течение нескольких недель. Этого времени должно быть достаточно, чтобы он сделал свою часть работы.

— И что это за работа?

— Ну, ты же знаешь, что собаки всегда бегают по дому, забираются в комнаты и прячутся там. Брандо любит это, так что, думаю, в последующие дни я буду довольно часто гонять его по дому. Кто знает, где он окажется? — Она улыбается мне. — Может быть, даже в какой-то момент в комнате Леонида.

Я смеюсь и качаю головой над ее идеей.

— Ты опасная женщина, *malysh*.

— Что это значит?

— *Malysh*? Это ласкательное слово. Это значит маленькая.

Она наклоняет голову в сторону, и уголки ее губ изгибаются вверх в небольшой ухмылке.

— Ну, как я уже говорила, большинство людей маленькие по сравнению с тобой, Роман.

Приходит официант, чтобы наполнить наши напитки. Когда Нина берет свой бокал, я замечаю, что ее обручальное кольцо довольно свободно, протягиваю руку, беру ее руку в свою и осматриваю кольцо.

— Надо бы поменять размер.

— Не волнуйся. Обручальное кольцо на месте. Кстати, оно прочное. На днях я пролила немного краски на руку и мне пришлось оттирать его, но оно даже не поцарапалось.

— Поцарапать бриллиант довольно сложно.

Нина смотрит на меня, моргает, потом опускает взгляд на кольцо, как будто оно собирается ее укусить.

— Оно настоящее?

— Конечно, настоящее.

— Черт! — Она сжимает руку и недоверчиво смотрит на двухкартанный бриллиант огранки «принцесса». Ее рот открывается и закрывается без слов. Затем она прикрывает кольцо другой рукой и наклоняется ко мне. — Могу я поменять его на другое, со стеклом?

— Нет.

— Пожалуйста?

— Ты не будешь носить кольцо со стеклом. И точка.

Она сморщила нос и пробормотала что-то похожее на «сыграть адвоката дьявола», но я, наверное, ослышался, потому что это не имеет никакого смысла.

— Пойдем домой, — говорю я и неохотно отпускаю ее руку. — Мы можем посмотреть кино.

- Разве тебе не нужно работать?
- На сегодня я закончил. А ты?
- Мой сутенер меня убьет. Я уже отстаю, но кино звучит неплохо.

После того как мы вернулись, я быстро принимаю душ, переодеваюсь в леггинсы и футболку большого размера и отправляюсь на кухню готовить попкорн. Роман, видимо, любит апельсиновый сок, он пьет его литрами, поэтому я выжимаю для него несколько апельсинов и несу их в гостиную.

Он уже там, сидит, облокотившись руками на спинку дивана, правая нога вытянута перед собой на столе.

— Ты странно выглядишь в повседневной одежде. — Я ставлю миску и сок на стол и киваю в сторону его спортивных штанов и футболки.

— Да? И как же?

— Не знаю. Менее *по-пахански*, наверное. — Я пожимаю плечами и опускаюсь на диван рядом с ним: — Что мы будем смотреть?

— Мне все равно. Подвинься.

Я отодвигаюсь в угол, а Роман ложится на диван, кладет голову мне на колени и закрывает глаза.

— У тебя болит нога?

— Да, — говорит он, но в его ответе чувствуется небольшая задержка.

— Ты меня обманываешь?

— Нет. — Он качает головой. Его глаза все еще закрыты, но уголки рта слегка приподнимаются.

— О да, обманываешь. — Я слегка наклоняюсь. — Ты просто хочешь, чтобы я тебя погладила.

Он открывает глаза и тянется вверх, чтобы заправить одну из прядей, выбившихся из моего хвоста, за ухо.

— Да, — говорит он и снова закрывает глаза.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь сдержать учащенное сердцебиение, а затем зарываюсь пальцами в его волосы. Мы так и лежим — он на моих коленях, а я глажу его — перед выключенным телевизором, пока тишину не нарушает звонок телефона где-то в комнате Романа.

— Черт, — простонал Роман и сел.

— Я принесу. — Я встаю и спешу в его комнату.

Когда я возвращаюсь, Роман смотрит на меня со странной пристальностью, но я отмахиваюсь от него, считая это одним из многих странных взглядов, которые он бросает на меня в последнее время, и подаю ему телефон. Он тянется за ним, но вместо того, чтобы взять его, притягивает меня к себе. Телефон все еще звонит, но он

не отпускает меня, притягивая между своих ног. Другой рукой, большим палец ласкает мою щеку.

— Роман? — спрашиваю я тоненьким голосом, — Что ты делаешь?

— Отвечаю на звонок.

— Он перестал звонить.

— Я знаю. — Его рука скользит по моему предплечью и выхватывает телефон из моих пальцев.

— Роман?

— Да, *malysh*? — Он отбрасывает телефон в сторону, и тот скользит по полированному полу до самой книжной полки.

Мое дыхание учащается, когда я обвиваю его шею, а затем наклоняюсь к нему так, что наши губы оказываются в миллиметрах друг от друга. Он не отводит взгляд от моих глаз, и то, как он смотрит на меня, делает что-то странное со мной.

— Ты хочешь поцеловать меня, Роман? — шепчу я ему в губы.

— Возможно, — говорит он.

— Вокруг нет никого, кто мог бы нас увидеть.

— Именно, — шепчет он и прикасается своими губами к моим.

Сначала он делает это медленно, словно пробуя меня на вкус, но потом его руки смыкаются вокруг моей спины, и он откидывается на подушки, увлекая меня за собой. То, как этот мужчина целуется, должно быть признано опасным для психического здоровья и запрещено. Такое ощущение, что ураган сметает меня с ног, расшатывая и тело, и разум. Я тянусь рукой вниз, захватываю в кулак его футболку и начинаю задирать ее вверх. Роман разрывает поцелуй и снимает свою футболку в то же время, когда я роняю свою на пол. Пока он снимает свое трико, я расстегиваю лифчик, избавляюсь от леггинсов и трусов, а затем забираюсь к нему на колени. Он кладет руку на мою шею, и он снова прижимается своим ртом к моему.

Я не могу перестать трогать его, его грудь, его лицо, его член, который уже полностью эрегирован. Роман скользит рукой между нашими телами, и я чувствую, как его пальцы начинают дразнить мой клитор.

— Такая мокрая, — шепчет он мне на ухо и вводит в меня один палец.

Я почти кончаю на его руку, и, возможно, так бы и случилось, если бы он не убрал палец, заставив меня зарычать от разочарования. Но дело не в его пальце. Дело в нем. Роман Петров, человек, который станет моей гибелью. Назовите это предчувствием или инстинктом — неважно. Я знаю, что он уничтожит меня, потому что один взгляд Романа заводит меня сильнее, чем любой другой мужчина до него.

— Если ты сейчас же не войдешь в меня, — я хватаю его за волосы и сжимаю, — я убью тебя, Роман.

Его руки медленно спускаются по моей груди и грудной клетке, пока он не доходит до моей талии. Подняв меня, он располагает меня над своим членом, эти дьявольские глаза не отрываются от моих ни на секунду.

— Твое желание для меня закон, Нина, — говорит он и входит в меня.

Я стону и одновременно слышу его стон. Он слишком большой, но, боже мой, это так приятно. Я впиваюсь ногтями в его плечи и бьюсь в судорогах вокруг него, пока он входит в меня. Это безумие, и я кричу, не заботясь о том, слышит ли нас кто-нибудь. Роман выкрикивает мое имя и, мгновение спустя, кончает в меня.

Идеально.

Роман вырисовывает узоры пальцами на моей шеи и до самой задницы, затем возвращается вверх. Я лежу, раскинувшись на его груди, уже по крайней мере пять минут, но не могу заставить себя двигаться.

— Нина? Все в порядке?

— Да, — вздыхаю я. — Но я не двигаюсь. Мне здесь нравится.

— Мне тоже нравится, что ты здесь, *malysh*.

* * *

Я просыпаюсь от звука быстрого постукивания где-то над моей головой. Немного потянувшись, открываю глаза и понимаю, что лежу на диване, под головой у меня подушка, а одеялом укрыта с шеи до ног. Свет выключен, по телевизору идут новости, но звук выключен. Постукивание прекращается, и в следующее мгновение я чувствую, как пальцы перебирают мои волосы. Я наклоняю голову и вижу Романа, сидящего на краю дивана рядом с моей головой. Его волосы мокрые, а на коленях у него ноутбук.

— Ты заснула на мне раньше, — говорит он.

— Который час?

— Половина седьмого. Я сказал Варе, что мы поужинаем здесь, когда ты проснешься.

— Звучит неплохо. — Я встаю, сжимая одеяло вокруг себя. — Я собираюсь быстро принять душ.

— Хорошо. Я сообщу, чтобы прислали ужин, — говорит он и возвращается к набору текста.

Я поворачиваюсь и направляюсь к своей спальне, чувствуя себя немного неловко от всей этой ситуации. Мы занимались сексом. И что теперь между нами? Это уже не просто деловая договоренность, так ведь? Должны ли мы игнорировать, что у нас был секс, и притвориться, что этого не было? Я не уверена, что смогу это сделать, потому что, если честно, не хочу. Нам придется поговорить об этом. Может быть, я и поклонник подхода «спрятать проблемы под ковер», но не думаю, что в этот раз хватит ковра.

После душа я возвращаюсь в гостиную, намереваясь обсудить новую ситуацию с Романом, но застаю его в инвалидном кресле, полностью одетым и надевающим наручные часы.

— Что происходит?

— Кое-что случилось. Не жди меня, — говорит он, и, прежде чем я успеваю возразить, он уходит.

Я смотрю на дверь, затем иду в другой конец комнаты, к окну, которое выходит на подъездную дорогу. Перед ним припаркованы три машины, возле которых стоят четверо охранников. Через пару минут из дома выходят Роман, Максим и Костя, садятся в машины, за ними еще несколько охранников. Затем машины уезжают.

Через некоторое время Валентина приносит ужин, но я оставляю его на обеденном столе, надеясь, что Роман скоро вернется. Он не приходит, поэтому около десяти я съедаю несколько кусков холодной рыбы на гриле и немного салата. Остатки еды я убираю в холодильник и смотрю телевизор. Каждые пятнадцать минут я встаю и выглядываю в окно, чтобы посмотреть, не вернулись ли машины. Около полуночи я засыпаю.

* * *

Меня разбудил звук хлопающих дверей автомобиля и крики. Я вскакиваю с кровати и бросаюсь через номер к большому окну. Две машины вернулись. Большинство дверей открыты, и последние несколько человек заходят внутрь. Двое из них поддерживают третьего, практически таща его вверх по лестнице.

Черт. Я бегу обратно в свою комнату, натягиваю толстовку и треники поверх пижамы и бросаюсь к большой лестнице.

В коридоре никого нет. Я оборачиваюсь и замечаю кровь, разбрызганную по белому мраморному полу, создающую дорожку в правом коридоре, в направлении кухни. Я следую за красными пятнами по коридору и обнаруживаю, что двери кухни широко распахнуты. Изнутри доносятся срочные голоса и суматоха.

У меня кровь стынет в жилах при виде Вари, сгорбившейся над Костей. Он лежит на спине на большом острове посреди кухни, а Максим держит у него в руках окровавленную тряпку. Прибегает один из охранников и ставит коробку с медицинскими препаратами рядом с головой Кости, затем меняется местами с Максимом, который идет к раковине и с бешеной скоростью моет руки.

Они все кричат по-русски, я ничего не понимаю, но зрелище говорит само за себя. Что-то пошло не так. И где, черт возьми, Роман?

На кухню врываются еще двое охранников с невысоким костлявым мужчиной, несущим докторскую сумку. Доктор направляется к раковине и, как и Максим, начинает мыть руки. Они надевают стерильные перчатки и подходят к Косте, который бледен, но находится все еще в сознании и стонет. Врач заглядывает под тряпку и готовит иглку с ниткой, а Максим очищает порез.

Сзади меня раздаются шаги, и в кухню заходит последний из охранников, а за ним Роман на кресле. Вздых облегчения вырывается из моих легких, когда я вижу, что он цел и невредим, и я бросаюсь к нему.

— Господи, Роман! — шепчу я, хватаюсь обеими руками за его лицо и целую его. Это злой поцелуй, но он все равно приятный. — Что случилось?

— Возникли небольшие разногласия с нашим поставщиком, и все вышло из-под контроля.

— Костя?

— Ножевой порез на боку. Жить будет.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть назад на остров, где доктор, похоже, заканчивает зашивать бок Кости. Максим ставит ему в руку иглу для капельницы, а Варя держит пакет с жидкостью.

— Может, мне чем-то помочь? — спрашиваю я.

— Нет, пойдем наверх. У Вари и Максима все под контролем, а доктор останется на ночь.

* * *

— Это всегда так? Когда сделки идут не так, людей режут или стреляют? — спрашиваю я, когда мы входим в номер. Меня все еще трясет. — Или взрывают машины?

— Не всегда. Но такое случается.

У меня пересохло в горле. Как он может быть таким спокойным? Я беру стакан и наливаю холодную воду из холодильника.

— Это ужасно, Роман. — Я качаю головой и глотаю воду, желая, чтобы это было что-то покрепче. — Твой мир — полный пиздец.

— Нина, я ничего не могу с этим поделать, — говорит он.

Пожалуй, это единственный способ взглянуть на вещи. Я должна вернуться в постель, но слишком взволнована, поэтому иду через гостиную и встаю у окна, выходящего на подъездную дорожку. Машин нет. Один охранник стоит сбоку перед главной дверью, на поясе у него пистолет. Другой патрулирует территорию в направлении главных ворот, у этого за спиной автомат. Похоже, в мире Романа все вернулось на круги своя.

Я слышу, как Роман приближается, когда он встает позади меня. Его костыли входят в поле моего зрения по обе стороны, а он нависает надо мной и кладет свой подбородок мне на макушку. Я никогда не чувствовала себя такой маленькой по сравнению с ним, как сейчас, когда его огромное тело прижалось к моей спине, но паники нет. Наверное, весь адреналин излечил меня от нее.

— Роман, на какой стадии мы сейчас находимся?

— Что ты имеешь в виду?

— У нас был секс, — говорю я, наблюдая за мужчиной, патрулирующим территорию. — Мы это планировали, ты знаешь. Что мы будем делать дальше?

— Я не знаю, *malysh*. Что бы ты хотела?

— Я не уверена.

Мы оба молчим, глядя на ночь, темноту которой нарушают многочисленные фонари, расставленные по лужайке.

— Уже поздно, — говорит Роман и целует меня в плечо. — Пойдем в постель.

— В какую?

— Ну, я буду в своей. — Он целует меня в шею. — А ты можешь выбрать. Твоя кровать или моя.

Он оставляет меня стоять у окна и обдумывать его последние слова. Я знаю, что мне следует сделать — пойти в свою комнату и забыть о том, что произошло на диване. Это было бы самое мудрое решение. На самом деле, это единственный выбор.

Но, видимо, «мудрость» мне не светит. Я разворачиваюсь и иду в комнату Романа.

Я смотрю на спящую Нину, уютно устроившуюся под одеялом, на ее спутанные волосы, разметавшиеся по моей подушке. Видя ее, в моей постели, вызывает странное теплое чувство в моей груди.

— Уоррен пришел, — говорю я, и легким поцелуем целую ее плечо. — Я буду в спортзале.

— Развлекайся, — бормочет она в подушку и продолжает спать.

Улыбаясь, я сажусь в свое инвалидное кресло и выхожу из комнаты. Ей нужно поспать; мы можем продолжить то, на чем остановились, позже.

Когда я заканчиваю сеанс терапии, Нина еще спит, поэтому я принимаю душ и спускаюсь в свой кабинет. Максим уже ждет меня, и, судя по его лицу, ему нечего сказать приятного.

— Роман, тебе нужно пригласить албанцев. Чем скорее, тем лучше.

— Не получится. — Я сажусь за свой стол, включаю ноутбук и начинаю рыться в бумагах на столе.

— Думаю, тебе стоит передумать.

— Я не в настроении развлекать албанцев.

— Ты знаешь, что они нужны нам как партнеры. Ты не встречался с ними месяцами.

— Он садится в кресло напротив меня и подается вперед. — Они должны быть уверены, что все в порядке.

— Они получают больше денег, чем в предыдущие годы, поэтому я не понимаю, почему они должны быть обеспокоены.

— Если они не почувствуют, что мы вкладываемся как партнеры, они могут обратиться к кому-то другому, Роман. В последний раз, когда я его видел, Тануш упомянул, что обратился к итальянцам. Он сказал это в шутку, но он думает об этом

— Отлично. Как раз то, что мне нужно. — Я бросаю ручку на бумаги.

Максим откидывается назад и скрещивает руки.

— Итак, кого мы приглашаем?

— Тануша и его жену. Думаю, он встанет в позу. И Душку с женой. Вот и все.

— А как же Хаждини? — спрашивает он.

— Нет. В последнее время они с Душкой не в ладах. Мне не нужно кровопролитие.

— Хорошо. Когда?

— У Нины выставка в следующие выходные, так что придется в эту субботу.

— Я дам Танушу знать. — Максим улыбается. — Варя будет в восторге, она только что поменяла ковры.

— Я скажу ей, что это была твоя идея. Особенно если это закончится кровопролитием. Тануш все равно может быть немного враждебно настроен, так что убедись, что мужчины в курсе.

Максим приподнял бровь.

— Почему? Вы двое всегда были в хороших отношениях.

— Мы были в хороших отношениях, пока я не сказал, что не намерен жениться на его дочери, когда он предложил ее несколько месяцев назад.

Максим опускает голову и смотрит на меня поверх оправы очков.

— И ты говоришь мне об этом только сейчас?

Если бы кто-то другой сомневался в моих решениях, ничем хорошим это бы не закончилось. Однако Максим — единственный человек, кроме Вари, которому я безоговорочно доверяю. Он был для меня как отец. — Тогда я не придавал этому значения.

— Он спрашивал о Нине.

Я смотрю на него.

— И что он хотел узнать?

— Он спросил, так ли она красива, как об этом ходят слухи.

Вот же гадина.

— И что ты ему ответил?

— Я сказал ему, пусть сам решит, когда увидит ее.

— Хорошо. Как Костя?

— Потерял немного крови, но ничего серьезного. Через несколько дней будет на ногах.

— Не трогайте его по крайней мере неделю. Иван может взять на себя его обязанности до тех пор. Проследите, чтобы док приходил осматривать его раз в день до понедельника.

— Что-нибудь еще?

— Нет. Иди домой. Отдыхай. Ты всю ночь за Костей присматривал. Я попрошу Варю тебя подменить.

Когда Максим уходит, я звоню Нине.

— Ты не спишь?

— Уже проснулась. — Она зевает.

— Одевайся и встретимся внизу через час. Нам нужно пройтись по магазинам.

— Да?

— В субботу ко мне на ужин придут деловые партнеры. Тебе нужно купить платье.

— Мне точно не нужно другое платье. На прошлой неделе я купила столько одежды, что хватит на две жизни. Вова еле смог все затащить в машину, да и в шкафу у меня места нет. В нем как минимум десять платьев, которые я даже не надевала.

— Ты говорила, что ты импульсивный покупатель.

— Это не равно «шопоголик», Роман.

— Мы все равно купим платье.

— Тебе нравится выбрасывать деньги на ветер? Это какое-то принуждение? Ты можешь сказать мне. — Она хихикает.

Нет, я не думаю, что могу сказать ей, как мне нравится покупать для нее вещи.

— Не заставляй меня ждать.

— Эй, мне нужно выгулять Брандо. Он писает на пол.

— Попроси Ольгу выгулять зверюшку.

— Я скажу Брандо, что ты сделал ему комплимент.

— Можешь также сказать ему, что, если я снова поймаю его за жеванием зарядного устройства для моего ноутбука, я сделаю тебе тапочки из его шкуры.

— Боже мой! — Она разразилась смехом. — Большой плохой пахан — пошутил. Ты хорошо себя чувствуешь?

Я ухмыляюсь. — Один час, Нина.

Прервав связь, я погружаюсь в отчеты, которые прислал Михаил, а также в планы поставок на следующую неделю. Мысли о некой черноволосой женщине мешают мне сосредоточиться.

* * *

— Как насчет этого?

Нина выходит из раздевалки в маленьком черном платье. У него высокий вырез с подолом, который едва прикрывает ее попу. Фасон довольно простой, но то, как оно облегает ее тело и обнимает бедра, подчеркивая ее крошечную талию, не может не радовать. В сочетании с туфлями на высоком каблуке и волосами, собранными на макушке, результат просто потрясающий, и мне трудно оторвать взгляд от ее ног и маленькой упругой попки. Если она выйдет в этом на улицу, то создаст помехи движению.

— Мы его покупаем, — говорю я придушенным голосом, — но найди другой для ужина.

— Почему? Что с ним не так? — Она смотрит в зеркало и качает головой. — Оно слишком простое?

— Я не хочу, чтобы мои деловые партнеры весь вечер любовались ногами моей жены.

— Роман, не будь пещерным человеком. Оно не такое уж и короткое.

— Ты не наденешь его в субботу. — И вообще нигде на людях.

— О, ради всего святого. Ладно. Пойду найду мешок для картошки.

Мне нравится идея с картофельным мешком. На самом деле, если бы я мог завернуть ее с ног до головы, я был бы очень счастлив.

В итоге Нина покупает розовое платье-миди, и, хотя я не в восторге от него, поскольку оно с низким вырезом и показывает довольно много ног, оно гораздо лучше, чем черное. Пока она рассматривает что-то на вешалке с блузками, я киваю продавцу, чтобы он упаковал и черное платье. После того как Иван забирает пакеты с платьями, я веду ее в ювелирный магазин на первом этаже.

— Нет, — говорит она, когда мы останавливаемся перед витриной с множеством ожерелий. — Мне не нужны драгоценности.

Ей они не нужны, это точно. Когда мой маленький цветок входит в комнату, она сияет ярче любого бриллианта, но жены Тануша и Душку придут все в золоте и драгоценностях, и я не хочу, чтобы Нина чувствовала себя чем-то меньшим.

— Да, нужны, — говорю я и веду ее внутрь.

Она ходит по магазину, рассматривая украшения, выставленные в стеклянных витринах вдоль стен, пока не подходит к той, где лежат самые простые ожерелья.

— Как насчет этого? — Она указывает на тонкую золотую цепочку.

Я не обращаю на нее внимания и качусь к большой витрине у противоположной стены, где хранятся самые лучшие изделия. Когда служащий магазина видит, куда я смотрю, он прибегает и начинает выстраивать передо мной бархатные коробки.

— Я не буду носить драгоценности по цене дома на шее, — шепчет Нина мне на ухо.

— Вот этот. — Я показываю на комплект, состоящий из кольца и браслета из белого золота, усыпанного белыми бриллиантами, и смотрю на продавца, который лучится на меня — его глаза огромные, как блюдца. — И подходящие к ним серьги.

Он нетерпеливо кивает и достает еще одну бархатную коробочку, чтобы положить ее рядом с комплектом.

— Да. — Я киваю. — Давай сначала их померим.

— Пожалуйста, скажи мне, что это подделка, — простонала Нина рядом со мной, и я не могу удержаться от смеха. — Это не так, да?

— Нет, *malysh*, они не поддельные.

Помощник расстегивает ожерелье и становится позади Нины, держа его так, чтобы надеть ей на шею.

— Тронешь руками мою жену, — говорю я идиоту, — и ты их потеряешь.

Мужчина вздрагивает и делает шаг назад, чуть не споткнувшись о свои ноги.

— Господи, Роман! Что на тебя нашло? — Нина удивленно смотрит на меня, затем поворачивается к продавцу. — Он не это имел в виду.

— Именно это. Повернись. — Я протягиваю руку, чтобы принять ожерелье от продавца.

Застегнув его, я люблюсь тем, как оно подчеркивает ее стройную шею. Браслет слишком велик на несколько размеров; вероятно, она может просунуть в него оба запястья.

— Измените размер браслета и доставте его завтра. — Я отдаю браслет обратно служащему, который с нетерпением кивает, затем поворачиваюсь к Нине.

— Вы хотите оставить ожерелье или предпочитаете, чтобы его прислали вместе с браслетом и серьгами?

— Я точно не собираюсь ходить по торговому центру с этой штукой на шее. Не могли бы ты снять его?

Пока я расстегиваю ожерелье, я пользуюсь возможностью провести пальцами по нежной коже ее шеи и замечаю, как она слегка наклоняется навстречу моим прикосновениям.

— Поехали домой, — шепчу я ей на ухо. — Ты можешь надеть те кружевные стринги, которые купила.

Она поворачивается и смотрит на меня. В ее глазах нерешительность и беспокойство.

— Что мы делаем, Роман? Это. Ты и я. Я понятия не имею, что обо всем этом думать.

— Тогда не думай. Просто... отпусти. Позволь течению вести нас. — Я беру ее за подбородок и целую ее.

— Просто отпустить?

— Просто отпусти, *malysh*.

— Хорошо.

Глава 10

Легкое прикосновение пальца между ног пробуждает меня. Поцелуй на моей шее, затем еще один, чуть ниже. Роман прижимается ко мне сзади, рукой обхватывает мой живот, прижимая меня к его твердой, мускулистой груди. Скользит рукой к моей киске и начинает обводить клитор пальцем. Когда он медленно входит в мою сердцевину, я ахаю, хватаю Романа за предплечье и начинаю двигаться навстречу. Но он убирает руку. Я переворачиваюсь на бок, лицом к нему, перекидываю одну ногу через его бедро и тянусь к его члену.

— Терпение. — Он обхватывает мою грудную клетку и поднимает меня, чтобы я села на его живот. Положив руки мне за колени, он подталкивает меня вверх по телу, пока я не оказываюсь на его груди.

— Роман? — Я удивленно смотрю на него сверху вниз.

— Тебе не удобно лежать на спине. Поэтому мы импровизируем.

Его руки скользят по моим бедрам, пока он не обхватывает ягодицы, и он подает мое тело вперед, пока его рот не оказывается в нескольких дюймах от моего лона.

— Руки на изголовье, — говорит он, — и держись крепче.

Его рот врезается в мою киску еще до того, как я успеваю обработать его приказ. Я хватаюсь за изголовье кровати, закатив глаза от наслаждения, пока он лижет меня, разрушая меня все больше с каждым движением своего языка. Мой разум уже наполовину помутился, но, когда Роман сосет клитор, он полностью выгорает.

Я все еще дрожу от последующих разрядов, когда он опускает меня на свою грудь. Спустя несколько мгновений я возвращаюсь в реальность. Я поднимаю на него глаза и вижу, что он наблюдает за мной с самодовольной улыбкой. Коварный и опасный, вот кто он. И он это знает.

Я спускаюсь ниже, пока не чувствую его твердый член, и поднимаюсь, чтобы расположиться над ним.

— Руки на изголовье, Роман.

Он приподнимает брови, но он берется за две деревянные планки над головой. Я улыбаюсь, медленно начинаю опускаться на его член, останавливаюсь на полпути и наклоняюсь, чтобы поцеловать его грудь, покрытую татуировками. Затем я облизываю ее. Роман глубоко вдыхает, но не двигается, держа руки на доске. Я бы хотела дразнить его дольше, но мое лono буквально болит от желания иметь его в себе, поэтому медленно опускаюсь вниз и закрываю глаза. Блаженство.

— Не. Двигайся, — шепчу я и начинаю вращать бедрами.

Пока я скачу на нем, Роман крепче сжимает изголовье, мышцы его предплечий напряжены. Он хочет двигаться, двигаться вверх внутри меня. Я вижу его желание и контроль в напряженном взгляде. В том, как он сосредоточен, чтобы оставаться неподвижным, потому что я попросила его об этом, и меня это сильно заводит. Роман Петров — не тот человек, который кому-то уступает, но здесь он отдает мне контроль. Стон вырывается из меня, когда я кончаю. Роман в конце концов теряет самообладание и, схватив меня за талию, начинает врезаться в меня до тех пор, пока не кончает.

Пока мы лежим с переплетенными конечностями, я провожу пальцем по черным линиям на его груди. В основном это узоры в традиционном стиле, такие же, как и на его руке. Что я не заметила раньше, так это многочисленные шрамы по всей его груди. Я кладу руку на один из трех на его правом боку. Они кажутся более свежими, нарушая поток черных узоров.

— Они от взрыва бомбы в машине, — говорит он, поглаживая мою спину.

Я перевожу руку влево и касаюсь длинного тонкого шрама над его бедром.

— После драки с ножом на мой шестнадцатый день рождения. Дискуссия о политике, которая зашла слишком далеко.

Затем я выбираю округлый шрам на левой стороне его живота и обвожу его пальцем.

— Выстрел. Разногласия с Мендозой. Для мексиканцев он эквивалент *пахана*, тогда все было сложно. Это было больше десяти лет назад.

Я поднимаю на него глаза.

— Десять? Когда ты сменил предыдущего *пахана*?

— Двенадцать лет назад. Когда мой отец умер, я занял его место. Мне было двадцать три года.

— Как это возможно? Ты был так молод.

— Я начал работать с отцом, когда мне было пятнадцать. Люди поддерживали меня.

— Он пожимает плечами, как будто это пустяк. — Этот вариант был гораздо лучший, чем внутренние войны. Это плохо для бизнеса.

Я опускаю глаза к его груди, неожиданно понимаю, насколько сильно его мир отличается от моего.

— Что случилось с Михаилом? — спрашиваю я.

Роман молчит несколько мгновений, затем делает глубокий вдох и прижимает меня к себе.

— Мой отец случился.

— Боже милостивый. Он... сделал это с ним? Почему?

— Это долгая история, *malysh*. Длинная и ужасная история, и определенно не то, о чем я хочу говорить в нашей постели. Тебе будут сниться кошмары.

- Все так плохо?

— Нет. Все гораздо хуже, чем ты можешь себе представить, Нина.

Будильник звонит в семь. Я смотрю на Нину, которая спит у меня на груди, и качаю головой. Я помню, что вчера вечером переложил ее на подушки, но в какой-то момент она снова решила забраться на меня.

Стараясь изо всех сил не разбудить ее, я снова перекладываю ее на простыни и натягиваю покрывало на ее обнаженное тело. Прошлой ночью мы занимались сексом три раза, так что она, скорее всего, будет спать.

Поцеловав ее в плечо, выглядывающее из-под одеяла, я беру костыли с того места, где прислонил их к тумбочке, и начинаю готовиться к встрече с Уорреном.

Где-то в середине сеанса Уоррен берет трость, которая уже неделю лежала на стуле в углу, и приносит ее мне.

— Давай попробуем немного, — говорит он.

Медленно я слезаю с массажного стола и встаю, поддерживая свой вес левой ногой и держась за край стола правой рукой.

— Мы начнем медленно, — говорит он. — Пока только пара шагов.

Я делаю глубокий вдох, держу трость левой рукой и разжимаю безумную хватку, которой держусь за стол. Моя первая попытка неудачна. В тот момент, когда я поднимаю левую ногу, чтобы сделать шаг вперед, жгучая боль пронзает мое правое колено так, что я чуть не спотыкаюсь.

— Подели вес между тростью и ногой. И попробуй на этот раз сделать шаг поменьше.

Колено все еще болит, как сука, но уже немного лучше. Мне удастся сделать всего четыре шага, прежде чем боль становится невыносимой, и я вынужден сесть. Выглядит жалко, и я чувствую потребность ударить что-нибудь.

— Все прошло хорошо, мистер Петров, — говорит Уоррен.

Я поднимаю на него брови.

— Если это было хорошо, то что плохо?

— Это вполне нормально. Вы впервые за четыре месяца почти весь свой вес перенесли на травмированную ногу. То, что вы можете это делать, очень радует. Думаю, с этого момента вам следует перейти на предплечные костыли

Я замираю. — Мне они не нравятся.

— Почему? С ними нужно немного потренироваться, но пользоваться ими гораздо удобнее.

— Потому что они выглядят ... постоянными. — Вот. Я сказал это. Мой самый большой страх на данный момент — что мое колено настолько повреждено, что я буду ходить на костылях всю оставшуюся жизнь. С тростью я могу жить. Но я не думаю, что смогу вынести костыли.

— Они не будут постоянными, мистер Петров. Однако для перехода к трости они подходят гораздо лучше, чем подмышечные костыли, которыми вы пользовались до сих пор.

— Хорошо, — вздыхаю я. — Когда я смогу полностью отказаться от инвалидного кресла?

— Всё зависит от ситуации. Ваш прогресс намного лучше, чем ожидалось, и при достаточной практике через несколько недель вы сможете подниматься, используя только костыли для предплечья. Но инвалидное кресло лучше оставить. Она вам понадобится, когда мы начнем более интенсивно тренироваться с тростью. Эти занятия дадут значительную нагрузку на ваше колено, и будет лучше использовать кресло в ближайшие час или два.

— Просто доведите меня до этой чертовой трости, Уоррен. Мне все равно, что для этого потребуется, только доставьте меня туда.

— Я так и сделаю, мистер Петров. Теперь давайте попробуем костыли для предплечья, хорошо?

Сеанс терапии прошел не очень хорошо. Чтобы это понять, мне хватило одного взгляда на лицо Романа, и за все утро он не произнес ни слова.

Я беру пустую миску, которую использовала для каши, и иду на кухню, чтобы поставить ее в раковину. Наполнив тарелку Брандо, я подхожу и встаю рядом с Романом.

— Я тут подумала, — говорю я непринужденно, глядя, как он выжимает апельсин, — может, я могла бы присоединиться к тебе завтра, когда ты будешь тренироваться?

В свободное от встреч с терапевтом время Роман проводит два часа на тренировках, а если терапия все же состоялась, то после нее он занимается не менее часа. Этот человек был серьезно одержим.

— Конечно. — Он пожимает плечами и начинает наливать сок в стаканы. — На чем ты хочешь заниматься? На беговой дорожке?

— Я думала о тяжелой атлетике.

Его рука замирает на середине наливания сока, и он смотрит на меня с недоверием на лице, уделяя внимание моим несуществующим мышцам рук.

— Тяжелой атлетикой?

— Да.

— Хорошо. — Он залиvisto смеется, и, хотя я пытаюсь придать своему лицу обиженный вид, про себя я улыбаюсь. Его смех намного лучше, чем его хмурое лицо.

— Что? Это сейчас популярно. В моем Instagram полно девчонок с селфи из спортзала. Говорят, тяжелая атлетика творит чудеса с мышцами попы. Может быть, я могла бы сделать несколько фотографий или даже видео и выложить их тоже. Мне нравятся обтягивающиеся неоновые наряды и...

В следующее мгновение я обнаруживаю себя сидящей на прилавке перед Романом, который держит мой подбородок между пальцами и пристально смотрит на меня.

— Никаких селфи в одежде в обтяжку.

— Ой, не будь таким ворчуном. Их все выкладывают.

— Моя жена — не все.

Черт. У меня внутри все плавится, когда он меня так называет. И мне втайне нравится его ревность. Это так мило. Я наклоняюсь и поправляю воротник его рубашки, затем провожу пальцами по его все еще слегка влажным волосам.

— Ты очень сексуальный мужчина, Роман.

Он разрывает зрительный контакт и смотрит в свой стакан с соком.

— Даже с костылями?

Да, этот сеанс терапии определенно не удался.

— Даже с костылями, Роман. — Я целую его и обязательно слегка прикусываю нижнюю губу. — Что сказал Уоррен?

— Что у меня все чертовски хорошо. — Судя по тому, как он стискивает зубы, и как побелели костяшки его пальцев, от того, как крепко он держит костыли, их мнения довольно сильно расходятся.

— Мне нужно идти. Я вернусь к ужину. — Он целует меня в лоб и уходит.

Ему больно. И от его боли, у мен болит сердце.

После его ухода я долго сижу на столе, глядя в пол.

— Замечательно, — бормочу я про себя. — Просто замечательно.

Он - глава русского преступного мира. Наркоторговец. Убийца. И я умудрилась влюбиться в него. Кто-нибудь, пожалуйста, запишите меня в психушке, потому что там мне самое место.

Глава 11

Я оглядываю заброшенный завод, который мы иногда используем при заключении сделок, и чертыхаюсь. На полу лежат три трупа, каждый из которых имеет большую красную точку в центре лба.

— Какого хрена, Сергей? — рявкаю я.

— Они принесли испорченный товар. Чего ты от меня ждал?

— Послать их подальше, а не убивать всех. Черт побери. — Я поворачиваюсь к Дмитрию и Павлу, которые проверяют ящики на полу. — Загоните их машину внутрь. Сожгите все.

— Товар тоже?

— Всё. — Я перекаत्याюсь к одному из мертвых парней и смотрю на его лицо. — Это люди Мендосы? — спрашиваю я и смотрю на Сергея.

— Нет. Ривера, но работают сами по себе. Наверное, воруют товар у Ривера, смешивают его и его и торгуют из-под полы.

— Ты же знаешь, мы не работаем с жуликами.

— Мне было любопытно, что они могут предложить. Цена была хорошая. — Он пожимает плечами и прикуривает сигарету.

— Ну, я рад, что ты повеселился. — Я усмехаюсь. — Не смей больше так делать, слышишь, Сергей?

— Да, *пахан*.

— Еще один такой трюк, и тебе конец. Все твои минусы в команде уже почти превысили плюсы. побыстрее бери себя в руки. Найди себе чертово хобби или еще что-нибудь.

Я поворачиваю свою инвалидную коляску и уезжаю, Павел следует за мной. Мне сегодня совсем не нужен этот беспорядок. Если бы Сергей не был моим сводным братом, я бы давно избавился от него.

— Пошли ему проститутку, — говорю я Павлу, когда мы садимся в машину. — Ему нужно выпустить пар.

— Я уже пытался. Он их всех послал подальше.

— Скольких ты отправлял?

— Шестерых.

— Попробуй послать мужчину. — Я почти уверен, что Сергей не гей, но я не мог быть до конца уверен в этом.

— Это тоже закончилось не очень хорошо. — Павел прочистил горло. — Он выгнал его, потом пришел в клуб и сломал мне нос.

— Господи, что же мне с ним делать?

— Консультации могут помочь. Может, док знает психиатра, который захочет получить дополнительные деньги.

— Паша, после разговора с ним, психиатру самому понадобится консультация. Я не думаю, что кто-то может помочь Сергею. Он потерян, — вздыхаю я и смотрю в окно.

Матрас рядом со мной проседает, и тут я чувствую, как Роман обхватывает мою талию, прижимается телом к моему. Я люблю, когда он так делает.

- Ты пропустил ужин, — бормочу я в подушку.
- Прости, у нас возникла ситуация. Уже поздно, спи.
- Разбудишь меня утром?
- Обязательно.

Он целует меня в шею и крепко прижимает к себе. Еще никогда сон никогда не был таким приятным, даже когда болит голова.

* * *

- Привет, — простонала я. — Который час?
- Семь.

— Еще пять минут. — У меня голова раскалывается, поэтому я просто накрываюсь одеялом, засыпаю и мечтаю снова оказаться в школе. Но потом сон трансформируется. Я занимаюсь сексом с Романом, и мы находимся в середине процесса, когда из ниоткуда появляется парень с ножом и вонзает его Роману в бок. Я вскакиваю на постели, оглядываюсь вокруг. Кроме Брандо, который играет со своим мячом в углу комнаты, я одна, и все кажется нормальным.

Чувствуя себя так, будто меня переехал поезд, я ковыляю на кухню, ставлю вариться кофе и иду в ванную. Приняв душ и переодевшись в джинсы и топик, я достаю миску и готовлю завтрак. Часы на стене показывают полдень, а это значит, что через час я должна быть на маникюре. Девушка должна прихорошиться для деловых партнеров мужа, но я слишком устала, поэтому между двумя ложками хлопьев звоню и отменяю встречу. Поиграю в трофейную жену как-нибудь в другой раз. Может быть, мне стоит найти Варю и узнать, есть ли у нее что-нибудь от головной боли.

Как только я захожу на кухню вниз, звон столового серебра и грохот кастрюль атакуют мой мозг. Видимо, подготовка к сегодняшнему ужину идет полным ходом. Игорь кричит на Валентину и показывает на плиту. Варя сидит за столом в углу и начищает тарелки, но я не могу больше терпеть этот хаос. У Романа наверняка что-то есть. Я выхожу из кухни и направляюсь в другую часть дома.

Роман сидит за своим столом, заваленным бумагами. Я никогда не думала, что быть главой преступной организации может быть настолько... бюрократично.

- У тебя есть что-нибудь от головной боли? — спрашиваю я с порога.
- В шкафу в моей ванне. — Он поднимает глаза. — Все в порядке?
- Думаю, я подхватила вирус. Ничего серьезного.

Роман откладывает бумаги и рукой подталкивает меня к себе. — Иди сюда.

- Я в порядке. — Я закатываю глаза, но все равно сажусь к нему на колени.

— У тебя есть еще какие-нибудь симптомы? — Он кладет свою ладонь мне на лоб, а затем на щеку. — Прими таблетку и ложись. Мне нужно закончить несколько дел здесь, а потом я поднимусь наверх.

- Я чувствую себя хорошо, Роман. Это просто головная боль.

Он наклоняется и целует меня, и от этого все становится немного лучше. Черт, я влюбилась в этого мужчину.

— Наверх. Сейчас же, Нина.

— Ну, раз уж ты так мило попросил. — Я быстро целую его в щеку и поворачиваюсь, чтобы уйти обратно в свою комнату.

Когда я вошел в свой номер, свет был выключен. Я увлекся работой и почти забыл об ужине. Душку и Тануш приедут через час, и я ожидал застать Нину за приготовлениями, но, похоже, здесь никого нет.

Я включаю свет и только тогда замечаю, что она лежит на диване, свернувшись калачиком под одеялом. Собака спит рядом с ее ногами. Я подкатываюсь к дивану и протягиваю руку, чтобы коснуться ее лица. Она шевелится и медленно открывает глаза.

— Пора на ужин? — пробормотала она и поднялась, чтобы сесть. — Мне нужно принять душ и подготовиться.

— Ты никуда не пойдешь. Ты вся горишь. — Я беру телефон и звоню Варе, поручая ей принести градусник и тайленол. — Ложись. Я принесу тебе воды.

Я иду на кухню и приношу из холодильника стакан и бутылку воды. Нина снова ложится на диван, ее тело свернулось под одеялом и выглядит таким маленьким.

— У меня такое чувство, будто кто-то разжевал меня и выплюнул, — бормочет она. — Прости, детка, но я не думаю, что смогу пойти на ужин.

Что-то кольнуло меня в груди, когда я услышал это ласкательное слово. Это первый раз, когда она сказала такое, не играя роль для окружающих нас людей. Она, наверное, даже не заметила, но это все равно это важно.

За мной открывается дверь, и входит Варя с бутылочкой тайленола. Она садится на диван и измеряет Нине температуру.

— Иди, готовься. — Она машет рукой. — Гости придут меньше, чем через час. Я останусь с ней.

* * *

Тануш и Душку прибывают вовремя. Я провожаю их в столовую и приглашаю занять четыре места по левую сторону от меня. Тануш занимает ближайший ко мне стул, а его молодая жена, которая, вероятно, ровесница его дочери, тихо садится рядом с ним. Мне жаль бедную девушку. Даже под всей ее косметикой и тоннами украшений я чувствую, как она напугана. Жена Душку — совсем другая порода. Она выше и крупнее своего мужа и, по слухам, ведет все его финансовые дела.

Максим и Дмитрий стоят справа от меня, оставляя стул сбоку пустым. Они знают, что оно предназначено для Нины, и, хотя она не присоединится к нам, никто не осмеливается занять ее место. У моего дяди-идиота, который прибыл последним, похоже, не осталось ни капли здравого смысла, потому что он направляется прямо к месту Нины. К счастью для него, он поднимает голову как раз перед тем, как дотянуться до стула. Увидев выражение моего лица, он быстро отступает назад и занимает место рядом с Дмитрием.

Я киваю Валентине и Ольге, которые подходят к столу и начинают разливать напитки. Мы часто устраивали такие ужины, так что они знают, что к чему.

— Петров, а где твоя молодая жена? — спрашивает Тануш, потягивая свой второй виски.

— Моя жена тебя не касается.

— Очень жаль. Я так хотел с ней познакомиться. Увидеть своими глазами девушку, которая сумела схватить большого преступника Романа Петрова. — Он улыбается. — То, что я слышал, хм... Интересно, существует ли она вообще?

Я смотрю на этого ублюдка и думаю, не выпотрошить ли его на месте.

— Ужин готов, — говорит Максим, вполне возможно, спасая жизнь придурку. — Давайте есть, пока мясо не остыло.

Ольга бросается вперед, ставит большие тарелки на середину стола, а Валентина бежит вокруг, наполняя напитки. Рядом с бутылкой вина лежит нож для стейка. Я беру его и перекладываю поближе к своей тарелке. Максим оправдывается и выходит из-за стола, но я не обращаю внимания куда он направляется, мой взгляд сосредоточен на Тануш. У меня такое чувство, что мы все-таки снова будем менять ковры.

Спустя двадцать минут таблетки подействовали, и я возвращаюсь прихожу в норму. Голова все еще немного болит, горло саднит, но это намного лучше, чем сегодня днем.

— Я чувствую себя лучше. Ты должна спуститься вниз, — говорю я Варе, которая не отходила от меня с момента болезни.

— Роман сказал, чтобы я оставалась здесь, пока он не вернется, дитя. Я должна каждые двадцать минут сообщать ему новости, иначе он поднимется.

— Я в порядке. У тебя сегодня куча работы.

— Если я спущусь вниз и Роман увидит меня, он разозлится. Он развлекает двух очень опасных людей, и он не может позволить себе отвлекаться.

У Вари звонит телефон. Она тянется к нему, смотрит на экран и напрягается.

— Это Максим, — говорит она и отвечает на звонок. — Что случилось?

Она слушает мгновение и качает головой.

— Абсолютно ничего. У нее весь день был жар. . . Хорошо. — Она протягивает мне телефон. — Максим хочет с тобой поговорить.

Я смотрю на Варю, растерянно, и беру трубку. — Да?

— Ты можешь спуститься? — спрашивает он.

— На ужин?

— Ненадолго. Пожалуйста.

— Хорошо. Но мне нужно принять душ и переодеться.

— Сколько времени тебе нужно?

— Минут тридцать минут. А что?

— Я не могу отвлекать его так долго. Ты сможешь уложиться в пятнадцать?

— Что происходит, Максим?

На другом конце линии повисло молчание, а затем...

— Я думаю, Роман собирается убить Тануш, а нам это сейчас совсем не нужно. Мне нужно, чтобы он сосредоточился на чем-то другом. — Он обрывает звонок.

Я смотрю на телефон, бросаю его на колени Варе и бегу прямо в ванную.

— Видел бы ты ее, Леонид! — Тануш держит руки перед собой. — У нее были такие здоровенные бедра. С этого момента я начну лично оценивать всех шлюх. Нельзя предлагать клиентам непроверенный товар, верно? — Он ударяет себя по ноге и гогочет как сумасшедший над своей дурной шуткой, в то время как его жена ерзает на стуле, ее лицо краснеет с каждой секундой.

Переведя дыхание, Тануш продолжает:

— Может быть, именно поэтому Роман отверг руку моей дочери? Наверное, мне следовало предложить ему сначала попробовать товар. — Он снова смеется и поворачивается ко мне. Запыхавшись, он смотрит на меня слезящимися глазами.

Я перестал считать его напитки после пятого, но мне не нужно знать, сколько он выпил, чтобы понять, что он пьян.

— Твоей дочери семнадцать лет, — говорю я.

— И что? Моя мать вышла замуж в пятнадцать. — Он наклоняется слишком близко к моему лицу. — Ты пробовал товар до брака? Скажи мне, она была хороша или, может быть, твой член поврежден вместе с ногой во время взрыва?

На сегодня с меня хватит. Я беру нож для стейка со стола, куда намеренно положил его раньше, хватаю Тануша за воротник рубашки и прижимаю нож ему под горло. Варя меня убьет, но я получу огромное удовольствие, прикончив этого ублюдка. — "Член моего мужа отлично работает, но спасибо за заботу.

Я вскидываю голову. Нина стоит в дверях и смотрит на меня, приподняв одну бровь. На ней короткое черное платье, то самое, которое я сказал, что она не будет надевать на этот ужин.

— У тебя жар. Возвращайся в свою комнату. — Я огрызаюсь.

Тануш пытается вырваться, и я нажимаю на лезвие сильнее, всего на волосок от того, чтобы оно порезало кожу.

— Я в порядке, дорогой. Могу я присоединиться к тебе? Я вижу, что ты занял мне место, а я умираю с голоду.

Нина подходит, звук ее каблучков по полу — единственный, который можно услышать, и останавливается между мной и пустым стулом. Наклонившись вперед, чтобы быстро поцеловать меня в щеку, она садится.

— Вы, должно быть, господин Тануш. Я слышала, что вы владеете самым крупным казино в городе. Может быть, Роман однажды приведет меня, и вы покажете нам все, я никогда не была в казино. — Она мило улыбается ему и поворачивается ко мне. — Дорогой, не мог бы ты убрать нож? Я тут пытаюсь вести беседу.

Тануш смотрит на нее мгновение, а потом разражается смехом. Я медленно опускаю нож, давая Дмитрию незаметный сигнал держать пистолет наготове, и отпускаю рубашку Тануша. Он все еще смеется. Сумасшедшие албанцы.

— Она мне нравится, Роман! Такая забавная.

— Спасибо, господин Тануш. — Нина лучится, а я качаю головой.

— Это моя жена, Нина, — объявляю я и бросаю на нее раздраженный взгляд. — И она определенно знает, когда нужно появиться.

— Спасибо, милый. — Она проводит рукой по моей и поворачивается к Танушу. — Насчет казино, как вы следите за тем, чтобы люди не жульничали? У вас там камеры, которые следят за столами или...?

Тануш слушает болтовню Нины и отвечает на ее вопросы. Она намеренно задает нелепые вопросы, которые заставляют всех время от времени хихикать, поддерживая легкую атмосферу. Когда она спрашивает, закрыты ли вентиляционные отверстия в казино камерами, все смотрят на нее и взрываются смехом, когда она объясняет, что в фильмах грабители всегда проникают в казино через вентиляционные отверстия.

Она в своей стихии, прекрасно играет роль наивной и немного туповатой жены, но я вижу мешки под глазами, которые она пытается скрыть макияжем. Очевидно, пришло время объявить об окончании этого idiotского ужина и отправить албанцев домой.

Когда дверь в апартаменты Романа закрывается за мной, я медленно выдыхаю и наконец-то позволяю себе расслабиться. Я чувствую себя паршиво.

— Никогда больше так не делай, — говорит Роман сквозь зубы и поворачивается ко мне, пока я не оказываюсь между его ног.

— Что именно?

— С чего мне, блядь, начать? — рывкает он, его ноздри раздуваются. — Ты пришла на этот чертов ужин с температурой. Подвергаешь себя опасности. Мы находились так близки к полномасштабному кровопролитию, а ты вошла в самую гущу!

— Прости, что причинила тебе беспокойство.

Роман стискивает зубы. Он очень зол.

— И ты одела это платье. — Он наклоняется вперед и обхватывает меня за талию.

— Отныне ты будешь носить это платье только для меня. Ясно?

Я изо всех сил стараюсь скрыть ухмылку. И терплю неудачу.

— Хорошо, пещерный человек. — Я кладу руки ему на шею и целую его в губы. — Ты в курсе какой ты милый?

— Я не милый, Нина. Я чертовски зол.

— И все же... — Я целую его в лоб, потом еще раз в скулу. — Ты такой сексуальный, когда злишься.

— Ты пытаешься манипулировать мной?

— Ага. — Еще один поцелуй, на этот раз в другую скулу. — Это работает?

— Возможно. — Он берет мое лицо в свои ладони и прижимается своим ртом к моему. — Ложись в кровать. У тебя опять поднялась температура, я принесу тайленол.

Он невыносим.

Прошло уже три дня после ужина с албанцами, а Роман все еще относится ко мне так, будто я должна быть прикована к постели. В первый день его поведение наседки показалось мне милым, хотя моя лихорадка спала и я пришла в норму. А теперь я просто хочу его задушить.

— Я больше не буду смотреть Netflix, а ты больше не будешь работать из гостиной. Я ткнула пальцем в его грудь. — Ты возьмешь свой ноутбук и спустишься в свой кабинет, и сделаешь это сейчас же.

— Как только я выйду за дверь, ты уже будешь на ногах и будешь работать.

— Мне нужно закончить еще четыре работы за четыре дня. Конечно, я буду работать. Ты заставил меня провести три дня на диване.

— У тебя была температура.

— Три дня назад! — Я вскидываю руки и бросаю на него кинжальный взгляд. — Я в порядке. Пожалуйста, просто иди в кабинет и дай мне поработать.

— Хорошо. Но я буду проверять тебя. Если я снова поймаю тебя за пропуском обеда...

— Спасибо, Боже.

Он следит за мной глазами, пока я иду к своему рабочему месту и начинаю подготавливать свои краски на столе рядом с мольбертом. Мне придется купить еще черной краски, у меня остался последний тюбик, так как я использовала почти все свои запасы на большого парня. Еще несколько тюбиков красной тоже не помешают. Я только обмакнула кисть в краску, как почувствовала, что Роман прильнул губами к чувствительному месту на моей шее.

— Ты кое-что забыла, — шепчет он и зарывается лицом в мои волосы.

— Да? И что же?

— Поцелуй.

Я роняю щетку и медленно поворачиваюсь, чтобы увидеть его нависшим надо мной. Я не вздрагиваю, и нет никакого чувства паники. То, что он так близко, возвышается надо мной, уже давно перестало меня пугать. Я даже не могу точно определить момент, когда это произошло.

— Ты такой требовательный. — Я беру его лицо в свои руки и прижимаю его губы к своим.

— Я знаю. — Он снова целует меня. — Ешь свой обед. Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится.

Когда Роман уходит, я погружаюсь в работу, останавливаясь только для перерыва на туалет. К обеду у меня готова еще одна часть. Брандо становится беспокойным; он бежит вокруг по меньшей мере час, прежде чем наконец свернуться калачиком в своей собачьей постельке. Может быть, мы могли бы пойти прогуляться и попытаться счастья, чтобы снова попасть в комнату Леонида. Последние несколько раз, когда я пыталась, там всегда кто-то был.

В своей комнате я беру с тумбочки маленький красный шарик и черное устройство и свищу. Брандо вскакивает на своей собачьей подстилке и, как только видит мяч, начинает бегать вокруг моих ног. Положив подслушивающее устройство в задний карман джинсов, я выхожу из апартаментов Романа с Брандо и направляюсь в западное крыло.

Одна из горничных выходит из комнаты Кости как раз в тот момент, когда я подхожу к лифту, и, неся швабру и принадлежности для уборки, отпирает комнату Леонида и заходит внутрь. Бинго.

Я бросаю мяч в другой конец коридора и даю Брандо погонять его несколько минут. Когда я убеждаюсь, что вокруг никого нет, я забираю мяч у Брандо и запускаю его прямо в комнату Леонида. Как и ожидалось, он бросается за мячом.

Из комнаты начинают доноситься разные звуки. Плач горничной. Лай Брандо. Что-то ударяется о пол. Еще лай.

— Брандо, — зову я, но не ожидаю, что он придет. Когда в дело вступает мяч, все его тренировки исчезают. Очень удобно.

Я вбегаю в комнату и вижу, что горничная трусит в углу, держа швабру перед собой в оборонительной позе. Брандо полностью игнорирует ее и гоняет мяч под маленьким журнальным столиком в углу. Я наклоняюсь, чтобы достать мяч, и задеваю бедром столик, который шатается и опрокидывается набок. Большая стеклянная бутылка с ликером падает на пол, разбиваясь. Брандо вскрикивает и бежит прятаться под кровать.

— Принеси совок и тряпки быстро, — говорю я горничной и встаю на колени между кроватью и шкафом, словно пытаюсь достать собаку.

Как только она скрывается из виду, я достаю из кармана подслушивающее устройство и осматриваюсь. Большинство пустых электрических розеток на виду, черт побери. Я уже почти решил воспользоваться той, что рядом с опрокинутым столом, когда замечаю одну пустую розетку, расположенную между шкафом и гардеробом. Никаких электроприборов поблизости. Придется обойтись. Я протягиваю руку и только что подключила жучок, как слышу быстро приближающиеся шаги.

— Ну же, малыш, все хорошо. Иди к мамочке, — воркую я, протягивая руку под кровать к Брандо.

— Что ты здесь делаешь? — говорит Леонид сзади меня.

Я хватаю испуганную собаку и встаю лицом к лицу с дядей Романа, который стоит в дверях с разъяренным видом.

— Ой, Брандо забежал внутрь в погоне за мячом и опрокинул стол. Мне очень жаль, Леонид. Этого больше не повторится!

Он смотрит на Брандо с отвращением на лице и мотает головой в сторону двери.

— Забирай отсюда это животное, — усмехается он.

Я нагибаюсь, чтобы подобрать мяч с пола, и выбегаю из комнаты.

За моей спиной Леонид бормочет: — Дура.

Улыбаясь, я возвращаюсь в номер Романа.

Оказавшись в своей комнате, я растягиваю губы в ухмылку, беру с кухонного стола пакет с собачьими лакомствами и даю Брандо двойную порцию.

— Хороший мальчик.

Глава 12

Не менее дюжины различных нарядов разбросаны по моей кровати, пока я раздумываю, какой выбрать для сегодняшней выставки. Мне едва удалось вовремя закончить последнюю картину. У Марка чуть не случился сердечный приступ, когда я сказала ему, что мне нужно кое-что изменить в большом парне и что я отправлю его только сегодня утром. Он не менее десяти минут причитал о том, что не сможет включить ее в каталог. Я предпочла, чтобы так и было. Я хочу посмотреть на реакцию Романа, когда он увидит его впервые.

Выбрав черные кожаные брюки и зеленую шелковистую рубашку, я накинула их на стул, оставив остальное на кровати. Все равно я уже давно не сплю в этой комнате. Но все мои вещи здесь, потому что, кроме как спать в кровати Романа, я не планирую переезжать к нему. Ладно, это звучит очень странно, ведь я живу с ним.

— Это так странно, — бормочу я, сажусь за стол и начинаю наносить макияж.

У меня звонит телефон, и я отвечаю на звонок, не глядя на номер.

— Нина, все в порядке?

Если бы я знала, что это моя мама, я бы дала ей немного повисеть. — Да.

— Ты уже несколько недель избегаешь моих звонков.

— Опять же, да. Я не вижу смысла в этом звонке, мама.

Несколько мгновений она молчит, а потом говорит.

— Мы с твоим отцом хотели бы прийти в галерею сегодня вечером. Ты не против?

Я смотрю на свое отражение в зеркале, гадая, правильно ли я ее услышала. Моя мама никогда не приходила на мои выставки. Однажды она сказала, что мое искусство ее пугает.

— Я не уверена, что это хорошая идея, — говорю я наконец.

— Почему?

— Ну, во-первых, эта коллекция довольно мрачная. Я не хочу, чтобы у тебя началась язва желудка. А во-вторых, там будет Роман.

— Да, насчет твоего мужа. Я... Я сожалею о том, что сказала в тот день. Просто... Я очень удивилась и наговорила гадостей. Иногда Нина, тебя трудно понять.

Я закрываю глаза и вздыхаю.

— Мне жаль мама, что я не могу быть таким человеком, каким ты хочешь меня видеть. Тебе было не легко со мной, я знаю это. Но я такая, какая есть. Если ты не можешь смириться с этим и принять мой выбор, всё нормально. Просто не звони мне больше. Однако если ты можешь принять мою жизнь и мой выбор без упреков и ненужных комментариев, ты можешь прийти сегодня вечером.

— Хорошо, дорогая. Мы придем.

Я прервала звонок, но уставилась на телефон в руке. Почему она так внезапно передумала? Я листаю контакты, нахожу номер отца и звоню ему.

— Нина?

— Ты сказал маме, да? — спрашиваю я.

— Да.

— Господи, папа. — Я опускаюсь на стул и закрываю глаза рукой.

— Нина, я должен был сказать ей. Она бы продолжала тебя донимать, поэтому я сказал ей, чтобы она поняла.

— Что поняла?

— Почему ты с этим человеком. Я . . . я рассказал ей, что сделал, и что ты вышла за него, потому что иначе они бы меня убили. Объяснил, что ты должна притворяться.

— Ну, я не притворяюсь.

— Что?

— Я не притворяюсь, папа. Я уже давно не притворяюсь, — вздыхаю я. — Я влюблена в него.

— Нина! Он убийца. Ты с ума сошла?

— Может, и так, но это неважно. Важно то, что ты пойдешь и объяснишь это маме. И если вам двоим это не понравится, я не хочу видеть ни одного из вас сегодня вечером.

Я нажимаю кнопку завершения разговора, бросаю телефон в сумочку и возвращаюсь к макияжу.

Я подхожу ближе к картине и рассматриваю ее. Свет во всей галерее приглушен, лишь один широкий прожектор над каждой картиной освещает пространство. Похоже освещение хорошо работает, учитывая мрачную атмосферу искусства Нины. Я посмотрел большинство работ, когда они еще были у меня дома, но то, что они выставлены таким образом, придает им гораздо более тревожное ощущение.

На картине передо мной изображено зеркальное отражение бледнокожей женщины с длинными темными волосами, прижимающей к груди отрез материала. В пространстве позади нее вырисовываются несколько безликих высоких фигур с вытянутыми руками. Все выполнено в оттенках серого и черного, за исключением платья, которое держит женщина, — оно ярко-зеленого цвета.

Прежде чем перейти к следующей работе, я бросаю взгляд в противоположный угол комнаты, где Нина стоит рядом с невысоким молодым человеком с редкими волосами. Марк, «сутенер». Они что-то обсуждают, и я на несколько мгновений обращаю внимание на язык их тела. Нина поднимает глаза и, заметив, что я смотрю на нее, улыбается. Она что-то говорит Марку и направляется ко мне. Я люблю ее кошачьей грацией, одетая в кожаные штаны, и на высоких каблуках она идет покачивая попой. Для человека, который сказал, что не любит носить каблуки, она справляется с этим довольно хорошо. Эти штуки возмутительны — по крайней мере, пять дюймов в высоту, возможно, больше.

— Итак, что думаешь? — спрашивает она и кивает на картину.

Я беру ее руку, подношу к губам и целую верхушку ее пальцев.

— Они потрясающие, *malysh*.

Она ухмыляется и наклоняется ко мне.

— Ты говоришь так лишь бы затащить меня в свою постель.

— Обычно ты приходишь в мою постель по собственной воле. Но если ты настаиваешь, я могу сам затащить тебя туда сегодня ночью.

— Я настаиваю. — Она смотрит на меня из-под ресниц и прикусывает губу — моя маленькая соблазнительница.

— Если ты и дальше будешь так смотреть на меня, — я беру ее за подбородок и притягиваю к себе, — ты пропустишь свою собственную выставку, Нина.

— Звучит совсем не плохо, *пахан*.

Я обхватываю ее за талию и притягиваю к себе на колени. Нина смеется, обхватывает меня за шею и зарывается пальцами в мои волосы.

— Я забираю тебя, попрощайся и мы едем домой, — говорю я и прижимаюсь своим ртом к ее.

— Не могу, — шепчет она мне в губы, — ты еще не видел большого парня.

Я рычу на нее.

— Серьезно, Роман? — Она снова целует меня. — Теперь звуки животных? Что подумают люди?

— Люди могут идти к черту.

Краем глаза я вижу Сэмюэля Грея, который приближается к нам, настороженно, с женой под руку.

— Твои родители здесь.

Нина смотрит вверх, но не делает ни единого движения, чтобы слезть с моих колен. Вместо этого она продолжает играть с моими волосами, наблюдая за их приближением.

— Мистер Петров, — говорит ее отец, когда они подходят. Ее мать просто кивает, ее взгляд сосредоточен на руке Нины, которая все еще зарыта в моих волосах.

— Просто Роман, пожалуйста, — говорю я и перевожу взгляд на мать Нины. — Итак, что вы думаете о новой работе Нины, Зара?

Она моргает, заметно напрягаясь, затем выдает мне улыбку, настолько фальшивую, что ее можно нарисовать на Барби.

— Очень... мило, — говорит она и смотрит на Нину. — Мы хотели купить одну из твоих картин.

Нина недоуменно смотрит на нее.

— Возможно, что-нибудь без мертвых цыплят. Если можно, — добавляет ее мать.

— Ты можешь выбрать любую, не обязательно покупать, — говорит Нина, все еще глядя на мать с легким замешательством на лице. — Просто выбери то, что тебе нужно, и скажи Салли. Это женщина в красной юбке, вон там, у входа. Все, кроме большой картины в соседней комнате, продаются.

— Мы уже спросили, когда вошли, — вставляет Сэмюэль. — Она сказала, что все картины уже проданы.

— Этого не может быть, мы открылись десять минут назад, — бормочет Нина и смотрит на меня. — Я должна узнать, что происходит.

Она слезает с моих коленей и спешит к женщине на другом конце комнаты.

Я поворачиваюсь к ее матери.

— Выбери то, что вам понравилось, и скажите Салли, что я разрешил.

Зара Грей смотрит на меня с удивлением.

— Ты их купил?

— Конечно, я купил. — Я киваю и смотрю туда, где Нина стоит с куратором. — А ваша жена знает, Сэмюэль?

Он резко вдыхает, а затем произносит придушенное: — Да.

— Хорошо. Но вы должны кое-что знать, — говорю я и поворачиваюсь к ним лицом. — Сделка отменяется, Сэмюэль.

— Отменяется? — Он сглотнул и быстро сцепил свои дрожащие руки перед собой. — Что это значит?

Я смотрю на него, затем перевожу взгляд на мать Нины, которая смотрит на меня с ужасом в глазах.

— Это значит, что я забираю вашу дочь.

Схватив колеса своего кресла, я направляюсь к Нине, оставляя ее родителей стоять с открытыми ртами перед картиной с девочкой в зеленом платье.

— Салли говорит, что анонимный покупатель купил все картины! — говорит Нина, как только я подхожу.

Мне едва удастся сохранить серьезное выражение лица.

— Какой эгоистичный сукин сын.

— Вот именно. — Она кивает. — Хорошо, что я сказала Марку сразу же отметить, что большой парень не продается.

— Почему?

Она загадочно улыбается. — Она для тебя.

Я смотрю на нее, скрежеща зубами. — Где она?

— В другой комнате, за углом, но... куда ты идешь, Роман, подожди!

Я игнорирую ее и продолжаю толкать кресло так быстро в сторону комнаты, которую она указала. Мы договорились, что она не будет делать автопортрет для выставки, и будь я проклят, если собираюсь позволить кому-то увидеть его. Они уберут его немедленно, или я кого-нибудь убью.

— Роман! — Нина стучит каблуками позади меня, пытаясь следовать за мной. — Это не та, где я голая! — кричит она мне вслед.

Внезапно в галерее наступает абсолютная тишина. Я останавливаюсь и поворачиваюсь, чтобы увидеть по меньшей мере пятнадцать человек, включая родителей Нины, которые смотрят на нее потрясёнными лицами.

Она, кажется, не замечает этого и встает передо мной, положив руки на бедра.

— Почему тебе всегда нужно устраивать сцены?

Я приподнимаю брови.

— Ты только что сообщила всей галерее, что есть картина, на которой ты изображена обнаженной, и это я устраиваю сцену?

Она моргает, смотрит через плечо на людей, которые все еще смотрят на нее, и хмыкает. — Упс.

— Да. — Я киваю головой. — Пойдем посмотрим на эту картину, пока я не вышел из себя, потому что там, по крайней мере, десять мужчин представляют тебя без одежды прямо сейчас.

Она смеётся и показывает налево. — Сюда.

Мы поворачиваем за угол и входим в отдельную часть галереи. Она почти такая же большая, как первая, но там выставлена только одна картина. Три прожектора освещают ее сверху. Выставка только что открылась, поэтому здесь всего два человека. Они стоят в стороне, что дает мне возможность видеть композицию без помех.

Как и другие работы Нины, она выполнена в основном в серо-черных тонах, но формы здесь более четкие, более узнаваемые. В нижней части картины груды камней,

зданий и различные обломки. Облака дыма то здесь то там выполнены белой краской. Над центральной кучей обломков возвышается одинокая фигура с огромными дьявольскими рогами. Он также выполнен в черном цвете с оттенками серого, а в правой руке держит огромную кувалду, как будто он находится в середине замаха. Лица фигуры не видно, потому что на нем огромный красный шлем в форме волчьей пасти, а за ним развевается длинный красный плащ. Он великолепен.

— Почему он все крушит? — спрашиваю я, не в силах оторвать взгляд от сцены.

— Потому что он может, я думаю.

— Что это за развалины домов вокруг? Городские руины?

— Не совсем. Это метафора.

— Для чего? — спрашиваю я.

Нина наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

— Для моего бедного слабоумного разума. Или того, что от него осталось после того, как ты так искусно разрушил его, Роман.

Я смотрю на Нину, обдумывая то, что она только что сказала. Мне нужно, чтобы она пояснила, но она просто стоит и смотрит на картину. Я зацепляюсь пальцем за петлю ремня на ее брюках и поворачиваю ее лицом ко мне.

— Объясни.

— Роман, ты умный человек. Подумай об этом, и ты сам придешь к выводу. — Она целует меня, а затем поворачивается к Марку, который машет ей от входа, оставляя меня смотреть на картину передо мной.

Глава 13

— Что-нибудь нашел на записи из комнаты Леонида? — спрашиваю я и включаю миксер.

Я решила приготовить нам на ужин *piroshki*. Роман сказал, что я пытаюсь его откормить. Как будто это может произойти с его графиком тренировок. Однажды утром я пошла в спортзал и застала его за подтягиваниями, и это было то еще зрелище. У этого человека пресс с шестью кубиками, которого, как я считала, можно добиться только с помощью фотошопа. После этого я стала вставать в семь часов, чтобы успеть в спортзал к восьми, и пить свой утренний кофе, наблюдая за ним. С тех пор как начала заниматься, ему редко удается закончить всю тренировку, потому что обычно я тащу его в спальню. Ну что я могу сказать? Я возбуждаюсь, глядя, как он тренируется. Он не жалуется, так что, думаю, не против, что я краду у него время.

Последние две недели Роман был в плохом настроении, и я уверена, что это связано с тем, что он не получил то, что хотел на этих записях. Я не спрашивала, что конкретно он хотел найти, но у меня были подозрения.

Я чувствую прикосновение губ к затылку, а затем поцелуй в плечо.

— Все еще ничего.

— Ты уверен, что это твой дядя пытался убить тебя? — спрашиваю я, и его пальцы замирают на моей шее. — Не так уж трудно было догадаться, Роман.

— Да. Именно поэтому я не хочу, чтобы ты приближалась к нему, пока меня нет рядом с тобой.

— Что он сделает мне? Я... никто.

Я хотела сказать: «Меня все равно не будет через несколько месяцев», но не смогла заставить себя произнести эти слова. Мне чертовски больно думать об этом, поэтому я стараюсь не думать. Я исключительно хорошо умею игнорировать то, что мне неприятно.

— Ты моя жена. Причинить тебе боль — значит причинить боль мне.

Да. Полагаю, что убийство жены *пахана* у него под носом не будет красивой картиной в глазах его партнеров и подчиненных.

— Я буду осторожен.

— Хорошо. — Он снова целует мое плечо. — Оставь эту штуку в холодильнике. Переоденься. Я отвезу тебя в «Урал».

— На гору?

— В один из моих клубов.

— В один из ...? — Я смотрю на него и смеюсь. — Дружок, я просто молодец. Такая меркантильная. Моя мама будет очень рада, когда услышит.

— Почему?

— Она всегда советовала мне, помимо всего прочего, удачно выйти замуж. Думаю, я могу вычеркнуть это из списка.

— И что же это за прочие.

— Получить степень по экономике. Не грызть ногти. Покрасить волосы в светлый цвет.

— Ты не тронешь свои волосы.

— Не любишь блондинок?

— Уже нет. — Он наклоняется, пока носом не касается моего. — Иди переоденься.

— В черное платье?

— Нет, если хочешь покинуть это место, Нина.

* * *

Обычно, я трачу не более тридцати минут на подготовку. Однако сегодня я решила не медлить и потратила еще пятнадцать минут на нанесение макияжа. Я хочу выглядеть как можно лучше на случай, если мы столкнемся с одной из бывших Романа. Тщеславно, я знаю, но мне все равно.

Я нахожу Романа на кухне. Он опирается на стойку, опираясь на костыль в левой руке, а в другой держит стакан с виски.

Его ноге становится лучше. Он давно не пользуется инвалидным креслом, пока находится в комнате. Хотя я до сих пор не видела, чтобы он использовал трость. Знаю, что он пытается, но, когда попросила посмотреть, он сказал, что не хочет, чтобы я видела, как он ковыляет. Это глупо, но я не даю.

Я разглядываю его с ног до головы, любуюсь, как сексуально он выглядит в черных брюках и черной рубашке, которая прилегает к его телу самым греховным образом.

— Боже мой, кто-то сегодня выглядит сексуально. — Я кладу руки ему на грудь и поправляю рубашку. — Где твоя инвалидная коляска?

— Сегодня без инвалидного кресла.

Мои глаза расширяются от его слов. — Ты уверен?

— Уверен.

Я пишу от восторга и целую его.

— Я так рада за тебя, детка. — Я убираю прядь волос с его лба. — Парни просто обалдеют, когда увидят тебя!

* * *

Ольга видит Романа первой, и выражение ее лица бесценно. Она находится в другом конце коридора перед дверью Ивана, когда слышит наше появление. Ее глаза выпучиваются, и стопка отжатых полотенец, которые она несет в руках, падает на пол.

Я подавляю улыбку, стараясь сохранить непринужденное выражение лица, и следую за Романом в лифт. Его походка значительно улучшилась с тех пор, как он перешел на новые костыли. Она почти нормальная. Может быть, немного медленнее, чем до аварии, но это неважно. Я видела, как выглядит его колено. Это чудо, что он так далеко зашел.

Когда мы выходим из лифта, Иван и один из охранников идут со стороны кухни. Полагаю, они идут с нами сегодня вечером. Они видят Романа и замирают на середине шага. Иван приходит в себя первым и подходит к нам.

— *Пахан*. Нина Петрова. — Он кивает и идет открывать дверь.

Боковым зрением я замечаю Валентину, выглядывающую из-за угла на другой стороне коридора; ее рот открыт. Нет сомнений, что к нашему возвращению все уже будут знать новости.

* * *

Клуб больше, чем я ожидала, он занимает весь первый этаж трехэтажного стеклянного здания. Кажется, что мы приехали слишком рано, потому что снаружи нас ждут всего несколько человек; однако, когда вышибалы открывают перед нами двойные стеклянные двери и мы входим, я с удивлением вижу, что внутри собралась значительная толпа. Большинство людей собрались вокруг высоких столов, расположенных по бокам помещения. Я ожидаю, что мы сами остановимся за одним из них, но мы пересекаем огромное помещение к другим дверям. Двое мужчин стоят по обе стороны, и они открывают их, как только подходим ближе. Нас встречают так же, как и при входе.

— *Пахан*, — говорят они, кивая Роману, а затем мне. — Миссис Петрова.

Меня немного смущает их поведение, потому что я не ожидала, что кто-то знает о моем существовании.

Второе помещение меньше, но оно гораздо более роскошное. Вместо высоких столов по всему периметру комнаты расположены пять полукруглых кабинок: две поменьше с каждой стороны и одна огромная, на которой, наверное, могут разместиться десять человек, в центре небольшой приподнятой платформы. Иван, который все это время шел впереди нас, подходит к большой кабинке и встает с правой стороны, сцепив руки за спиной. На секунду я задумываюсь, как Роман сделает два шага на платформу, но он справляется без проблем. Он поворачивается и протягивает мне руку, и я делаю шаг за ним. Парень из службы безопасности присоединяется к нам с левой стороны кабинки, занимая ту же позицию, что и Иван.

— Я чувствую себя странно, — шепчу я, садясь рядом с Романом в центре кабинки.

- Почему ты шепчешь?
 — Не знаю, — снова шепчу я. — Почему все смотрят на нас?
 — Какая разница, — говорит он, берет меня за подбородок и целует.

К Ивану подходит мужчина и что-то говорит ему на ухо. Он выглядит знакомым, возможно, один из людей Павла. Иван кивает и смотрит на меня, но, когда я качаю головой, он отсылает его. Я не в настроении заниматься делами сегодня вечером, он может передать сообщение Павлу.

Нина сидит, прижавшись к моему боку, с бокалом вина в руке, наблюдая за толпой. Она болтала без умолку с тех пор, как мы вошли, но несколько минут назад замолчала. Мне интересно, о чем она думает. Она озадачивает меня, маленькая, странная женщина, которая кусочек за кусочком западает мне в душу, с того момента, как впервые увидел ее в том захолустном ресторана. Интересно, что будет, когда пройдет полгода, и она поймет, что я не намерен ее отпускать. Никогда.

Я поднимаю руку, чтобы провести по линии ее обнаженного плеча, а затем опускаю ее к хрупкому запястью. Моя Нина выглядит такой хрупкой, но внешность может быть обманчива.

— Потанцуй со мной, — шепчу я ей на ухо.

Она наклоняет голову, и эти черные глаза смотрят прямо на меня, в них виден вопрос. Она, должно быть, задается вопросом, как, черт возьми, она собирается танцевать с человеком, который даже не может нормально ходить, но она не спрашивает, как я и думал.

— Хорошо. — Она улыбается.

— Дай мне свою ногу.

Изогнув бровь, она поворачивается ко мне, смыкает ноги и кладет свою правую ногу мне в руку. Медленно, я снимаю ее каблук и кладу его на сиденье по другую сторону от меня, затем отпускаю ее лодыжку.

— Левую.

— Тебе нужно получить консультацию, Роман. Этот фетиш- ног выходит из-под контроля. — Она смеется и меняет ноги, а я повторяю действие с другой.

Я беру один костыль, встаю и беру ее руку в свою.

— Вставай, *malysh*. На сиденье.

Со смехом она, забирается на сиденье кабинки и обнимает меня за шею. Я улыбаюсь. Даже стоя, она едва ли на дюйм выше меня.

— Мне нравится такая расстановка. — Она целует меня. — С этого момента я буду везде носить с собой табуретку.

Я кладу руку ей на спину и прижимаюсь к ее шее. Она вздыхает и зарывается пальцами в мои волосы, и мы продолжаем стоять так, пока вокруг нас разносятся звуки медленной мелодии.

Я не люблю стоять спиной к толпе. Я очень хочу, чтобы весь зал был в поле моего зрения, но, видимо, мне придется положиться на Ивана и Колю, которые будут прикрывать мне спину. И мне нравится держать Нину вот так, когда мое тело нарушает обзор для других мужчин, которых я видел, глазели на нее.

— Как нога? — шепчет она мне на ухо.

— Нормально. Не волнуйся.

— Роман?

— Да?

— Мне нужно признаться.

Я целую ее плечо. — В чем-то плохом?

— Ага. Это... ну, это своего рода проблема. Большая.

— Выкладывай, Нина.

Она молчит несколько мгновений, а затем пятью короткими словами заставляет мой мир перевернуться вокруг своей оси.

— Я влюблена в тебя, Роман.

Я на секунду закрываю глаза и крепко сжимаю ее. Как будто все вокруг меня остановилось.

— Тогда у нас одна и та же проблема, *malysh*, — говорю я ей в шею и чувствую, как она затихает рядом со мной.

Когда я поднимаю голову и смотрю на нее, ее губы слегка дрожат, а в уголках глаз стоят слезы.

— Та шестимесячная сделка? Она отменяется, Нина, — говорю я и сжимаю ее талию. — Мне все равно, о чем мы договорились. Теперь ты моя, и я тебя не отпущу. Никогда.

Я беру лицо Романа в ладони заглядываю в его глаза, которые смотрят в мои с такой любовью.

— Я никуда не уйду, Роман.

— Обещай мне. — Он прижимает меня к себе, и на мгновение мне становится трудно дышать. — Обещай мне, или я отвезу тебя домой и привяжу к кровати, пока ты не скажешь это.

— Я обещаю. — Я провожу пальцем по его челюсти. — Может, сядем обратно?

— Нет, — рывкает он.

— Лаадно. Почему нет? — спрашиваю я, но он только стискивает зубы и ничего не говорит. — Роман, что-то не так?

— Здесь есть мужчины.

— Это клуб. Конечно, тут есть мужчины.

— Они на тебя глазели.

Я звонко смеюсь, но он еще больше скрежещет зубами.

— Ты смеешься?

— Ты видишь, чтобы я смеялся, Нина?

Он серьезен.

— Роман, ты ведешь себя неразумно. Я с тобой, разве нет? — Я целую его твердые губы. — Они могут смотреть, но это все, что они получают. — Еще один поцелуй, на этот раз в бровь. — Это улучшает ситуацию?

— Незначительно.

Я понятия не имею, что на него нашло, но я не позволю ему простоять так всю ночь. Ему нужен отдых с ногой. Я вздыхаю и снова целую его. — Пойдем домой, детка.

* * *

Наша машина останавливается перед домом одновременно с другой, и Леонид выходит с заднего сиденья. Он поворачивается к нам, его взгляд устремляется на Романа, который стоит рядом со мной. Темно, но света от ламп достаточно, чтобы осветить потрясенное лицо Леонида, на котором отчетливо видно чистая ненависть. Он быстро меняет выражение лица на приятное и подходит к нам.

— Ну, какое неожиданное развитие событий. Я так рад видеть, что ты встал на ноги, Роман. Буквально.

— Правда, дядя? — Роман кривовато ухмыляется. Его поза расслаблена, но я не упускаю из виду, как он держит свои костыли. Несмотря на то, как сильно болит его нога, он отлично притворяется.

— Роман, я устала. Мы можем, пожалуйста, подняться? — говорю я, затем поворачиваюсь к Леониду и мило улыбаюсь. — Мне нужно перед сном нанести маску на лицо, а на это уходит не меньше часа.

Леонид бросает на меня снисходительный взгляд, затем поворачивается и идет в дом. Мы следуем за ним в гораздо более медленном темпе.

Как только дверь номера закрывается за нами, я поворачиваюсь к Роману и указываю в сторону его спальни.

— В кровать. Сейчас же, Роман.

Он не спорит со мной, что является достаточным доказательством того, что он испытывает сильную боль.

Я снимаю каблуки и спешу на кухню, чтобы взять его обезболивающее и стакан воды и отнести их в спальню Романа. Он подходит к кровати и с придушенным стоном садится. В мучительно замедленном темпе он поднимает правую ногу на кровать и тянется к бутылочке с лекарством в моей руке. Проглотив две таблетки, он начинает расстегивать рубашку.

— Позволь мне, — говорю я и берусь за дело.

Он молча наблюдает за мной, затем стягивает рубашку и ложится на кровать. Когда начинаю расстегивать его ремень, он накрывает мою руку, качает головой.

— Прости, *malysh*. Не сегодня.

— Господи, я не собираюсь заниматься с тобой сексом. Мне просто нужно осмотреть твою ногу.

— Просто забудь. Все пройдет.

Я игнорирую его и продолжаю снимать с него штаны. Даже когда я изо всех сил стараюсь быть нежной, он несколько раз шипит от боли. Наконец, когда мне удастся рассмотреть его колено, я делаю резкий вдох. Его колено распухло вдвое больше обычного размера.

— Черт, Роман.

Я хватаю подушку и осторожно подкладываю ее под его ногу, стараясь как можно меньше двигать ее. Сделав это, я снимаю свою одежду, надеваю одну из футболок Романа и забираюсь на кровать, чтобы лечь рядом с ним. Накрыв нас обоим одеялом, я прижимаюсь к Роману и кладу руку на его голую грудь.

— Нина, мне нужно тебя кое о чем спросить.

То, как он говорит это, странным, каким-то отстраненным тоном, заставляет меня поднять глаза и увидеть, что он смотрит в потолок, его лицо напряжено.

— Спрашивай, — говорю я.

— Если окажется, что костыли — это лучшее, что я могу сделать, ты уйдешь? —

Я открываю рот, чтобы сказать, насколько идиотским является этот вопрос, но он закрывает рукой мои губы, заставляя меня замолчать. Он все еще не смотрит на меня.

— Мне нужно, чтобы ты подумала об этом, прежде чем ответить. Долго и упорно подумай о том, что это значит. Я никогда не смогу бегать, независимо от того, как сильно я продвинусь. Лестницы всегда будут для меня проблемой. Возможно, тебя это пока устраивает, но ты еще молода. Ты встретишь других мужчин, которые не... повреждены. Мужчин, у которых нет ограничений. Так что, если я застряну с костылями до конца жизни, и если это не то, что ты можешь принять в долгосрочной перспективе, я пойму. Клянусь, пойму, и с моей стороны не будет никаких обид. Но если это так, мне нужно знать это сейчас. Мы можем продолжать, пока это нам подходит, а когда это закончится ... ну, мы можем идти каждый своей дорогой. Но мне нужно знать. И мне нужно, чтобы ты была уверена, Нина.

Роман убирает руку с моего рта. Я пытаюсь смириться с тем, что он может считать меня такой поверхностной, но потом смотрю на это с его точки зрения, как бы я себя чувствовала, если бы наши роли поменялись местами, и понимаю.

— Ты когда-нибудь чувствовал, что у меня с этим проблемы, Роман? До сих пор, я имею в виду.

— Нет. Но ты чрезвычайно талантливая актриса, *malysh*. И с этого момента мне не нужна та другая женщина, которую ты создала для целей нашего соглашения. Больше никакого актерства, никакого притворства.

— Значит поговорим на чистоту. Хорошо. — Я делаю вдох. — Я бы хотела увидеть, как ты поднимаешься по лестнице или избегаешь по две ступеньки за раз. Трость — тоже не плохо, и думаю, что буду очень рада, если ты будешь с ней ходить.

Я знаю, что каждое мое слово причиняет ему боль, потому что чувствую, как он становится неподвижным, что это пугает. Боже, я ненавижу говорить все это, но нам нужно решить этот вопрос раз и навсегда.

— Если бы я могла выбирать, то больше всего я бы хотела, чтобы ты стал таким, каким был до той бомбы.

Он все еще смотрит прямо до последнего предложения, но, услышав это, закрывает глаза.

— Но этого никогда не случится, Роман. Я знаю, что это тяжело для тебя, и это разрывает мне сердце. Я бы хотела видеть тебя без костылей, но только потому, что это сделает тебя счастливым. Это единственная причина. Я люблю тебя, и я хочу, чтобы ты был счастлив. Я очень хочу этого для тебя, так сильно. — Я беру его лицо в ладони и заставляю посмотреть на меня. — Насколько, что для меня это не важно. С костылями или без них, я люблю тебя одинаково, детка. Даже если тебе придется вернуться в инвалидное кресло. Мне все равно. Мне плевать, Роман. Единственное, чего я хочу, это тебя. Могу я получить тебя, пожалуйста?

— У тебя уже есть я, *malysh*. — Он целует меня в макушку.

После этого наступает тишина. Он не убежден. Мне чертовски хочется плакать, но мне как-то удается держать себя в руках.

— Скажи мне, Роман, разве ты не хотел бы, чтобы мы могли заниматься сексом обычным способом? Потому что я бы хотела. Я бы не хотела ничего больше, чем тебя над собой, чувствовать, как твое тело прижимается к моему, тянет мои руки над головой. Ну, это не в моих силах, по крайней мере, в обозримом будущем. Может быть, навсегда. Это проблема? Тебе наскучат мои проблемы, и ты решишь в какой-то момент поменять меня на менее дефектную версию? Женщину, которая не будет произвольно вздрагивать, когда ты подойдешь к ней со спины без предупреждения? Или на ту, у которой не будет приступа паники, когда ты забудешься и схватишь ее за запястье вместо предплечья?

— Ты думаешь, я не замечаю, что с нами всегда идет Дмитрий или Иван, а не Костя, Михаил или Сергей, которые такого же роста, как ты? Или как они либо садятся, либо выходят из комнаты, когда я вхожу? Когда я зашла на кухню через несколько дней после того, как Костю зарезали, он так резко сел на стул, что удивительно, как у него не разошлись швы. Ты скорее всего проинструктировал своих людей, чтобы они садились, когда я вхожу в комнату, чтобы я не испугалась. Я уверена, что это утомительно и неприятно, иметь дело с моими проблемами. Может, ты решишь когда-нибудь заменить меня кем-нибудь менее подпорченной?

— Господи, Нина. — Он смотрит на меня в шоке. — Как ты можешь говорить такое?

— Ой, тебе не нравится, такое слышат, да? Ну, пошел ты, Роман, — шепчу я, поворачиваясь лицом к его груди и позволяю слезам свободно падать.

Я чувствую его руку в моих волосах, а другую на моей талии, и в следующее мгновение я лежу на нем. Он убирает пряди волос, прилипшие к моему заплаканному лицу, и утирает слезы большими пальцами.

— Мне так жаль, *milaya*. Это просто... Я так чертовски сильно тебя люблю. Я до смерти боюсь, что однажды ты можешь уйти.

Я стискивая зубы.

— Дай мне свою руку.

Он приподнимает бровь, но делает, как прошу.

Я веду его руку вниз между нашими телами, пока она не оказывается между моих ног, и нажимаю его пальцами на мои влажные трусики.

— Ты чувствуешь это, Роман? Вот, что ты делаешь со мной, когда рядом. Я так без ума от тебя, детка, что просто от близости с тобой я становлюсь мокрой, — шепчу я и чувствую, как он напрягается подо мной.

Медленно, он засовывает палец в пояс моих трусиков и начинает стягивать их вниз.

— Снимай, — рычит он.

— Роман, нет...

Он запускает в них вторую руку, и раздается резкий звук рвущейся ткани. Я все еще ошеломлена тем фактом, что он только что сорвал с меня трусики, когда он спускает свои боксеры, хватая меня за талию и одним движением скользит в меня. Ощущения настолько приятные, что глаза закатываются, а мышцы начинают спазмы вокруг его члена.

— Моя, — произносит он и входит в меня. — Только моя. Скажи это.

— Только твоя, детка.

Еще один толчок, и я кончаю. Дрожь охватывает мое тело. Роман стонет подо мной, глубоко входит в меня, и я чувствую, как его семя заполняет меня. Все еще не

оправившись от кайфа, я падаю ему на грудь. Это был самый умопомрачительный самый быстрый секс, который я когда-либо испытывала.

Роман обхватывает меня сзади, прижимая к себе, и целуют мою макушку.

— Так ты остаешься навсегда? — шепчет он.

— Ты не избавишься от меня, даже если попытаешься. Я ни за что не смогу снова найти такого сексуального мужа. — Я улыбаюсь и целую его. — Мы закрываем эту тему, Роман. Договорились?

— Договорились. Но я хочу, чтобы ты знала одно. Когда я найду того ублюдка, который причинил тебе боль, я убью его.

— Нет, не убьешь. — Я сжимаю его руку. — Я не хочу, чтобы на моей совести была чья-то смерть, поэтому прошу тебя, умоляю, забудь об этом.

— Нина...

— Пожалуйста, мы закрываем и эту тему. Ты никого не убьешь ради меня. Я не смогу с этим жить. Пожалуйста.

Когда он не отвечает, я беру его лицо в свои ладони и прижимаюсь лбом к его лбу.

— Ты не сделаешь этого со мной. Ты не будешь искать его и не убьешь его. Если ты любишь меня, ты не заставишь меня нести на своей душе ничью смерть. Скажи, что ты понял, Роман.

Наступает тишина, а потом:

— Хорошо.

Глава 14

На следующее утро колено болело уже не так сильно, но, когда нагружаю правую ногу адски болит. После завтрака я бросаю костыли и сажусь в инвалидное кресло. Я не пользовался им несколько недель, и не горю желание им пользоваться, но придётся, поскольку не хочу рисковать повредить колено еще больше. Возможно, Нина не против костылей, но я против. Чего бы мне это ни стоило, я доберусь до этой чертовой трости, потому что хочу держать ее руку в своей, когда поведу ее на ужин или даже просто на прогулку.

— Я иду вниз. Игорь учит меня готовить *borsch*. — Нина улыбается и целует меня. — Хочешь, я принесу обед, когда вернусь?

— Да, я буду работать отсюда. И скажи этому жирдяю, что если он еще раз посмеет повысить голос на мою жену, то ему конец.

— Не будь людоедом, Роман.

Я смотрю, как она уходит, затем иду в свою спальню и включаю ноутбук. Вызываю аудиопрограмму, нахожу запись из комнаты Леонида и включаю запись примерно в тот момент, когда мы вернулись прошлой ночью.

Была конкретная причина, по которой я скрывал то, что моя нога исцеляется. Я был почти уверен, что, увидев, что я снова хожу, Леонид попытается что-то сделать, и я

хотел поймать его и его партнера до этого. Прошло почти пять месяцев, и поскольку мне не удалось выяснить, кто этот ублюдок, пришлось время подтолкнуть Леонида к действию. Судя по тому, как он смотрел на меня прошлой ночью, у меня возникло ощущение, что меня ждет приятный сюрприз.

В середине записи я, наконец, нахожу то, что ищу. Леонид кому-то звонит, и поскольку метка времени в углу экрана показывает два часа ночи, я уверена, что это не деловой звонок. Но что меня удивляет, так это человек, который отвечает.

— Нам нужно попробовать еще раз. Этот ублюдок ходит, — говорит Леонид.

— Хм. Я уже не уверен, что это мне подходит, Леонид, — отвечает Тануш.

— Ты не можешь сейчас передумать!

— Конечно, могу. Я действовал импульсивно. Я был зол, потому что Петров отверг мою дочь, и я хотел заставить его заплатить. Но он зарабатывает мне хорошие деньги.

— Тануш, мы договорились. Ты помогаешь мне убрать его, а я гарантирую, что ты получишь лучшую долю, когда я приду на смену.

— Видишь ли, в чем дело, Леонид. Даже если ты дашь мне большую долю, я сомневаюсь, что ты сможешь поддерживать бизнес. Я решил, что не хочу рисковать. Я выхожу.

Линия разрывается.

Я откидываюсь в кресле, беру телефон и звоню Максиму.

— Где Леонид?

— Он вышел. Я слышал, как он сказал Валентине, чтобы она принесла ему ужин в пять.

— В этом нет необходимости. Я хочу, чтобы все ушли с верхнего этажа после четырех. И я имею в виду всех. Никто не поднимется, пока я не скажу.

На той стороне тишина, вероятно, Максим соединяет точки.

— Я прослежу, чтобы это было сделано. А что с Ниной?

— Мне нужно, чтобы ее не было дома. Дочь Душку выходит замуж, и он пригласил нас. Я пошлю ее в магазин за подарком. Скажи Дмитрию, чтобы он отправил с ней Ивана. Они не должны возвращаться ни при каких обстоятельствах до моего звонка. Мне все равно, что он должен сделать, чтобы отвлечь ее, но она не вернется сюда, пока я не закончу. Это ясно?

— Да, пахан.

* * *

Приходится убеждать, но мне удастся отослать Нину около четырех. Она была настроена, чтобы мы поужинали вместе, но уступила, когда я сказал, что у меня слишком много работы.

Я захожу в гардеробную и беру пистолет. Проверив его, беру костыли и направляюсь в комнату Леонида. Сажусь в кресло в углу, прямо напротив двери, кладу пистолет на журнальный столик и жду.

Где-то около пяти Леонид входит в комнату. Увидев меня, он вскидывает брови, но быстро берет себя в руки.

— Что-то случилось?

— Закрой дверь, Леонид.

— Роман?

— Дверь, — говорю я.

Он делает, что ему сказали, и начинает идти ко мне, когда замечает пистолет на столе. Он замирает, широко раскрыв глаза, затем поворачивается, чтобы убежать. Я беру пистолет и, целясь в его правое колено, стреляю.

Звук взрывается в комнате, за ним следует крик Леонида. Он падает на пол на бок и начинает выть, сжимая окровавленную ногу.

— Если ты хотел занять мое место, ты должен был убедиться, что я мертв, Леонид.

— Ублюдок, — усмехается он сквозь зубы, слюна летит во все стороны. — Я убью тебя!

С криком он бросается в мою сторону, его руки подняты, как у сумасшедшего. Я целюсь ему в голову и выпускаю пулю. Его тело рушится на пол, кровь затекает вокруг головы.

— У тебя был шанс, дядя, — говорю я его лежащему телу.

Я встаю и начинаю идти к двери, когда у Леонида звонит телефон. Я думаю проигнорировать его, но затем наклоняюсь и тянусь к нему, в то время как мое колено кричит от боли. На экране высвечивается неизвестный номер. Я отвечаю на звонок.

— Я нашел ее, — говорит голос с другой стороны. — Подготовьте денежный перевод.

Звонок прерывается.

— Вы уверены? — Я смотрю на вазу, которую держу в руках. — Она ужасна. Я уверена, что им понравится, а эта уже стоит больше, чем машина.

— *Пахан* сказал, что это должно быть что-то дорогое. — Иван пожимает плечами и встает позади меня.

— Я спрошу, есть ли у них вазы побольше. — Я поворачиваюсь к продавцу-консультанту.

Чувствую себя ошеломленной всеми этими причудливыми предметами декора, выставленными вокруг меня. Нервничаю, зная, что на самом дешевом здесь предмете висит ценник как минимум тремя нулями. Были гораздо более подходящие вещи, которые можно было бы принести в качестве свадебного подарка, но Роман почему-то настоял, чтобы я проделала весь путь через Чикаго и выбрала что-то именно в этом магазине. Здесь все настолько перегружено, включая золотые люстры и копии Давида в натуральную величину. Это заставляет меня вздрогнуть. У некоторых людей действительно странный вкус.

Я прохожу мимо высокой стеклянной витрины с набором хрустальных бокалов, когда слышу звук, пронзающий воздух. Витрина разбивается и падает на пол, миллион крошечных стеклянных осколков разлетаются повсюду. Люди начинают кричать. Руки хватают меня за талию и тянут на пол. В следующее мгновение Иван нависает надо мной, увлекая меня к задней части магазина. Раздается еще один выстрел, и я спотыкаюсь, протягивая руку, чтобы не упасть на пол головой вперед. Боль пронзает мою ладонь. Обхватив меня за плечо, Иван продолжает тащить меня к запасному выходу, одновременно крича в телефон, который он держит в другой руке.

Мы вырываемся через запасной выход на заднюю аллею в тот же момент, когда из-за угла появляется машина. Шины визжат, когда машина резко останавливается. Иван

толкает меня обратно в дверной проем, лезет в куртку и достает пистолет. Я слышу два выстрела почти одновременно.

— Оставайся там, — говорит он через плечо и уходит из поля моего зрения.

Через несколько секунд я слышу еще один выстрел. Я понятия не имею, что происходит. Это случайная стрельба или кто-то пытается нас убить? Должна ли я оставаться здесь или вернуться в помещение? Может, мне выйти и поискать Ивана? Мне так страшно, что не уверена, что смогу двинуться с места, даже если бы знала, куда идти.

Я смотрю вниз на свою левую руку, где большой кусок стекла наполовину утоплен в моей ладони, вокруг него запеклась кровь. Это чертовски больно.

Шаги приближаются из переулка, быстро, поэтому я делаю глубокий вдох и жду, кто это будет.

Иван появляется в поле моего зрения, хватая меня за руку и увлекает за собой по улице. Я бросаю взгляд через плечо и вижу машину. Водительская дверь широко открыта, и на земле лежит неподвижная фигура. Где-то вдалеке были сирены, но звук приближается.

Мои шаги замедляются, но Иван продолжает тащить меня по улице, а затем за угол к стоянке, где он припарковал нашу машину.

Иван открывает дверь и уже затаскивает меня внутрь, когда видит мою руку и шипит.

— Нина Петрова! Боже правый, почему вы ничего не сказали?

— Не похоже, чтобы там было что-то важное, — говорю я и поднимаю руку. — Как ты думаешь, тот врач, который подлатал Костю, сделал бы то же самое для меня?

Иван поднимает голову и смотрит на меня округлившимися глазами, затем качает головой и бормочет что-то по-русски.

— Мы едем в больницу. Если мы этого не сделаем, *Пахан* будет недоволен.

— Думаю, нам не стоит его злить. Твой *пахан* в последнее время какой-то раздражительный. Лучше пойдём.

Иван фыркает, помогает мне забраться в машину, и мы уезжаем.

— Роман, произошла перестрелка.

Я смотрю на Дмитрия и клянусь, что мое сердце перестает биться, когда в голове проносится звонок, сделанный ранее. Нет. Я хватаю его за горло и приближаю свое лицо к его.

— Где моя жена? — сквозь стиснутые зубы процедил я, изо всех сил стараясь не сломать ему шею.

— Мы не знаем. Иван позвонил и сказал, что кто-то начал стрелять, когда они были в магазине, и что он ее вытаскивает. Это было пятнадцать минут назад. Я не могу до него дозвониться; с тех пор он не берет трубку.

— Остальные?

— Только Иван. Я поручил двум сотрудникам охраны поехать с ними, но Нина Петрова сказала, что не хочет, чтобы они были с ней.

Я стискиваю зубы и сжимаю шею Дмитрия, пока он не начинает краснеть.

— Если хоть один волос упадет с ее головы, будет много покойников, — выдохнула я. — И самым первым окажется мой начальник охраны, который отправил мою жену в сопровождении только одного человека. Ты понял, Дмитрий?

— Да, пахан.

— Хорошо. А теперь найди мне гребаную машину.

Повязка, прививка от столбняка и бутылочка антибиотиков. Вот что я получила. Даже швы не наложили. Медсестра сказала, что мне повезло.

Я смотрю вверх, пытаюсь найти Ивана. Надеюсь, он скоро придет, и мы сможем уже вернуться домой.

Раздается стук, дверь открывается, и со стороны прихожей доносятся повышенные голоса. Я думаю, не везут ли они кого-то серьезно раненого, потому что крики особенно громкие. И тут я слышу рокошующий голос Романа.

— Где моя жена?

Черт. Я надеялась, что мы успеем вернуться в дом до того, как он узнает, что произошло.

— Что там происходит? — Медсестра, которая собирала свои принадлежности, пробормотала и посмотрела в сторону звука голосов.

— Ааа, это мой муж. — Я одаиваю ее невинной улыбкой, спрыгиваю с каталки и выбегаю из палаты.

Когда добегаю до приемного покоя, я вижу Романа, возвышающегося над лысым служащим средних лет, который пытается что-то напечатать на клавиатуре. Его руки так сильно дрожат, что он не может попасть в нужные кнопки. Единственный другой человек в радиусе десяти футов — Дмитрий. Еще несколько человек стоят у стены, держась на безопасном расстоянии. Иван входит из другого коридора и останавливается на месте, увидев Романа в ярости.

— Роман? — говорю я.

Он поворачивает голову в мою сторону, и глубоко вздыхает, наблюдая за моим приближением. Его взгляд медленно перемещается от моей макушки к кончикам пальцев ног, выглядывающих из-под каблучков, а затем снова вверх. Только после этого он выдыхает.

Он обхватывает меня за талию и прижимает меня к себе.

— Ты больше никогда не выйдешь из дома без меня, — шепчет он мне на ухо. — Никогда.

Я хочу сказать ему, какая это чушь, но потом передумываю. Его тело странно напряжено рядом с моим, и я замечаю, что его рука на моей талии слегка подрагивает. Он действительно злится.

— Ладно, детка. Как скажешь. Пойдем домой, да?

Роман кивает, передает свой правый костыль Дмитрию, берет меня за руку и начинает идти к выходу. Я смотрю на наши соединенные руки, но быстро поднимаю взгляд и сосредотачиваюсь на машине, припаркованной на некотором расстоянии. На глаза наворачиваются слезы счастья, и я подстраиваю свой темп под темп Романа.

Глава 15

— Где Леонид? — спрашиваю Романа во время завтрака. — Я не видела его две недели, а вчера вечером видела, как ребята выносили его вещи.

— Он ушел. — Он протягивает руку и берет свой апельсиновый сок.

— Ушел, как будто он здесь больше не живет?

— Можно и так сказать.

— Роман?

— Да, *malysh*? — Он смотрит на меня и засовывает вилку с яичницей в рот.

— Ты убил его?

— Конечно, убил.

Я подавилась куском хлеба, и потянулась за водой.

— Не нужно говорить мне такое во время завтрака, Роман.

— Ты сама спросила. Он первым пытался меня убить.

— Значит, это нормально?

— Он планировал повторить. Теперь тебе будет легче?

— Наверное. — Я думаю о повторной попытке Леонида снова убить Романа, и прихожу к выводу, что, наверное, убила бы его сама. — Да. Никто не останется безнаказанным при попытке убить моего мужа. Ты сделал правильный выбор.

— Я рад, что ты это одобряешь.

— Я не одобряю убийство людей. Я просто... Я могу жить с этим в данном случае.

— У тебя очень странные взгляды, Нина.

— Поскольку я живу в твоём странном мире, думаю, это уместно. — Я смотрю на часы и вскакиваю со стула. — Мы опоздаем на эту свадьбу.

— Что ты решила надеть?

Я озорно улыбаюсь, беру в кулак его рубашку и притягиваю его к себе.

— Тебе придется подождать и посмотреть.

Я целую его и начинаю отстраняться, но он хватается за талию и притягивает в свои объятия.

— Если ты будешь играть с огнем, мой маленький цветочек, — говорит он мне на ухо, пока его руки обхватывают пояс моих джинсов и начинают их стягивать, — то можешь обжечься.

— Мы опоздаем.

— Думаешь, мне не все равно?

Нет. И мне тоже. — Насколько прочны эти стулья?

— Сейчас узнаем.

Пока он снимает свои треники, я снимаю джинсы и нижнее белье и забираюсь к нему на колени.

Мои ноги слишком коротки и болтаются в воздухе по обе стороны. Даже когда я вытягиваюсь, я не могу коснуться земли пальцами ног.

— Я не думаю, что это сработает, Роман.

Он смотрит вниз, не в силах подавить смех.

— Господи, Нина. Ты такая крошечная.

— Может, нам перебраться на кровать?

Роман наклоняет голову в сторону и, откинувшись на стуле, хватая меня за талию, а его губы кривятся в самодовольной улыбке. — Нет.

Мои глаза расширяются, когда он поднимает меня и располагает над твердым членом, а затем опускает меня на него. Я ахаю и сжимаю его плечи, наслаждаясь тем, как он постепенно заполняет меня. Стон срывается с губ, когда чувствую, что он полностью вошел. Роман опускает руки под мои бедра, и приподнимает меня, а затем опускает вниз, проникая в меня снова и снова, пока я стону и крепко прижимаюсь к нему. Я не уверена, что возбуждает меня больше: то, как его член скользит во мне или легкость, с которой он управляет моим телом, как будто я вообще ничего не вешу. Он врезается в меня в последний раз, и я кончаю, слыша его стон, когда его семя заполняет меня.

— Ты в порядке? — он обнимает меня и прижимает к своей груди.

— Да. — Я зарываюсь носом в его шею, вдыхая его запах. — Я хочу, чтобы в каждой комнате стояли стулья. А твой тренажер для жима лежа, можно убрать.

— Ты весишь вдвое меньше, чем я обычно поднимаю, *malysh*.

— Говорят, эффективнее работать с меньшим весом, но чаще.

— Правда? — Он ласкают мою спину, скользят вниз, пока не достигают моей задницы. — Мне нравится твой новый план тренировок. Очень, — говорит он и сжимает мою попку.

* * *

Свадьба очень скучная. Море гостей толпятся вокруг с бокалами в руках, болтают и фальшиво улыбаются. Я не знаю здесь ни одного человека, поэтому большую часть времени я провожу, наблюдая за людьми и комментируя наряды Роману. Он всегда находит мой лепет забавным. Однако несколько минут назад он встрял в разговор о политике с какими-то мужчинами, и я решаю оставить его и пойти посидеть за одним из столиков.

У меня нет проблем с тем, чтобы посидеть в одиночестве, но, похоже, некоторые люди подумали, что есть, потому что пара женщин садится со мной и втягивает меня в бестактный разговор о том, кто что купил для молодоженов.

— Мы не могли прийти с чем-то бессмысленным, понимаете, — объясняет симпатичная блондинка с накачанными губами. — Я уверена, что они будут наслаждаться выходными в спа. Это очень эксклюзивное место. Пожалуйста, не спрашивайте, сколько мы заплатили за билеты; сумма была просто чудовищной.

— Им понравится. — Я улыбаюсь.

— А что вы им подарили, дорогая?

— Крайне уродливую вазу, — говорю я. — Мой муж настоял на ней.

— Оу, ну, может быть, ваши вкусы отличаются. И кто из них ваш муж?

Я смотрю на группу мужчин в центре зала и улыбаюсь.

— Самый сексуальный в комнате, — заявляю я.

— Вы необъективны. — Другая, в коротком красном платье и с рыжими волосами, смеется.

— Не-а. Это факт. — Я пожимаю плечами.

Они обе осматривают на толпу людей, словно пытаюсь угадать, кто из них кто.

— Тот, что в коричневом костюме, да? Тот, что в очках?

Я прослеживаю за ее взглядом и вижу невысокого парня, довольно симпатичного, по нему сразу видно — бухгалтер. Я широко улыбаюсь. Это будет весело.

— Нет. Попробуйте еще раз.

Затем она указывает на мужчину в смокинге. Он симпатичный, у него длинные волосы, но он слишком худой. Однако, прежде чем я успеваю ответить, блондинка вмешивается.

— Боже мой, Сандра, это Роман Петров? — восклицает она и хватается рыжую за предплечье. Кивнув в сторону толпы, она спрашивает: — Что с ним случилось?

— Кажется, Рори упоминала, что несколько месяцев назад он попал в аварию, — шепчет Сандра и поворачивается к подруге. — Я слышала, он женился.

— Не может быть! Где его жена? Как она выглядит? Она русская?

Я подношу бокал к губам, чтобы скрыть ухмылку, и продолжаю слушать.

— Я ее не видела. Наверное, высокая и платиновая блондинка. Это его типаж, — говорит Сандра.

— Ну, она, наверное, гарпия, если у нее хватило смелости выйти за него замуж.

— Ой, она и правда гарпия, поверьте мне, — добавляю я.

Обе женщины поворачиваются и смотрят на меня широко раскрытыми глазами.

— Вы знаете жену Петрова? — Сандра наклоняется через стол, практически вжимаясь своим лицом в мое.

— Да. — Я киваю и делаю глоток своего напитка. — Она немного сумасшедшая.

— Ну, она должна быть такой, если вышла за него замуж. Никто в здравом уме не выйдет замуж за пахана русской мафии. — Она бросила еще один взгляд на Романа. — Я слышала, как Душку сказала, что в прошлом месяце во время ужина, он чуть не перерезал горло Тануш.

Я очень наслаждаюсь ситуацией, пока Роман не портит мое веселье. Он поворачивает голову и смотрит прямо на меня, на его губах едва заметная усмешка. Я поднимаю руку и посылаю воздушный поцелуй. Роман дарит мне очень горячий взгляд, а затем возвращается к своему разговору. Я оборачиваюсь и вижу, что обе женщины смотрят на меня с ужасом на лицах.

— Этот мой. — Я ухмыляюсь. — Я Нина Петрова. Гарпия.

Они обе улыбаются, быстро извиняются и скрываются в толпе через несколько секунд. Я делаю еще один глоток вина и продолжаю наблюдать за людьми.

К группе Романа подходит женщина и присоединяется к разговору. Сначала я не обращаю на нее внимания, но через несколько минут замечаю, как она незаметно подвигается ближе к Роману и что-то спрашивает у него, улыбаясь. Она классически красивая брюнетка, волосы собраны в пучок на затылке. Длинное бежевое платье обтягивает ее тело. Ее голова достигает плеч Романа, что делает ее выше меня по крайней мере на голову. Она смеется над чем-то и хлопает ресницами. Мне не нравится, как она смотрит на Романа. Он вообще не обращает на нее внимания, но все же... Я думаю, стоит ли мне подойти к ней и поставить на место. А может, и нет.

Я закидываю ногу на ногу, убедившись, что разрез на платье их обнажает, и поудобнее устраиваюсь в кресле. Роман смотрит в мою сторону, и я посылаю ему затаенную улыбку, которую люблю дарить перед тем, как затащить его в постель. Его глаза сужаются. Женщина что-то говорит ему, но я удерживаю его взгляд и поднимаю руку, чтобы провести пальцем по губам. Я слегка наклоняю голову в сторону, и медленно скольжу пальцем по подбородку и шее и останавливаюсь на низком вырезе платья. Роман следит за движением моего пальца, и когда его глаза возвращаются к моим, я широко улыбаюсь.

Он что-то говорит окружающим его людям и двигаться в мою сторону, ни на секунду не отрывая взгляда от моего.

— Вы звали, миссис Петрова? — Он слегка улыбается уголками губ.

Я встаю, кладу руку ему на грудь и смотрю на него сверху.

— Ты пахан не единственный, кто территориален в этих отношениях.

— Ревнуешь? К кому, *malysh*? Ты же знаешь, что мои глаза видят только одну женщину.

— Правда? — Я засовываю палец в его рубашку между двумя пуговицами и тяну за него, пока он не наклоняет голову и наши носы не соприкасаются.

— Заявляешь свои права, Нина?

— Конечно, Роман, — говорю я и целую его.

— Домой, — шепчет он мне в губы. — Сейчас.

— Я тебе кое-что приготовила.

Я поднимаю глаза от стола и вижу голову Нины, выглядывающую из-за двери.

— Ты сожгла его?

— Это *morozhenoe*. — Она улыбается, встает между моих ног и наполняет ложку мороженым из миски, которую держит в руках.

Я смотрю, как она подносит ложку ко рту, потом позволяю ей накормить меня.

— Игорь учил меня русскому языку, — заявляет она.

— О, я не могу дождаться, чтобы услышать, чему ты научилась.

— Пока что мы изучили «*govno*», «*chort vozmi*» и «*skotina*». Это его любимые.

— Я в этом не сомневаюсь. — Я достаю телефон и набираю номер Вари, которая отвечает после второго звонка. — Игорь научил Нину материться. У него опять появилось желание умереть?

— Роман! — Нина хватает меня за рубашку и тянется к телефону, но я убираю руку и целую ее.

— Никто не будет учить тебя русскому, кроме меня. Поняла?

— Поняла, *kotik*.

Я закрываю глаза и качаю головой.

— Ты не будешь называть русского *пахана* «котиком», Нина. Мне нужно поддерживать имидж.

Она прищуривает на меня глаза, придавая своим чертам серьезность, и касается пальцем моего носа.

— Мой смертоносный *kotik*. Лучше?

— Нет.

— С тобой не весело. — Она обвивает руками мою шею. — Пойдем куда-нибудь поужинаем, а?

— Прости, *malysh*, мне нужно разобраться с кое-какими делами сегодня вечером. Мы выезжаем через двадцать минут, и я не знаю, сколько времени это займет, но, должен вернуться к десяти или одиннадцати.

— Будь осторожен, Роман.

Я смотрю, как она уходит, и думаю, как странно, что кто-то ждет моего возвращения с работы или беспокоится о моем благополучии.

Роман все еще не вернулся. Я плотнее прижимаю к себе свитер и снова смотрю на часы, наверное, в сотый раз за последний час. Уже половина третьего, а он так и не позвонил и не написал. Мне не хотелось звонить ему и вмешиваться в его дела, поэтому я уточнила у Максима — он остался в доме — около часа, потом еще раз около трех. Он ничего не знал.

— Черт возьми, Роман, — пробормотал я про себя, не сводя глаз с ворот, видневшихся на другой стороне лужайки. — Не вздумай умереть.

Где-то около четырех, ворота отъезжают в сторону, и две машины паркуются перед домом. Мужчины начинают выходить из машин, а я прикладываю ладони к окну, ища Романа. Он выходит последним, и то, как он медленно и болезненно выходит из машины, говорит о том, что в этот раз он слишком сильно нагрузил колено.

— Упрямый, упрямый идиот, — бормочу я. Расстояние, которое он обычно преодолевает за несколько секунд, теперь занимает у него почти пять минут.

О чем, черт возьми, он думал? Не прошло и недели, как Уоррен сказал ему, что ему нельзя ходить на большие расстояния еще как минимум несколько недель, а он идет и тянет всю ночь.

В спальне я достаю инвалидное кресло из шкафа, куда он его спрятал, и ставлю его рядом с дверью. У него есть идиотская идея, что он не позволит своим мужчинам больше никогда видеть его в кресле, поэтому я скрещиваю руки перед собой и жду его.

Через десять минут дверь открывается, и он ковыляет внутрь. Он смотрит на кресло, потом на меня. Наверное, выражение моего лица показывает, насколько я взбешена, потому что он медленно садится и передает мне костыли.

— Я так зла на тебя, — говорю я сквозь зубы, прислоняю костыли к стене, затем поворачиваюсь и беру его лицо в свои руки. — Насколько сильно болит?

Он встречает мой взгляд, но ничего не говорит, только скрежещет зубами.

— Черт, детка. — Я наклоняюсь и целую его в лоб. — Я принесу тебе обезболивающее. Две таблетки?

— Лучше три.

— Хорошо. Тебе помочь забраться на кровать?

— Если ты разденешься и подождешь меня там, это будет хорошим стимулом.

— Не сегодня, так что не надейся. — Я глажу его по щеке и иду на кухню.

Тридцать минут спустя, когда забираюсь в постель к Роману, он уже вырубился от тройной дозы обезболивающего. Я пользуюсь возможностью понаблюдать за ним. Обычно он встает раньше меня, поэтому у меня нет возможности застать его спящим. Я убираю несколько прядей волос, упавших ему на лоб, и провожу пальцем по линии бровей, носа и подбородка, любуясь его суровыми чертами. Боже, сегодня я была напугана до ужаса. Не услышав от него ни слова, я боялась, что случилось что-то плохое.

Завтра нам нужно будет серьезно поговорить на эту тему. Не думаю, что он сделал это специально; у меня такое чувство, что Роман просто не привык, чтобы люди беспокоились о его благополучии. Он никогда не рассказывает о своем детстве, и я подозреваю, что оно было нелегким. Я до сих пор многого о нем не знаю. Он редко делится подробностями своего бизнеса, и думаю, что он пытается оградить меня от этой стороны своей жизни. Но я не глупая. В глазах всего мира мой муж — плохой парень. Но в моих глазах он просто Роман. На остальное мне наплевать, и этот факт меня тоже немного пугает.

Глава 16

— Мы могли бы остаться дома. — Я собираю свою юбку и беру Романа за руку, чтобы выйти из машины.

— Я задолжал тебе ужин.

— Мы должны были вернуться домой после ресторана. Клуб можно было бы отложить на другое время.

— У меня все равно здесь дела с Павлом, мы не задержимся.

Он мог бы обсудить дела с Павлом дома; он делает это из-за меня. Я просто вскользь упомянул вчера о клубе, сказав, что отлично провела время и хотела бы как-нибудь сходить еще раз. Я не ожидала, черт возьми, что это произойдет на следующий

день. Ему пришлось провести целый день в инвалидном кресле после того трюка, который он выкинул, и я ненавижу, что он давит на себя за мой счет. Однако с Романом невозможно разговаривать, когда он что-то вбивает себе в голову.

Мы приезжаем позже, чем в наш прошлый визит, поэтому клуб уже переполнен. Чтобы пройти через первый зал, приходится серьезно поднапрячься, даже с Иваном во главе. После того как мы уселись, официант приносит нам напитки. Я опираюсь на Романа и поворачиваюсь, чтобы что-то сказать ему, когда замечаю высокого светловолосого мужчину на другом конце зала. Он стоит спиной ко мне и болтает с несколькими парнями. Я чувствую руку Романа на своей талии, и он спрашивает меня о чем-то. Я не слышу слов, мое внимание сосредоточено на блондине. Чем больше я смотрю на него, тем глубже становится мое дыхание. Кто-то зовет его. Он поворачивается, и кажется, что его движения замедленны. Затем, наконец, его лицо становится видимым. Он поднимает глаза, наши взгляды сталкиваются, и я перестаю дышать.

Я чувствую, как Нина напряглась рядом со мной. Всего несколько секунд, а затем рука, которую она положила мне на бедро, начинает дрожать.

— *Malysh?* Что случилось?

Она не реагирует. Как будто даже не слышала меня. Она просто смотрит на толпу. Я прослеживаю за ее взглядом, пытаюсь понять, что могло ее напугать, но не вижу ничего необычного. Люди пьют и разговаривают, и ничто не выделяется, кроме мужчины у выхода, который смотрит в нашу сторону. Я не люблю, когда другие мужчины смотрят на мою жену, но это обычное явление. Нина обладает экзотической красотой, которая привлекает внимание. Однако то, как этот мужчина смотрит на нее, выходит за рамки обычного интереса — это смесь узнавания и злобы. Он примерно моего роста, поэтому в сочетании с тем, как Нина с ужасом смотрит на него, все части головоломки встают на свои места. Из всех сил стараюсь сдержать свой гнев, я беру Нину за подбородок и поворачиваю ее голову лицом ко мне.

— Это тот человек, который причинил тебе боль, *milaya*?

Она смотрит мне в глаза, не мигая, ее губы сжаты в жесткую линию.

— Это он. Он заплатит, *malysh*. Он дорого заплатит. Я позабочусь об этом, — шепчу я и поворачиваюсь, чтобы взять свои костыли.

Нина хватается меня за руку.

— Нет. Ты обещал, что никого не убьешь из-за меня.

Я никогда такого не обещал, но ее голос такой тихий и расстроенный, что я не хочу расстраивать ее еще больше. Я разберусь с этим ублюдком позже.

— Иван! — рывкаю я и жду, пока он подойдет. — Видишь этого ублюдка? Вон там, под знаком выхода. Блондин, бородатый, высокий. Я хочу, чтобы его вышвырнули из моего клуба, и предупреди вышибал, что его больше никогда не пустили в клуб.

— Да, *Пахан*, — говорит он, и я чувствую, как Нин рядом со мной слегка расслабляется.

— Хорошо. — Я обнимаю ее за спину, поворачиваюсь к Ивану и добавляю по-русски: — Упакуй его и жди моего звонка.

Иван смотрит на меня, и я позволяю ему увидеть то, что я оставил недосказанным, написанным на моем лице. Он кивает, поворачивается и направляется на танцпол.

Я держу Нину рядом с собой, пока Иван и один из вышибал расправляются с этим ублюдком. Когда убеждаюсь, что они ушли, я вывожу ее из клуба. Она молчит всю дорогу домой, а когда мы приезжаем, сразу ложится в постель.

— Все будет хорошо, — шепчу я ей на ухо, когда присоединяюсь к ней в постели.

Она не отвечает, просто прижимается ко мне и зарывается лицом в мою шею. Через час я наконец чувствую, как она расслабляется, и ее дыхание выравнивается. Я жду еще полчаса, пока не убеждаюсь, что она крепко спит, затем встаю и выхожу из комнаты.

— Где он? — спрашиваю я, как только Иван отвечает на звонок.

— Он у Павла в багажнике.

— Отнеси его в подвал. — Я кладу телефон на обеденный стол и выхожу из апартаментов.

Маневрировать по узкой лестнице в подвал на костылях — та еще морока, но мне удастся, и я пересекаю короткий коридор, ведущий в подсобку. Ублюдок привязан к стулу над канализацией, во рту у него кляп.

— Сними с него рубашку, — говорю я Ивану, который ждет в углу, и поворачиваюсь к столу у стены, чтобы осмотреть ассортимент ножей и других инструментов.

— *Пахан?* Хочешь, чтобы я позвал Михаила?

— Нет. — Я беру один из ножей Михаила и улыбаюсь. — Он мой.

Я бегу по темной улице. Звук шагов эхом отражается от булыжников, устилающих землю. Несмотря на то, что я пытаюсь бежать со всех сил, мне кажется, что я бегу по трясине, мои ноги тяжелые и медленные. Из-за угла появляется фигура мужчины, хватая меня за шею и начинает душить.

Я рывком просыпаюсь и сажусь в постели, тяжело дыша. Лампа в углу горит, и я вижу, что кровать рядом со мной пуста. Тянусь к телефону на тумбочке и проверяю время. Половина четвертого.

— Роман? — зову я. В ответ тишина.

Страх закрадывается во мне. Я вскакиваю с кровати и бегу, надеясь найти Романа на кухне. Его там нет, и я стою посреди комнаты. Неужели у него какие-то срочные дела? Но тут мой взгляд падает на его телефон, лежащий на углу обеденного стола. Не может быть, чтобы он оставил свой телефон.

Я пробираюсь по длинному коридору на босых ногах и открываю дверь в спортзал. Свет не горит, поэтому я спускаюсь вниз и проверяю кабинет Романа. Его там нет, и во всем доме тишина. Я закрываю дверь его кабинета и направляюсь в сторону

главной кухни, когда мой взгляд останавливается на двери, ведущей в подвал. Я никогда не видела, чтобы кто-то заходил туда, но что-то побуждает меня взяться за ручку.

Свет над лестницей горит, и вдалеке внизу слышу голос Романа, смешанный с какими-то странными звуками скрежета дерева. Дверь, должно быть, звукоизолирована, потому что снаружи я ничего не услышала. Медленно спустившись по лестнице, я оказываюсь в комнате с металлическими полками вдоль стен. Звуки здесь громче. Голос Романа доносится со стороны двери с другой стороны, оставленной слегка приоткрытой, но не могу понять, потому что говорят по-русски.

Я не хочу видеть, что происходит за этой дверью, в глубине души я знаю, что найду там. Но ноги ведут меня вперед. Я кладу ладонь на деревянную поверхность и толкаю.

Брайан сидит на стуле посреди кафельного пола, его ноги и запястья привязаны к нему. На полу рядом с его ногами в огромной луже крови разбросаны несколько отрубленных пальцев. Роман стоит перед ним, опираясь левой рукой на один костыль, а правой держит нож, до рукоятки вонзившийся в живот Брайана. Он что-то кричит ему и начинает вращать нож. Я в ужасе смотрю на кровь, льющуюся из раны.

С моих губ срывается странный, прерывистый звук, и я хватаюсь за дверной проем рядом со мной, так как мое зрение начинает расплываться. Роман резко поворачивается, его глаза расширяются. Он делает шаг ко мне, а я отступаю, глядя на его покрытые кровью руки. Когда Роман делает еще один шаг в мою сторону, я поворачиваюсь и убегаю. Не помню, как вышла из подвала или поднялась по большой лестнице. Добравшись до номера, я, спотыкаясь, прошла через свою комнату в ванную, закрыв за собой дверь. Делаю несколько дрожащих вдохов, затем бросаюсь к унитазу и меня рвет.

Я все еще сжимаю бока унитаза, когда слышу стук в дверь.

— Уходи, — задыхаюсь я.

— Нина, я...

— УХОДИ! — кричу я, и меня тошнит снова.

* * *

Я сижу на полу, рядом с унитазом, когда приближаются шаги и Варя зовет меня с другой стороны двери. С момента последней рвоты прошло около часа, поэтому я медленно встаю и наклоняюсь над раковиной. Побрызгав на лицо холодной водой, я отпираю дверь.

— Милое дитя, — говорит Варя и тянется ко мне, но я делаю шаг назад.

— Мне нужно, чтобы ты вызвала мне такси. Пожалуйста.

— Не уходи. Это уничтожит его, Нина. Пожалуйста, пусть он все объяснит.

— Такси, — прохрипела я. — Или я пойду пешком.

Варя грустно смотрит на меня и кивает. Я вижу, как одна слезинка сбегает и катится по ее щеке, прежде чем она достает свой телефон.

В дверь стучат, но я остаюсь сидеть в кресле напротив окна и смотрю на желтую машину на подъездной дорожке.

— *Пахан.*

— Да, Дмитрий?

— У подъезда ждет такси. Варя сказала, что Нина Петрова уезжает.

— Да.

— Может, мне ее остановить?

Я думаю об этом, потом качаю головой.

— Нет. Пошли двух человек, чтобы они незаметно проследили за ней. Пусть они позвонят мне, когда она доберется до места назначения.

— Ты хочешь, чтобы они остались там или вернулись сюда?

— Пусть останутся. Я хочу, чтобы за ней постоянно следили два человека.

Организуй смены. Скажи им, чтобы оставались незаметными.

— Что-нибудь еще?

— Пока все.

Через несколько минут Нина торопливо спускается по ступенькам и садится в такси. Она в джинсах и старой толстовке, с небольшим чемоданом. Я смотрю ей вслед, ожидая, что она развернется и вернется в дом. Но она не возвращается. Такси уезжает.

Я хватаю хрустальную бутылку виски, наливаю себе на три пальца, а затем бросаю бутылку через всю комнату, где она разбивается о стену.

Глава 17

Прошло четыре дня с тех пор, как Нина уехала, и я медленно схожу с ума. Мужчины, которые работают в ее охране, отмечают в конце каждой смены и сообщают мне о ее состоянии, что с ней все в порядке. Черт возьми, хочу, чтобы она была здесь.

Сначала я думал, что она поедет к родителям, проведет ночь и вернется утром. Но когда ребята сообщили, что она уехала к себе, я понял, что на следующий день она не вернется. Я надеялся, что она позвонит — может быть, через день или два. Она не звонила. Я не хочу звонить ей сам, пока не узнаю, что она готова к разговору.

Я облажался. Понял это сразу, как только увидел, что она стоит у двери с выражением ужаса и шока на лице, но я не ожидал, что она уйдет.

Не в силах больше ждать, беру телефон со стола и звоню ей. Она обрывает звонок после второго гудка, не отвечая. Я звоню снова, но в ответ получаю лишь отрывистый ответ.

— Мы закончили, Роман.

Она не может так поступить. Я этого не допущу. Я беру свои костыли и направляюсь к двери.

— К Нине, — рывкаю я Коле и ныряю в машину.

Когда мы подъезжаем к дому Нины, беру телефон и пишу ей сообщение.

«Я на улице.»

Смотрю на телефон в руке, жду, когда он зазвонит. Но не звонит. Вместо этого приходит сообщение.

«МЫ. ЗАКОНЧИЛИ.»

«УХОДИ.»

Что, мне с этим делать? Выломать ее дверь и заставить Нину выслушать меня? И что я скажу? Невозможно вернуть то, что было сделано.

Я остаюсь в машине перед ее домом. Уже глубокой ночью я, наконец, говорю Коле, чтобы он отвез меня домой. Еще слишком рано. Я дам ей еще несколько дней, чтобы остыть. Потом мы поговорим.

* * *

Через два дня приходит посылка. Большой прямоугольный предмет, завернутый в коричневую бумагу, и на нем написано мое имя беспорядочным почерком Нины. Я кладу его на свой стол, обвожу пальцем буквы, которые она написала, и начинаю разрывать бумагу.

Это картина.

Обнаженная женщина стоит на коленях посреди поля из мусора и пепла, ее спина выгнута дугой назад, руки слегка подняты над головой к грозовому небу. Черные волосы развеваются на ветру, часть их закрывает лицо. Длинное черное копье воткнуто в середину ее груди, и толстый слой красной краски стекает с раны по ее обнаженному телу. На другом конце копья сидит одинокий стервятник, словно в ожидании.

Автопортрет, который она мне обещала.

Я встаю и смотрю на лужайку за окном до захода солнца, затем возвращаюсь к столу. Положив локти на деревянную поверхность, я зарываю руки в волосы и смотрю на картину, замечая мелкие детали, которые пропустил в начале. Как выделяются вены на шее женщины, словно она напрягается. Красные слезы, падающие по ее щекам. Черные трещины на коже ее груди, где копье пронзило ее — толще вокруг раны и все тоньше по мере того, как они расходятся, как будто само ее тело начало распадаться на части.

Она не вернется.

Глава 18

Я сажусь за обеденный стол, кладу папку из манилы на поверхность перед собой и просто смотрю на нее. Проходит двадцать минут, прежде чем набираюсь смелости открыть папку и достать бумаги. Я беру ручку, ставлю ее острие на начало пунктирной линии в левом нижнем углу и начинаю подписывать свое имя. Мое зрение затуманивается, и слезы льются из глаз, падая на бумагу и размазывая чернила. Черт.

Я комкаю испорченный документ, беру другую копию из папки и начинаю сначала. Где-то на третьей странице моя рука начинает дрожать, но продолжаю расписываться. На пятой я ломаюсь и начинаю всхлипывать. Больше не могу видеть эту чертову бумагу, поэтому встаю и ухожу из кухни, чтобы успокоиться. У меня уходит больше двух часов на то, чтобы подписать все три экземпляра документов о разводе. Затем запечатываю их в большой конверт, пишу адрес Романа и вызываю курьера.

— Это только что пришло. — Варя протягивает мне большой белый конверт. — От Нины.

Я разрываю боковую сторону конверта, достаю папку с набором бумаг внутри и кладу ее на свой стол, не открывая.

— Лучше бы это было не то, о чем я думаю, — процедил я сквозь стиснутые зубы, открываю папку и смотрю на первый документ.

— Роман? Что происходит? — спрашивает Варя и обходит стол, чтобы встать рядом со мной.

— Она хочет развестись. — Я хватаю стол и запускаю эту чертову штуку в центр комнаты, где она приземляется вверх тормашками, отправляя в полет ноутбук и бумаги. — Она не получит этот чертов развод! — кричу я.

Документы приходят через два дня. Стоя у двери, я разрываю конверт, достаю бумаги и пристально смотрю на строчку в правом углу, где напечатано имя Романа.

Над ней, на пунктирной линии, где должна быть его подпись, красными чернилами написано большое «Нет».

Я переворачиваю страницу. Такое же большое красное «Нет».

И на следующей.

И на следующей.

— Будь ты проклят, Роман.

Хватаю телефон и звоню своему адвокату.

— Мне нужны еще копии документов о разводе.

В тот же день я снова отправляю документы. Через день они возвращаются, но вместо его подписи все правые нижние углы сожжены.

В следующий раз, когда я получаю конверт обратно, внутри нет никаких бумаг. Вместо них — кучка белого пепла.

Мне хочется кричать и смеяться одновременно, но в итоге я снова плачу. На следующее утро решаю, что с меня хватит, беру телефон и звоню ему. Он отвечает на первом же звонке.

— Нина. Я так понимаю, ты получила мой ответ.

Услышав его голос мне хочется рыдать, но я беру себя в руки и изо всех сил стараюсь говорить нормально.

— Мне нужно, чтобы ты подписал документы о разводе.

— Нет.

— Роман, пожалуйста.

— Я не дам тебе чертов развод! — кричит он в трубку. — Ты ушла от меня, и это был твой выбор. А это мой.

— Роман хочешь знать, чего я хочу? Тебя это вообще волнует?

Он вздыхает. — Чего ты хочешь, Нина?

— Я хочу хотя бы отдаленно нормальную жизнь, Роман. Я хочу кого-то, кто не решает играть в Бога и творить свое правосудие, убивая людей, которые ему не нравятся. Я не хочу быть свидетелем этого. Брайан был ублюдком, но я не хотела, чтобы его убили из-за меня. Я никогда не хотела, чтобы его убийство было на моей совести. Я просила и умоляла тебя оставить все как есть. А ты выпотрошил его как свинью. Мне до сих пор снятся кошмары о той ночи, Роман.

Я делаю глубокий вдох, прежде чем продолжить.

— Я не могу жить в твоём мире, Роман, где я до смерти боюсь каждый раз, когда ты идешь заключать какую-то сделку или что-то еще. Я думала, что смогу, но не могу. Ты хоть представляешь, что со мной было, когда я всю ночь сидела у окна, пока ты уезжал по делам? Я представляла тебя где-нибудь в канаве и ждала, что тебя привезут либо застреленным, либо мертвым! Но самое главное, я не могу жить с мыслью, что однажды ты решишь выпотрошить кого-то другого только потому, что он как-то странно на меня посмотрел, или что-то еще. Я не могу! Это разрывает меня на части. То, что ты сделал с Брайаном, пожирает меня. Это чувство вины, понимание, что кто-то умер из-за меня. Я не могу есть. Я не могу спать. Я продолжаю видеть его тело в крови, его пальцы на полу. Боже, Роман... Я помню кровь на твоих руках.

В конце я так сильно рыдаю, что не уверена, понял ли он хотя бы половину из того, что я сказала.

— Ты понимаешь, Роман?

На другом конце линии тишина, и я начинаю думать, не прервал ли он связь, когда наконец слышу его голос.

— Да. Понимаю, — говорит он, и связь обрывается.

Через день приходит еще один конверт. Я открываю его и просматриваю бумаги. Он расписан. Я смотрю на его подпись, и мне становится так чертовски больно, что сначала я даже не замечаю записку, написанную сверху страницы.

«Если я тебе когда-нибудь понадобится, ты знаешь мой номер. Если не хочешь иметь со мной ничего общего, позвони Максиму или Дмитрию. Я проинструктировал их, что в случае твоего звонка они должны выполнить твою просьбу и не сообщать ее мне. Пожалуйста, время от времени звони Вале. Она по тебе скучает. Береги себя, talysh.»

Я прижимаю записку к груди, сердце разбивается на миллион маленьких осколков.

Глава 19

Две недели спустя

Я откидываюсь назад и смотрю на Максима, когда он подходит к моему столу.

— Я слушаю, — говорю я.

— Следующий груз должен прибыть завтра вечером.

— Сколько ящиков?

— Одиннадцать. Это лучшее, что мы могли сделать в кратчайшие сроки.

— Убедись, чтобы все были вооружены. Я не хочу казусов в субботу. Итальянцы ничего не подозревают?

— Нет.

— Хорошо. Проследи за частой сменой бойцов в течение следующих нескольких дней. Каков план штурма?

— Две команды. По шесть солдат в каждой. Дмитрий и Антон пойдут с первой командой. Михаил и Юрий со второй.

— Михаила не трогать. — Я качаю головой. — Не хочу рисковать, чтобы его подстрелили, он нужен Лене. Пошли вместо него Сергея.

— Не думаю, что это хорошая идея. В последнее время поведение Сергея стало еще более неустойчивым. Он не будет выполнять приказы Юрия.

— Конечно, не будет. — Я ругаюсь и бросаю документ, который читал. — Я пойду с Сергеем. Юрий все равно ни черта не умеет стрелять.

Максим смотрит на меня так, как будто я сошел с ума. Может, и правда.

— Только через мой труп, Роман.

— Это не обсуждается. Я единственный, кто может проследить, чтобы Сергей вел себя хорошо.

Он смотрит на меня жёстким взглядом, снимает очки и сердито направляет их на меня.

— Ты, блядь, ходить не умеешь.

— Может, я и не могу ходить, но, кроме Сергея, я все еще лучший стрелок *братвы*.

— Я этого не допущу, Роман. Это самоубийство.

— Да? И что ты предлагаешь дать психу пистолет и кучу взрывчатки, и отправить его на задание без присмотра? Сергей меньше чем за час может уничтожить целый городской квартал.

— Ну, тогда мы не будем посылать Сергея. Ты же не просто так отстранили его от полевых работ.

— Это особый случай. С наблюдением, когда Сергей в поле — это как штурмовой батальон из одного человека. В субботу мне нужен либо Михаил, либо Сергей. И Михаил в это дело не лезет.

Максим ничего не комментирует, только качает головой и сжимает виски.

— Ты никогда не видел Сергея в поле. — Я откидываюсь в кресле, а по моему лицу расплзается безмятежная улыбка. — Он просто красавец. Ты знаешь, что однажды он в одиночку зачистил вражеский склад? Четырнадцать человек. И его подстрелили всего один раз.

— Неудивительно, раз вы родственники, — вздыхает Максим. — Вы оба совершенно безумны.

— Ну, тогда все решено. — Я наклоняюсь вперед, и закрываю ноутбук. — А что насчет нее?

— У нее будет выставка в следующем месяце. Иван видел плакат.

— Просто показ или выставка-продажа?

— Я проверю.

— Если это продажа, позвони в галерею заранее и купи все. — Я смотрю вверх. — Анонимно. Что-нибудь еще?

Я замечаю, как он напрягается и смотрит в сторону.

— Что-нибудь еще, Максим?

— Она изменила прическу.

— Она их отстригла?

— Нет. Просто покрасилась.

— В блондинку?

— Нет. Она... ..в фиолетовый.

Она покрасила волосы в фиолетовый цвет. Я не могу не улыбнуться.

— На этом все, Максим.

Глава 20

Месяц спустя

Разные оттенки черного и серого, и больше ничего. Я беру немного желтой краски на кисть и пытаюсь нанести несколько мазков на темные фигуры на холсте, но в итоге получается только размазанный предыдущий слой черного. Это как бы отражает мое душевное состояние в последние несколько недель. Оттенки черного, и каждая попытка добавить немного цвета заканчивается неудачей.

Я оставляю холст сохнуть и иду в ванную. Предыдущие слои должны высохнуть к завтрашнему вечеру, и я попробую снова. Интересно, когда я смогу обработать что-нибудь, кроме оттенков серого? Это точно будет не завтра.

Три тюбика краски для волос валяются рядом с раковиной. Я уже пробовала фиолетовый, и он продержался две недели, прежде чем смылся. Как не вовремя. Я потянулась за вторым тюбиком. Может, синяя продержится дольше.

У меня уходит два часа на то, чтобы закончить с волосами и принять душ, и уже почти шесть утра, когда я, наконец, иду в спальню. Рассвет едва озарил горизонт, поэтому задергиваю тяжелые шторы на окне и забираюсь в кровать. Я все еще не могу спать по ночам, поэтому стала ложиться рано утром и работать всю ночь. Как только закрывала глаза, я видела, как Роман снова поворачивает нож, его руки в крови. С этой сценой было гораздо легче работать днем.

Эта фаза прошла через месяц, и теперь единственное, что я вижу во сне, — это Романа. К сожалению, ничто не облегчает работу с новым видением, ни день, ни ночь. Иногда, когда мне особенно трудно заснуть, я закрываю глаза и представляю, что он рядом со мной.

Может быть, мне стоит уехать, собрать сумку и сесть на первый поезд куда угодно, пересаживаясь в случайных местах, пока не окажусь где-то далеко. Я могла бы найти работу на ферме или еще где-нибудь — убирать конюшни, а в свободное время рисовать. Или я могу начать использовать лошадиное дерьмо вместо краски. Начать новую художественную волну. Да, я подумаю над этим.

Максим входит в кухню и стоит у острова, сцепив руки за спиной. Он смотрит, как док работает над моей рукой.

— Итальянцы подстроили взрыв на одном из наших складов, — говорит он.

— Ущерб?

— Только здание, ничего, что нельзя было бы отремонтировать.

— Кто-нибудь пострадал?

— Склад пустовал, поэтому охрану не выделяли.

Оставили итальянцам право сжечь пустой склад. Идиоты.

— Проследи, чтобы удвоили людей на тех, кто держит товар

- Уже сделано.
- Я благодарю дока, встаю и иду к окну, выходящему во внутренний дворик.
- Что она делала?
- Она снова поменяла прическу. Теперь они голубые.
- Появился... мужчина?
- Ни одного, насколько мы могли видеть.
- Когда появится мужчина, а это рано или поздно случится, сделай так, чтобы я никогда об этом не узнал, Максим.

Глава 21

Месяц спустя

— Звонил Иван, — слышу я голос Максима в наушнике. — Мимо них только что проехали две машины, и они едут в твою сторону. Убирайся нахрен оттуда.

Я ругаюсь.

— Сергей все еще внутри, — говорю я, проверяю пистолет и фокусирую взгляд на задней стороне склада итальянцев.

— Роман, они будут там меньше, чем через пять минут.

— Я его не оставляю.

— Я же сказал тебе взять с собой больше людей! Черт возьми, Роман, ты никогда не слушаешь.

— Там должно было быть только двое охранников. Может, кто-то их предупредил. Мы уезжаем, как только выйдет Сергей.

Я поворачиваюсь к Антону, который сидит на водительском месте, и киваю в сторону задней двери на дальней стороне склада, метрах в пятидесяти или около того.

— Как только увидишь Сергея, прикрой ее машиной. У нас будет компания.

Через две минуты я слышу, как справа подъезжают машины, а в следующее мгновение дверь с задней стороны склада открывается, и оттуда выбегает Сергей.

— Давай! — рявкаю я.

Антон заводит машину и мчится к Сергею. Я открываю окно, прицеливаюсь в одну из машин, приближающихся с боковой дороги, и начинаю стрелять. Первая машина вильнула, вероятно, водитель потерял управление после попадания пули в шину, и врезалась в дерево. Вторая машина проезжает мимо нее и мчится к нам. Я стреляю еще два раза. Раздается звук открывающейся двери, и в машину заскакивает Сергей.

— Вы тут без меня веселитесь, — говорит он и смеется. Маньяк.

— Гони! — кричу я Антону, меняю магазин и возобновляю стрельбу по итальянцам, которые остановились в двадцати метрах от нас и пытаются выйти из машины. Мне удастся попасть в обе передние шины, прежде чем наша машина покатится вперед.

— Взорви их, — кричу я через плечо, не сводя глаз с машины итальянцев.

— Конечно, — слышу, как Сергей говорит сзади меня. Через секунду раздался взрыв.

Я смотрю в зеркало заднего вида и вижу, как рушится западная часть склада.

— Сообщи Максиму, что мы вышли, — говорю я Антону и поворачиваюсь к Сергею. — Проблемы были?

— Кроме того, что ты забрали большую часть моих вещей, нет.

— Я хотел уничтожить только их здание. Ты привез столько взрывчатки, что хватило бы взорвать полконтинента. — Я качаю головой. Максим был прав. Он совершенно нестабилен.

Я открываю дверь и смотрю на маму.

— Что ты здесь делаешь?

— Ты не отвечаешь на звонки уже несколько недель. Я волновалась.

Я отодвигаюсь в сторону, чтобы дать ей войти, закрываю дверь и направляюсь в гостиную.

— Я написала тебе вчера.

— Да, твое «я в порядке, перестань звонить» меня не убедило. Как ты себя чувствуешь?

— Как аварии. — Я пожимаю плечами, беру кисть и продолжаю работать над своей картиной.

— Нина ты выглядишь ужасно.

— Спасибо, мама.

Краем глаза я вижу, как она входит в комнату и медленно поворачивается, глядя на картины, которые я выстроила вдоль стен.

— Обычно ты добавляешь какой-нибудь яркий цвет. Все эти картины просто серые и черные, — говорит она.

— Откуда ты это знаешь? Ты никогда не интересовалась моим искусством.

Она ничего не отвечает, но подходит ко мне и несколько минут смотрит, как я рисую.

— У меня картина с девушкой в зеленом платье. Мы повесили ее в гостиной.

Я замираю с кистью на холсте.

— Я думала, что ее продали вместе с остальными, анонимному покупателю. Он их вернули?

— Нет. Он позволил мне забрать ее.

Я поднимаю на нее глаза. — Он?

— Твой муж. Это он купил картины.

Я делаю глубокий вдох и поворачиваюсь обратно к своему холсту.

— Он больше мне не муж.

Я пытаюсь продолжить работу, но моя рука с кистью дрожит, поэтому я опускаю кисть и смотрю на незаконченную черную фигуру передо мной. Мама берет меня за плечи и поворачивает к себе.

— Что между вами произошло, милая? Я думала, вы останетесь вместе.

— Я вошла, когда он потрошил Брайана, — говорю я. — После того, как он отрезал ему почти все пальцы.

— Он убил его?

— Да.

Она молчит мгновение, а потом качает головой.

— Он любит тебя.

Я чувствую, как слезы начинают собираться в глазах.

— Да, любит. Но иногда любви недостаточно.

— Нина, ты знала, кто он, и все равно влюбилась в него. Разве ты не можешь его простить?

— Он бы сделал это снова, мама. Я не могу жить с еще одной смертью на моей совести. Эта уже слишком тяжела. Это делает меня лицемеркой? Что меня никогда не волновало, что он сделал или кого он убил раньше?

— Так устроен его мир. Но не твой.

Я поворачиваюсь к холсту и снова беру кисть.

— Я должна закончить картину к завтрашнему дню.

— Хорошо, дорогая. Я дам тебе поработать. — Она протягивает руку и слегка поглаживает тыльную сторону моей ладони. — Пожалуйста, ответь мне, когда я позвоню.

Я слышу мамины шаги, удаляющиеся, затем останавливающиеся. Я поворачиваюсь и вижу, что она стоит в дверях, ее голова слегка наклонена.

— Я ошибалась насчет твоего мужа, — говорит она, затем поднимает голову, и наши взгляды встречаются. У нее странное выражение лица. Я в полном замешательстве от ее слов и вообще от всего этого визита.

— Ты же знаешь, что твой отец никогда бы не убил человека для меня.

— Ну, это же хорошо, мама.

— Нет, милая. Это не так, — говорит она и выходит из квартиры.

Глава 22

Неделю спустя

На тумбочке начинает звонить телефон, но я не обращаю на него внимания и накрываю голову подушкой. Звонок прекращается, но через минуту раздается снова. Я стону, достаю эту чертову штуку и отвечаю, не глядя, кто звонит.

— Я разбудила тебя, дитя?

Я сажусь в кровати, мгновенно проснувшись.

— Варя?

— Мне нужно с тобой поговорить. Можно я к тебе заеду?

— Конечно, я напишу адрес тебе.

— Тогда я приеду через час.

— Варя, что случилось? Он... ..с ним все в порядке?

— Да. Пока, по крайней мере. Мы поговорим, когда я приеду.

Плохое предчувствие давит в груди, пока смотрю на телефон. Что-то не так, я знаю это. Я спешу в ванную, чтобы принять душ и переодеться. Собираю кисти и выброшенные эскизы, которые захламляют пол в гостиной, когда слышу звонок в дверь.

— Что он, черт возьми, натворил? — спрашиваю я, как только Варя заходит внутрь.

— Мне нравится прическа, куколка. Зеленый тебе идет. — Она целует меня и улыбается, но улыбка не доходит до глаз. — Давай присядем.

Я веду ее на кухню, наливаю нам кофе, который я приготовила ранее, и сажусь в кресло напротив Вари. Она пододвигает к себе чашку и держит ее в руках, рассматривая жидкость внутри.

— Ты не могла бы вернуться?

Ее вопрос ошеломляет меня, и на секунду я оцепенело смотрю на нее.

— Я не вернусь. Мы развелись три месяца назад, ты же знаешь.

— Роман начал войну с итальянцами. Он сделал это специально. Они уже несколько месяцев играют в кошки-мышки, нападают на грузы друг друга, взрывают склады.

— Боже милостивый. О чем, черт возьми, он думал?

— Он не думал. Я думаю, он хотел отвлечься, и итальянцы подвернулись под руку.

— Чертовски потрясающе. Он сошел с ума?

— Может быть. — Она пожимает плечами и делает глоток кофе. — Знаешь, я была с ним, когда он подписывал документы о разводе. Я думаю, что до этого момента он верил, что ты вернешься. Но после подписания бумаг... он просто сорвался. Две недели спустя он послал ребят перехватить один из грузов итальянцев. И он пошел с ними.

— Что он сделал?

— Он сказал, что ему нужно присматривать за Сергеем, и я подумала, что это однократно. Но нет.

— Я думала, что *пахан* должен заниматься организацией, вести деловые сделки или что-то в этом роде, а не играть в солдата.

— Похоже дитя, ему все равно. Ты знаешь, какое большое дело в нашем мире, если солдату удастся убить пахана? Тот, кто это сделает, становится героем среди своих сверстников. Когда на поле только солдаты, это обычное дело, но когда там *пахан*, он становится главной целью.

— Варя, я... я не знаю, чего ты от меня ждешь. Позвонить ему и попросить перестать вести себя как идиот?

— Мне нужно, чтобы ты вернулась. Когда ты будешь рядом, он не будет таким безрассудным. Он не хочет, чтобы ты волновалась.

— Он взрослый человек, Варя. Ему не нужно, чтобы я его остановила.

— Нина, Роман любит тебя. Мне кажется, ты не понимаешь, насколько сильно.

— Из-за меня умер человек. Я сказала Роману, что не могу с этим жить, а он все равно его убил. Если бы он действительно любил меня, он бы никогда так со мной не поступил.

— Ты знаешь, как Роман стал *паханом*, дитя? — спрашивает Варя, и я качаю головой. — Давай я расскажу тебе. Это поможет тебе лучше понять ситуацию.

Она опускает взгляд в свою чашку и начинает помешивать жидкость ложкой.

— Мать Романа вышла замуж за его отца, когда ей было всего восемнадцать лет. Лев был старше ее на двадцать лет, и он был очень плохим человеком, куколка. Я пришла в этот дом с Настей. Я знала ее с младенчества, и мне было неприятно видеть, как Лев плохо с ней обращался с самого ее появления. Он бил ее, даже когда она была беременна Романом. Когда Роману было пять лет, он начал специально конфликтовать с отцом, чтобы Лев вымещал свою злость на нем, а не на Насте. Несколько месяцев это работало. Пока не перестало. За несколько дней до шестилетия Романа Лев ударил Настю так сильно, что она упала с лестницы. Роман все видел.

— Он ее убил?

— Да. Сломал шею. Я тогда взяла на себя заботу о Романе. Спустя несколько лет Лев снова женился, но Марине удалось сбежать. Я не знаю точно, что с ней случилось, но после этого мы о ней ничего не слышали.

— Ты думаешь, он и ее убил?

— Возможно. Когда Роман вырос, я стала работать домработницей и изо всех сил старалась держаться как можно дальше от *пахана*. Я занималась персоналом, и у меня не было причин пересекаться с Левоу. Пока однажды он не позвал меня. Когда я вошла в библиотеку, он схватил меня за шею и впечатал в стену, стал душить. Он был зол, потому что горничная в то утро не поменяла простыни, как он просил. Когда Роман вошел, я уже была в полубоморочном состоянии. Роман убил его, а если бы не убил, то Лев задушил бы меня.

Я поднимаю глаза на Варю, которая пристально смотрит на руку, которую я в какой-то момент бессознательно положила себе на шею.

— У каждого из нас есть что-то вроде спускового крючка, дитя. Роман увидел в этом человеке угрозу для тебя и нейтрализовал ее. Я не говорю, что он поступил правильно. Я просто пытаюсь заставить тебя понять. Теперь он знает, что его поступок причинил тебе боль, и поверь мне, когда говорю, что он никогда не сделает ничего намеренно, что может причинить тебе боль. Он безумно любит тебя, и думаю, когда ты ушла, что-то в нем сломалось. Он больше ни о чем не заботится. По-моему, он делает все эти безрассудные вещи намеренно. Он... его подстрелили в прошлом месяце.

— Что? — шепчу я, и слезы, которые я до сих пор сдерживала, вырываются наружу.

— В предплечье. Ему повезло — пуля прошла навывлет, ничего серьезного. В этот раз. Пожалуйста, хотя бы поговори с ним. Его убьют, Нина. Это просто вопрос времени.

— О да, я поговорю с ним. — Я встаю из-за стола и поспешно хватаю пиджак и бумажник, по пути смахивая слезы рукавом рубашки. — Я вызову нам такси.

— Вова может нас отвезти. Думаю, сегодня его смена, — непринужденно говорит Варя.

— Он работает где-то в этом районе?

— Можно и так сказать. Он через дорогу.

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на нее, потом подхожу к окну и смотрю на улицу. Как она и сказала, там стоит неприметная машина.

— Он приставил ко мне слежку?

— Он приставил к тебе охрану. Они там уже несколько месяцев.

— Я собираюсь убить его.

Когда мы выходим из здания, я иду прямо через дорогу к машине и стучу в окно. Вова скидывает голову, смотрит на меня округлёнными глазами и быстро опускает стекло.

— Нина Петрова?

Я стискиваю зубы, но не поправляю его, а только делаю движение головой в сторону приближающейся Вари.

— Нас нужно подвезти.

— Конечно. — Он отпирает дверь, и мы садимся на заднее сиденье. — Куда?

— Навестить *Пахана*, — говорю я и откидываюсь на сиденье.

* * *

Почти час уходит на то, чтобы добраться до дома. Как только машина останавливается на подъездной дорожке, я выхожу и спешу по каменным ступеням к главной двери. Охранник, стоящий на страже, удивленно смотрит на меня, затем кивает и открывает мне дверь.

— Где он, Коля?

— Думаю, *Пахан* у себя в кабинете, — говорит он.

Я спешу через холл и поворачиваю налево, в коридор западного крыла, ведущий к кабинету Романа. Чем ближе я подхожу к его двери, тем больше из меня покидает смелость. К тому времени, когда я дохожу до двери, я вся на нервах и в тревоге. Я собираюсь увидеть его снова после всего этого времени, и я одновременно взволнована и напугана. Я хочу войти, но в то же время хочется развернуться и убежать. Назад дороги нет — уже слишком поздно.

Положив руку на ручку, я делаю глубокий вдох, надеваю безмятежную маску и вхожу без стука.

Роман сидит за столом, глядя между бумагами в руках и экраном ноутбука. Я закрываю за собой дверь, прислоняюсь к ней спиной и несколько секунд смотрю на него. Боже, я так по нему скучала, что больно даже смотреть на него.

— Я слышала, тебя подстрелили, — говорю я и поражаюсь, как непринужденно мне удастся говорить — ни дрожи в голосе, но в душе бушует ураган.

Роман скидывает голову, его взгляд сталкивается с моим, и он смотрит на меня с такой силой, что, если бы за спиной не было двери, я бы упала. В его глазах читается так много, разные эмоции вспыхивают и сменяются другими так быстро, что я не могу

уловить их всех. Удивление, но оно смешано с обидой и такой яростью, что я не могу не вздрогнуть.

— И как тебя это касается, Нина? — Тихие, злые слова — каждое из них пронзает мое и без того израненное сердце. Он ненавидит меня.

— Я просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

Он откинулся в кресле и скрестил руки перед собой.

— Почему?

Почему? Такой простой вопрос. И так много ответов. Потому что я боялась за него. Потому что скучала по нему и хотела увидеть его хотя бы на минуту. Потому что люблю его. Но вместо того, чтобы ответить, я стою и пытаюсь контролировать свое дыхание, потому что вдруг мне показалось, что в комнате не хватает воздуха.

Роман встает, берет трость, стоящую возле стола, и идет ко мне. Он сильно опирается на трость, но его шаги уверенны и довольно быстры. Из уголка моего глаза вытекает слеза. Он сделал это; я знала, что он сделает.

Он встает передо мной и поднимает руку, чтобы положить ее на дверь рядом с моей головой, закрывая меня. Опускает голову так, что наши лица оказываются в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Я задал тебе вопрос. Мне нужен ответ, *malysh*.

Плотина прорывается, когда я слышу его ласковое обращение, и слезы свободно текут по моему лицу. Нижняя губа у меня начинает дрожать, я прикусываю ее и медленно поднимаю руки к его лицу. Они дрожат. Я колеблюсь секунду, затем кладу ладони на его щеки.

— Ты. Ушла. От. Меня, — шепчет он, а затем ударяет ладонью по двери. — Ты, бросила меня!

— Я знаю.

Ярость. Столько ярости в его глазах, когда он смотрит на меня.

— Прости, что причинил тебе боль, — шепчет он. — Я хотел бы повернуть время вспять и сделать все по-другому. Но не могу. Но мне нисколько не жаль, что я убил этого ублюдка. Поэтому, я спрошу еще раз. Почему тебя волнует, что в меня стреляли?

Я не могу заставить себя отвести взгляд от его глаз. Он не сожалеет о том, что сделал. Могу ли я жить с этим?

Роман зарывается рукой в волосы на моем затылке.

— Ответ мне, черт возьми.

— Потому что я люблю тебя, Роман! — Я прижимаю ладони к его щекам. — Я люблю тебя. Мне невыносима мысль, что тебя ранят. Ты закончишь эту чертову войну, которую ты начал, слышишь меня? Мне все равно, как ты это сделаешь, но закончи ее, или, да поможет мне Бог, я убью тебя сама.

Он молчит несколько мгновений, глядя мне в глаза, сжимает мои волосы.

— Выходи за меня замуж, — говорит он, — и я остановлю войну.

Глаза Нины расширились от моего предложения. Она, вероятно, задается вопросом, серьезно ли я говорю, и можно не сомневаться, что да. Неважно, какими средствами, но я верну ее.

— Ты шантажируешь меня, чтобы я вышла за тебя замуж. Опять.

Это не был вопрос, но я все равно решил уточнить.

— Да, шантажирую.

Она смотрят в мои глаза, и я вглядываюсь в них. Они красные по краям, и слезы все еще текут. Мне кажется, она даже не замечает, что все еще плачет, а мне так хочется смахнуть ее слезы рукой. Это будет последний раз, когда она плачет из-за меня, я клянусь себе.

Мне нужно, чтобы она сказала «да». Я не могу пережить еще одну ночь без моей дикой кошки, свернувшейся калачиком у меня под боком. Она забрала мое черное сердце с собой в тот день, когда ушла, и если она скажет «нет», то может оставить его себе. Я все равно больше ни для кого не гожусь.

— Господи, Роман, — вздыхает она и прижимает ладони к глазам.

Я смотрю на ее руки, измазанные черной краской, и в моей груди расцветает крохотный огонек надежды.

— Ты не сняла кольцо.

— Я не могла. — Она опускает руки и вздыхает.

Хорошо. У нас что-то получается. Я тянусь к ее руке и снимаю кольцо с ее пальца. Оно снимается слишком легко. Она похудела. Я собираюсь задушить ее.

— Отдай! — кричит она и хватается за руку, но я убираю ее за спину.

— Отдам. Дай мне несколько секунд, — говорю я и, взявшись за трость, медленно начинаю опускаться на левое колено.

Нина смотрит на меня, ее глаза расширены. Она снова плачет.

— Черт, детка. Не делай этого.

Я игнорирую жгучую боль в правой ноге и еще немного опускаю левое колено. Это не совсем та поза, которую я себе представлял, но она ближе всего к тому, чтобы встать на одно колено. Я поднимаю кольца перед ней.

— Ты выйдешь за меня, *malysh*?

Она плачет и судорожно вдыхает, слезы все еще текут по ее лицу, затем хватается меня за грудки рубашки и тянет вверх. Мне требуется несколько секунд, чтобы выпрямиться, и когда я это делаю, она поднимает руку между нами.

— На этот раз ты не отделаешься дешевой версией, Роман. — Она фыркает. — Я хочу платье, большое, пышное и сверкающее. Тонну цветов, оркестр, играющий шикарную музыку, и, конечно же...

Я чувствую, как губы у меня кривятся в улыбке. Я так чертовски люблю свою маленькую сумасшедшую жену.

— Я люблю тебя, — шепчу я, надеваю кольцо ей на палец, затем беру ее за лицо и целую.

* * *

Я провожу ладонью по спине Нины, затем опускаю вниз, чтобы сжать ее попку, и повторяю путь вверх до самого затылка, где пальцами застреваю в спутанных темно-зеленых прядях.

— Это смоемся?

Нина поднимает голову от моей груди и смотрит на прядь волос между моими пальцами.

— Не любишь зеленый цвет?

— Не очень. Но если тебе нравится, я не против. Хотя он ужасен.

— Он смоемся через неделю или две. Я тоже его ненавижу. — Она пожимает плечами и снова опускает голову, прямо над моим сердцем. — Как ты остановишь войну с итальянцами?

— Обычным способом. Кое-кто женится на милой и послушной итальянке.

— Как романтично. И кто же будет счастливым женихом?

— Я еще не решил. Наверное, Костя.

— Уверена, он будет в восторге. — Она зевает и закрывает глаза. — Как проходит физиотерапия?

— Я закончил ее две недели назад. Уоррен сказал, что мы достигли максимума того, чего можно достичь, поэтому в ней больше нет необходимости.

— Я рада. Знаю, как ты ненавидел эти сеансы. Ты сексуален с тростью, как я и говорила. — Она сонно улыбается.

Я убираю несколько спутанных прядей волос с ее лица, затем смотрю в сторону кровати, где мои костыли прислонены к стене. Не думаю, что она заметила их, когда мы вошли, поскольку мы были заняты тем, что снимали одежду по пути к кровати. Она все равно узнает об этом утром, но я предпочитаю сказать ей сразу и покончить с этим.

— Нина... Я должен тебе кое-что сказать.

— Ммм... это может подождать до утра?

— Нет.

Она тут же поднимает голову, глядя мне в глаза.

— Что ты сделал?

— Я ничего не сделал. Просто мне нужно, чтобы ты кое-что узнала.

— О, Боже... — Она простонала: — Просто скажи мне, что ты сделал.

Мой прекрасный маленький цветок смотрит на меня, ее глаза расширены. Я ненавижу то, что должен сказать. Я ненавижу это так сильно, что мне становится плохо.

— Нина я все еще пользуюсь костылями. По утрам мое колено все еще ноет, и я не могу ходить без них в течение первого часа или около того. — Я стиснул зубы и продолжил: — Иногда они мне нужны и по вечерам.

Она наблюдает за мной, ее глаза смотрят в мои. Мне нужно, чтобы она что-нибудь сказала. Хоть что-нибудь.

— И? — спрашивает она наконец.

— И? И всё, — говорю я.

Ее глаза округляются еще больше.

— Чтоб тебя черти драли, Роман, не пугай меня так. — Она бьет меня ладонью по груди. — Я думала, ты собирался рассказать мне что-то важное, например, как ты убрал Игоря, пока меня не было. Господи, детка.

Я уставился на нее. Это не та реакция, которую я ожидал. Разочарование, да. Или, по крайней мере, некоторое недовольство, когда поняла, что окажется привязанной к инвалиду на всю оставшуюся жизнь. Разве это не чертовски важно? Может, она думает, что это временно?

— Нина, ты не понимаешь. Лучше, чем сейчас, для меня уже не будет. Прости меня, *malysh*.

Она берет меня за лицо и тянет, пока лбом не касается моего.

— Да, ты уже говорил мне. Я также видела костыли и сделала выводы, детка. И мне все равно. — Она целует меня в губы. — Значит, ты никого не убил, пока меня не было?

Я решаю сохранить молчание и благоразумно держу рот на замке.

— Роман? — Она сужает глаза.

Я вздыхаю.

— Я убил Тануша, ясно?

— Я так и знала. Я. . . — Она качает головой.

— Он был тем, кто установил бомбу с Леонидом.

Нина смотрит на меня, морщит нос, потом кивает.

— Он это заслужил, — говорит она и снова прижимается к моей груди. — Только, пожалуйста, не убивай больше никого из-за меня.

Я слушаю, пока ее дыхание не выравнивается. Когда я убеждаюсь, что она крепко спит, я беру ее маленькую руку со своей груди и целую кончики пальцев.

— Я убью любого, кто посмеет причинить тебе боль, — шепчу я. — Просто позабочусь о том, чтобы в следующий раз ты не узнала об этом.

Эпилог

Два месяца спустя

— Роман, ты не пойдешь со мной покупать свадебное платье. Я смотрю на него с другой стороны кухни, уперев руки на бока.

— Я буду возле примерочной. Я не буду смотреть, но я буду там.

— Нет, — говорю я.

— Да.

— Это смешно.

— В моем страхе за твою безопасность нет ничего смешного. Я до сих пор не могу забыть тот день, когда ублюдок, которого нанял Леонид, пытался убить тебя. Ты не представляешь, что я пережил за тот час, когда я не знал, ранена ты или мертва. Я не собираюсь проходить через это снова.

Он подходит ко мне, берет за талию, и сажает на стойку. Это стало моим любимым местом.

— Позёр, — говорю я, и щипаю его твердые бицепсы.

— Тебе нравится, когда я так делаю, — говорит он и встает между моих ног. — И это спасает меня от напряжения шеи.

Я чувствую его руку на колене, затем он ведет ее по бедру и к трусикам. Кладет свою трость на стойку, а другой рукой проникает под мою юбку.

— Я опоздаю на примерку.

— Они подождут, — шепчет он мне на ухо, и вскоре я слышу, как рвется ткань моих трусиков.

— Мне нужно будет найти архитектора, который рассчитал высоту этой стойки... — Он тянется к своему ремню, расстегивает его, а затем брюки. — И я дам ему хорошие чаевые.

— Насколько хорошие? — Я улыбаюсь, обхватываю ногами его талию и берусь за край стойки.

— Очень хорошие. — Он хватается меня за попку и одним толчком погружается в меня.

* * *

— Роман, — говорю я час спустя. — Я хочу попробовать еще раз.

Его рука замирает у меня за спиной. "Нет".

Мы пытались преодолеть мои страхи и, кажется, у нас что-то получается. То, что он держит меня за запястья, больше не вызывает у меня страха. Это мы попробовали первым. Однако, когда мы дошли, чтобы я лежала на спине, то зашли в тупик. Всякий раз, когда Роман пытался лечь на меня сверху, даже не прижимая меня своим телом, я паниковала. Это разрывало меня изнутри. Мне так хотелось почувствовать, как его тело накрывает мое, но мой разум всегда воспринимал ситуацию неправильно. Я не знаю, что делать, чтобы мой испорченный мозг не сходил с ума.

Я поднимаю голову и смотрю ему в глаза.

— Пожалуйста.

Роман проводит рукой по моему лицу, его взгляд прожигает меня, и я вижу это в его глазах. Его это тоже беспокоит.

— Ты хоть представляешь, что это делает со мной, чувствовать, как ты замираешь от страха подо мной, видеть панику в твоих глазах? Меня это каждый раз бесит. Пожалуйста, не проси меня продолжать причинять тебе боль. Я не в силах этого вынести.

— Пожалуйста, давай попробуем еще раз, — умоляю я, стараясь удержать слезы. Я так люблю его, почему мой глупый мозг не может понять, что он никогда не причинит мне вреда.

Роман вздыхает и целует мой лоб.

— Хорошо.

Я переворачиваюсь на спину, беру его руку и кладу на свой живот, где он начинает ласкать мою кожу. Осторожно Роман переставляет свою правую ногу на мою и придвигается ближе, пока его грудь и живот не оказываются прижатыми к моему боку.

— Ты в порядке? — шепчет он, и я киваю.

Медленно он приподнимается на локте и кладет свою руку мне на другой бок. Я делаю глубокий вдох и наблюдаю за ним, когда он переходит в положение надо мной, поддерживая свой вес на локтях. Мое дыхание учащается, и я вижу, как он замирает. Он отпрянет. Я вижу это по его лицу. Нет. Я больше не позволю этому абсурдному страху управлять мной.

Я протягиваю руку, отмечая, как дрожат мои пальцы, и кладу ее ему на щеку.

— Детка, поговори со мной. — Я должна заставить свой мозг понять, что это Роман.

Я должна заставить свой мозг понять, что это Роман.

— Я люблю тебя, *milaya*. Очень, очень сильно, — шепчет он, не разрывая нашего зрительного контакта. — Мне кажется, я влюбился в тебя в нашу первую встречу. Ты была такой дерзкой, в черном наряде эмо и с пирсингом в носу, стояла передо мной такая собранная и такая злая.

Дыхание у меня все еще быстрее, чем обычно, и рука все еще дрожит, и желание убежать все еще есть, но стараюсь сосредоточиться на голосе Романа.

— Ты околдовала меня, мой маленький цветок. Той ночью, на вечеринке, где мы якобы встретились, я хотел поцеловать тебя в тот момент, когда ты сказала, что ты не пудель.

Я кладу другую руку ему на грудь, чувствуя под ладонью биение его сердца. Мое затрудненное дыхание немного замедляется.

— Ты веришь в любовь с первого взгляда, *malysh*? — говорит он, и опускает голову опускается на несколько дюймов. — Я всегда думал, что это полная чушь. Я ошибся, *milaya*. Сильно ошибался.

Он опускает голову еще ниже, пока носом почти не задевает мой, и смотрит в мои глаза своим лукавым взглядом.

— Я так сильно тебя люблю, что готов сжечь ради тебя весь гребаный мир. — Наши губы почти соприкасаются. — Ты создала монстра, Нина, потому что нет ничего, чего бы я не сделал ради тебя. Тебе нужно только попросить.

Руки у меня практически перестают дрожать, а дыхание приходит в норму. Медленно, я обхватываю его шею руками и притягиваю его ближе, пока его рот наконец не касается моего.

— Детка, прошу тебя, сегодня ничего не сжигай, — говорю я ему в губы.

Я чувствую, как он улыбается, и вижу, как легкие морщинки появляются в уголках его глаз.

— Я подумаю об этом, — шепчет он и целует меня.

На мою грудь давит какая-то тяжесть. Роман все еще опирается на локти, и целует меня. У меня на мгновение возникает паника, когда я осознаю положение его тела, но затем мой мозг сосредотачивается на его губах, и мои мышцы расслабляются. Боже, этот мужчина умеет целоваться.

— Сильнее, детка, — бормочу я ему в губы, и он чуть больше наваливается на меня.

— Так лучше?

Не просто лучше. Идеально. А теперь самое сложное.

— Положи руку мне на шею, Роман.

— Нина.

— Пожалуйста.

Он медленно проводит правой рукой по моей груди, затем выше, пока ладонью не достигает моей шеи. У меня перехватывает дыхание. Я опускаю руки с его плеч и закрываю глаза.

— Это всего лишь я, *milaya*. — Я слышу его голос, шепчущий мне на ухо, пока его пальцы ласкают кожу на моей шее. — Я никогда не причиню тебе вреда. Я скорее

отрублю себе руку. Пожалуйста, вернись ко мне. Ты знаешь, какой я пропащий без тебя, *malysh*.

Когда я открываю глаза и смотрю на него — моего большого плохого мужа, который с беспокойством наблюдает за мной, — у меня наворачиваются слезы.

— Я так чертовски сильно тебя люблю, — говорю я, затем прижимаюсь ртом к его рту и обхватываю ногами его талию.

Роман входит в меня медленно, он все еще боится, что я могу вырываться, но знаю, что не буду. Я никогда не боялась, что он причинит мне боль, и, похоже, мой испорченный мозг наконец-то это понял. Я перемещаю свои губы к его уху.

— Роман, я хочу, чтобы ты трахнул меня до потери сознания, — произношу я. — И если после этого я смогу ходить, ты столкнешься с последствиями.

Он с рыком медленно выходит из меня, затем снова погружается, заставляя меня стонать. Никогда не думала, что мне понравится ощущение огромного мужского тела, которое так сильно на меня давит. Роман проводит рукой по моей груди и животу, пока не достигает места, где соединяются наши тела. Надавливая на мой клитор, его умелые пальцы кружат, дразнят. Я хватаюсь за его плечи, тяжело дыша, пока он продолжает терзать мою киску и меня, пока мое сердцебиение стремительно учащается.

— Сильнее, — задыхаюсь я и выгибаю спину.

Роман убирает руку затем обхватывает пальцами мое колено и закидывает мою ногу себе на плечо. Когда он снова входит в меня, я ахаю. Ощущения от его члена заполняют меня так полно, что у меня помутился рассудок. Он целует меня в губы, а затем входит в меня с такой силой, что мне приходится опираться руками в изголовье кровати. Кровать раскачивается в такт его толчкам, и с моих губ срывается стон. Мышцы сокращаются, но он продолжает все сильнее и сильнее входить в мое тело, пока я не кончаю с криком.

Я люблю, когда она играет с моими волосами. Конечно, я никогда не признаюсь в этом. И как Нина любит это говорить не по «пахански».

— Думаю, мне придется перенести примерку, — говорит она и продолжает водить пальцами по моим волосам. — Мы опаздываем на три часа, и наверняка у них все занято. Вряд ли они смогут меня втиснуть.

— Конечно, смогут. — Я приоткрываю одно веко и смотрю на нее. — Никто не скажет «нет» моей жене.

— Ну, технически, я еще не твоя жена. Или лучше сказать «пока еще»? — Ее рука замирает, и я недовольно рычу. — Полагаю, мы находимся между браками. Ситуация странноватая.

— Скоро мы это исправим. — Я пожимаю плечами и снова закрываю глаза.

— Роман?

— Мм?

— У меня для тебя есть новости. Я не знаю, как ты отреагируешь, но, пожалуйста, не сходи с ума. Ты обещаешь не психовать?

— Нина, milaуа, я никогда не психую. Я очень спокойный человек. Ты это знаешь. В чем дело?

Я чувствую, как ее волосы касаются моего плеча, когда она наклоняется и шепчет мне на ухо.

— Я беременна.

Я открываю глаза. Такое ощущение, что меня сбил поезд, и на грудь давит тяжесть, затрудняя дыхание. Я хватаю ее за спину и прижимаю ее к себе, уткнувшись ей в макушку.

— Ты уверена? Пожалуйста, скажи мне, что ты уверена.

— Я уверена. Сегодня утром я сделала тест, потому что меня рвало завтраком уже неделю или около того. Да и грудь у меня побаливает. Я не принимала таблетки с тех пор, как вернулась.

Я закрываю глаза и обнимаю ее на несколько мгновений, осмысливая сказанное.

— Я не спущу с тебя глаз, — шепчу я ей на ухо. — Ты не должна выходить из дома без меня. Я велю горничным перенести мои вещи из кабинета. С этого момента я буду работать из гостиной.

— Роман! Ты что, с ума сошел?

— Возможно. Я схожу с ума от счастья и в то же время до смерти напуган. А ты не хочешь взволновать сумасшедшего, Нина. Поверь мне.

— Что, черт возьми, случилось с тем очень спокойный человеком, за которого ты себя выдавал?

— Пропал, malysh. — Я целую макушку ее головы. — Мы отменяем примерку и сразу же идем к врачу на осмотр.

— Я знала, что ты разволнуешься, — вздыхает она, уткнувшись мне в шею. — Боже, я надеюсь, что это будет мальчик.

— Почему? — спрашиваю я. — Я бы с удовольствием хотел девочку.

— У нее никогда не будет парня, когда рядом будет твоя сумасшедшая натура, Роман.

— Конечно, у нее будет парень. Когда ей стукнет лет так пятьдесят. — Я перемещаю руку и кладу ладонь на живот Нины.

— Я так тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, мой опасный kotik.

